Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

I. M. КУЛИШЕРЪ.

190

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и РАБОЧІЙ КЛАССЪ

НА ЗАПАДѢ ВЪ XVI—XVIII ст.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ С.-Петербургъ, Прачешный пер., № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ составъ моего сочиненія „Эволюція прибыли съ капитала“, т. I, входилъ рядъ главъ по исторіи промышленности въ XVI—XVIII ст. Такъ какъ этотъ первый томъ въ настоящее время совершенно распроданъ, то я и рѣшилъ выпустить ту часть его, которая касается промышленности и рабочаго класса въ XVI—XVIII ст., въ исправленномъ видѣ въ качествѣ самостоятельной книги.

Во введеніи къ настоящей книгѣ дается общій обзоръ промышленности предшествующей, средневѣковой эпохи. Характеристика средневѣковаго городского строя и средневѣковой торговли имѣется въ двухъ книгахъ А. К. Дживелегова („Средневѣковые города въ Западной Европѣ“ и „Торговля на Западѣ въ средніе вѣка“), входящихъ въ составъ „Исторіи Европы по эпохамъ и странамъ“. Наконецъ, анализъ цехового строя (какъ и другихъ сторонъ средневѣковаго хозяйства) читатель найдетъ въ моей „Исторіи экономическаго быта“ *). Въ послѣдней дается и характеристика того общаго фона хозяйственной жизни, на которомъ развивалась промышленность въ XVI — XVIII ст. (отдѣлы населенія, аграрнаго строя, торговли, кредита и путей сообщенія).

Къ настоящей книгѣ приложенъ указатель литературы, который дастъ возможность интересующимся ближе ознакомиться съ предметомъ.

---

*) І. М. Кулишеръ, «Исторія экономическаго быта». Курсъ лекцій, читанный въ с.-петербургскомъ университетѣ. Изд. 2-е. СПБ. 1910. Стр. 451.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Ремесло и цеховой строй въ средніе вѣка.

Въ средніе вѣка господствующей формой промышленности является цеховое ремесло. Прежде всего, это было ремесло, т.-е. мелкое производство для мѣстнаго рынка, изготовленіе продукта непосредственно для потребителя. Оно принимало двоякую форму: либо оно представляло собою работу на заказъ, гдѣ работникъ изготовляетъ продуктъ по заказу потребителя изъ принадлежащаго послѣднему матеріала; либо мы находимъ ремесло въ тѣсномъ смыслѣ, производство для продажи, работу на сбытъ, гдѣ работникъ обрабатываетъ собственный матеріалъ и готовый продуктъ сбываетъ самъ (безъ всякихъ посредниковъ) потребителю. Въ то время, какъ работникъ на заказъ получаетъ лишь вознагражденіе за свой трудъ, ремесленникъ въ тѣсномъ смыслѣ владѣетъ средствами производства и продаетъ за опредѣленную цѣну готовый продуктъ, составленный изъ доставляемаго имъ же матеріала и вложеннаго въ него труда. Въ позднее средневѣковье развивается именно эта вторая форма ремесла, постепенно вытѣсняя работу на заказъ.

Характерную черту средневѣкового ремесла составляетъ то, что ему предоставлена монополія на городскомъ рынкѣ: произведеніями его удовлетворяются всѣ потребности населенія въ промышленныхъ издѣліяхъ, населенія какъ городского, такъ и деревенскаго. Городъ не долженъ зависѣть отъ иногородней промышленности; промышленныя издѣлія, изготовленныя внѣ города, не должны конкурировать на городскомъ рынкѣ съ произведеніями мѣстнаго ремесла. „Въ средніе вѣка господствуетъ принципъ, что товары должны производиться въ самомъ городѣ, а не привозиться изъ другихъ мѣстъ; поэтому ввозъ промышленныхъ издѣлій всячески стѣсняется путемъ ввозныхъ пошлинъ, запрещеній ввоза и продажи ихъ въ городѣ. Только предметы роскоши, составлявшіе спеціальность нѣкоторыхъ мѣстностей, допускались къ ввозу“. Этого правила придерживались повсюду, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Англіи и въ другихъ странахъ.

„Въ городскихъ статутахъ, въ рѣшеніяхъ городскихъ ратушъ и въ цеховыхъ уставахъ—говоритъ Инама-Стернеггъ („Deutsche

Wirtschaftsgesch.“)—содержится цѣлый рядъ постановленій, которыми ввозъ извѣстныхъ промышленныхъ издѣлій либо вовсе запрещается, либо не допускается въ опредѣленное время, съ цѣлью облегчить мѣстной промышленности сбытъ на городскомъ рынкѣ. Отчасти эти постановленія находятся несомнѣнно въ связи съ тѣми ограниченіями въ правахъ въ области торговли и промышленности, которымъ вообще подвергались иногородніе; однако, и городскіе купцы, розничные торговцы и ремесленники ограничивались въ сбытѣ произведенныхъ внѣ города товаровъ, когда этого требовали интересы городской промышленности“. „Гостямъ, т.-е. иногороднымъ купцамъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — разрѣшается продавать товары на городскомъ рынкѣ лишь въ теченіе трехъ дней въ году. Но цехи старались устранить и эту незначительную конкуренцію посредствомъ запрещеніи всякаго ввоза издѣлій, произведенныхъ внѣ города. Другіе цехи добивались того, что имъ поручался осмотръ привозимыхъ въ городъ издѣлій, что иногороднимъ запрещалось торговать въ розницу, и для послѣднихъ устанавливался цѣлый рядъ всевозможныхъ ограниченій“.

Въ Любекѣ, въ Данцигѣ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и въ другихъ городахъ существовали спеціальныя постановленія, которыми мѣстнымъ жителямъ запрещался ввозъ промышленныхъ издѣлій. Въ Пармѣ, по статуту 1211 года, всѣ ввозимыя въ городъ шерстяныя издѣлія и сукна отбирались магистратомъ и сжигались. Во Флоренціи былъ запрещенъ ввозъ сукна. Въ Венеціи мы находимъ запрещеніе ввоза стеклянныхъ и шелковыхъ издѣлій. Въ Парижѣ и Руанѣ не дозволялось ввозить вино; хлѣбъ (испеченный) и сукно можно ввозить лишь по субботамъ, другіе товары, привезенные купцами, могутъ продаваться лишь оптомъ, цѣлыми тюками, тысячами, по двѣнадцати дюжинъ и т. п. Брюссельскіе слесари, ножевщики, портупейные мастера добиваются установленія запрещенія ввоза фабрикатовъ, произведенныхъ внѣ города. Въ Англіи иногородніе не только сильно ограничены были относительно времени и мѣста сбыта товаровъ, но и всѣ привозимыя ими издѣлія подлежали осмотру старшинъ соотвѣтствующаго ремесла, которое было заинтересовано въ устраненіи иногородней конкуренціи; во многихъ случаяхъ и часть конфискованныхъ товаровъ, признанныхъ негодными, поступала въ пользу старшинъ цеха, что создавало новый стимулъ къ недопущенію сбыта произведенныхъ внѣ города промышленныхъ издѣлій.

Но точно также не допускалось производство промышленныхъ издѣлій въ сельскихъ мѣстностяхъ. Деревенскіе жители должны

были пріобрѣтать необходимыя имъ промышленныя издѣлія въ городѣ. Городскіе ремесленники строго слѣдили за этимъ и если узнавали, что въ окружныхъ селахъ производятся промышленныя издѣлія, то производили нападенія на дома, гдѣ изготовлялись эти предметы, уничтожали инструменты и матеріалы и жестоко избивали ихъ владѣльцевъ.

Другую сторону средневѣковой промышленности составляетъ цеховая организація—господствуетъ не только ремесло, но цеховое ремесло. Населеніе въ средніе вѣка распадалось на цѣлый рядъ корпорацій различнаго рода, на всевозможныя гильдіи, цехи, братства, ассоціаціи. Среди нихъ едва ли не наибольшее значеніе имѣли ремесленные цехи. Каждое ремесло образовывало цехъ, нерѣдко отъ какого-либо промысла откалывались отдѣльныя части и создавали самостоятельный цехъ. Цехъ происходитъ отъ слова Zeche, т.-е. попойка, пиршество. Дѣйствительно, хотя каждый цехъ отличался отъ всѣхъ прочихъ по характеру производимаго его членами ремесла, но онъ преслѣдовалъ самыя разнообразныя цѣли. Его члены не только оказывали другъ другу содѣйствіе въ области производства, но и устраивали совмѣстно религіозныя празднества и процессіи въ честь почитаемаго цехомъ святого, образовывали въ случаѣ нападенія враговъ на городъ самостоятельный отрядъ, собирались въ цеховой ратушѣ для веселаго времяпрепровожденія (См. объ этомъ въ моей „Исторіи экономическаго быта“, стр. 133 и сл.).

Цехи представляли собою первоначально общины лицъ, близкихъ другъ другу по родству, по крови, по происхожденію. Первоначально они не могли себѣ даже представить, чтобы въ ихъ составъ могли войти постороннія лица; послѣднія вовсе и не предусматривались цеховыми уставами. Впослѣдствіи они стали допускать и постороннихъ, но все же всегда отдавали предпочтеніе своимъ—сыновьямъ членовъ цеха, лицамъ, вступавшимъ въ бракъ съ дочерьми или вдовами цеховыхъ мастеровъ. Сыновья нерѣдко, достигнувъ совершеннолѣтія, сразу и становились полноправными членами цеха—мастерами; или же если принятіе ихъ обусловливалось выполненіемъ какихъ-либо требованій, то послѣднія были весьма несложны и выполнимы въ теченіе краткаго срока. Напротивъ, если постороннее лицо желало вступить въ цехъ, то ему ставился рядъ препятствій.

Такъ, существовалъ обширный кругъ лицъ, коимъ доступъ въ большинство цеховъ былъ прегражденъ, ибо ихъ родители принадлежали къ профессіямъ, признаваемымъ „позорящими“. Такими позорными

ремеслами были ремесла банщиковъ и цырюльниковъ, пастуховъ и кожевниковъ, мельниковъ, ткачей холста, далѣе занятія трубачей, барабанщиковъ, ночныхъ сторожей, гробокопателей, палачей. Такъ, напр., статутъ башмачнаго цеха въ Бременѣ 1300 г. запрещаетъ принимать въ обученіе дѣтей ткачей холста и носильщиковъ. Въ XV вѣкѣ это постановленіе распространяется и на дочерей этихъ лицъ, съ которыми запрещается вступать въ бракъ. Въ 1440 г. цехъ отказываетъ въ пріемѣ одному сапожнику за то, что жена его происходитъ изъ ремесла ткачей, и лишь городскому совѣту удается заставить цехъ нарушить существующій обычай и принять этого сапожника. Въ г. Вернигероде лица, вступившія въ какой бы то ни было цехъ, обязаны были дать присягу, что они не происходятъ ни отъ ткачей холста, ни отъ мельниковъ, ни отъ пастуховъ. Золотыхъ дѣлъ мастера г. Познани не приняли въ 1448 г. нѣкоего Севастіана, такъ какъ отецъ его былъ цырюльникомъ. Сынъ кожевника ни въ коемъ случаѣ не могъ стать кузнецомъ, ибо для вступленія въ этотъ цехъ необходимо было имѣть „честное происхожденіе“ и „честныхъ родителей“.

Другую категорію лицъ, не принимаемыхъ въ цехи, составляли лица, которыя не могли доказать свободнаго и законнаго происхожденія. Такъ, напр., гамбургскіе рыбаки въ статутѣ 1386 г., бреславльскіе столяры 1390 г., кельнскіе ювелиры 1370—1380 гг., и мн. др. ставятъ условіемъ пріема законное происхожденіе. Въ другихъ нѣмецкихъ цехахъ принимаются только лица нѣмецкаго происхожденія. Въ числѣ обязательствъ дублинскаго гражданина находимъ обѣщаніе не принимать въ число учениковъ дѣтей рабовъ и крѣпостныхъ. Точно также въ уставахъ парижскихъ рѣзчиковъ и бахромщиковъ XIII вѣка говорится, что въ ученики принимаются только дѣти, родившіяся въ законномъ бракѣ. Кромѣ того, запрещалось незаконное сожительство. Подмастерья, имѣвшіе конкубинъ, изгонялись, когда это обнаруживалось, изъ Парижа. Ремесленникъ же, переселявшійся изъ другихъ мѣстностей въ Парижъ въ сопровожденіи женщины, допускался къ занятію ремесломъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ могъ доказать, что это его законная жена, причемъ доказательствомъ служили только свидѣтельскія показанія или выданныя духовенствомъ удостовѣренія.

Стѣсненія иного порядка мы находимъ въ видѣ высокихъ вступительныхъ взносовъ, пробной работы, обязательнаго угощенія членовъ цеха, владѣнія имуществомъ. Эти требованія предъявлялись къ подмастерьямъ, желавшимъ стать полноправными мастерами. Вступительные взносы постепенно достигаютъ весьма высокихъ

размѣровъ. Такъ, во французскихъ городахъ въ XIII ст. сумма, уплачиваемая при пріобрѣтеніи званія мастера, еще незначительна и упоминается о ней далеко не во всѣхъ статутахъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка она уже равняется 20 солидамъ, а во второй половинѣ того же столѣтія—40 и 60 солидамъ, и это требованіе становится всеобщимъ. Въ XV вѣкѣ вступительный взносъ уже опредѣляется ливрами, взносъ въ размѣрѣ 10 ливровъ (200 солидовъ) становится явленіемъ далеко не рѣдкимъ. Упоминается даже о платѣ въ 40 ливровъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что во Франціи дѣло не ограничивалось уплатой извѣстной суммы въ пользу цеха. Приходилось, кромѣ того, вознаграждать мастера, въ домѣ котораго производилась пробная работа, за предоставленіе своего помѣщенія, членовъ цеха, присутствовавшихъ при изготовленіи пробной работы, за потерю времени, наконецъ, мэра за внесеніе новаго мастера въ списокъ членовъ цеха. Вслѣдствіе этого человѣкъ бѣдный—говоритъ Буассонадъ—если не юридически, то фактически не имѣлъ возможности сдѣлаться мастеромъ. Подмастерье со среднимъ достаткомъ лишался своего имущества тогда именно, когда ему необходимы были средства, чтобы завести собственную мастерскую. Только богатый могъ вынести всю эту массу расходовъ.

Въ англійскихъ городахъ члены цеховъ открыто сознавались, что они ищутъ защиты отъ конкуренціи постороннихъ, желающихъ заняться ремеслами, причемъ средствомъ борьбы являлись высокіе вступительные взносы. Издаются неоднократныя постановленія городскихъ властей, направленныя противъ чрезмѣрныхъ поборовъ, взимаемыхъ при вступленіи въ цехъ. Подобные же факты встрѣчаемъ въ нѣмецкихъ городахъ. Въ 1441 г. базельскій городской совѣтъ жалуется, что цехи довели вступительную сумму до такихъ размѣровъ, что никто болѣе не рѣшается селиться въ Базелѣ. Въ Страсбургѣ въ 1400—1434 гг. суконщики и сукновалы взимаютъ 45 шилл. съ каждаго вступающаго въ цехъ, кромѣ дѣтей мастеровъ, ткачи уже въ 1407 г. заставляютъ уплачивать цѣлыхъ 85 шилл., опять-таки всѣхъ, кромѣ дѣтей членовъ цеха. Шмоллеръ находитъ эти взносы весьма крупными и указываетъ на то, что, благодаря имъ, доступъ всѣхъ постороннихъ лицъ, т.-е. не происходящихъ отъ самихъ мастеровъ цеха, долженъ былъ сильно затрудняться.

Пробная работа, которую подмастерье обязанъ выполнить, для полученія званія мастера, встрѣчается во французскихъ статутахъ уже въ XIII вѣкѣ; въ однихъ случаяхъ о ней лишь кратко упоминается, въ другихъ случаяхъ точно описывается изготовляемый предметъ. Въ XIV вѣкѣ chef d'oeuvre составляетъ обычное

явленіе и во французскихъ и въ нѣмецкихъ городахъ; мы ее находимъ какъ въ Парижѣ и Амьенѣ, такъ и въ ганзейскихъ городахъ (Гамбургѣ, Люнебургѣ, Штеттинѣ, Грейфсвальдѣ, Данцигѣ и др.), въ прирейнскихъ (Кельнѣ, Майнцѣ, Кобленцѣ) и южно-германскихъ (Мюнхенѣ, Нюрнбергѣ и др.); вездѣ въ XIV ст. уже требуется Meisterstück. Такъ, напр., въ уставѣ столярнаго цеха г. Амьена говорится, что никто не можетъ быть принятъ въ цехъ, если онъ не изготовилъ на собственный счетъ пробной работы цѣнностью въ 63 сол. или дороже, если ему угодно, и притомъ такой работы, какая ему будетъ задана старшинами цеха; лишь длина и высота изготовляемаго предмета зависитъ отъ его собственнаго усмотрѣнія. Въ оружейныхъ цехахъ, цехахъ кожевниковъ, слесарей, кузнецовъ въ различныхъ германскихъ городахъ требовалась нерѣдко очень сложная пробная работа, отнимавшая много времени и денегъ у подмастерья, ибо матеріалъ и инструменты пріобрѣтались имъ на собственный счетъ; изготовленный же предметъ, даже если онъ былъ годенъ для употребленія, что было далеко не всегда, становился достояніемъ цеха. И Левассеръ, и Мартенъ-Сенъ-Леонъ указываютъ на то, что уже въ XIV вѣкѣ пробная работа была нерѣдко дорогимъ и продолжительнымъ испытаніемъ, и что она составляла камень преткновенія для подмастерья, стремившагося къ званію мастера. Но для сыновей членовъ цеха и для лицъ, вступавшихъ въ бракъ съ дочерью мастера, дѣлалось исключеніе: они считались хорошими работниками и безъ всякаго испытанія, послѣднее замѣнялось ихъ семейнымъ состояніемъ. Они освобождались отъ пробной работы совершенно, или же пробная работа для нихъ значительно упрощалась и удешевлялась, являясь простой формальностью.

По выполненіи пробной работы мытарства подмастерья не кончались: онъ долженъ былъ устроить угощеніе для членовъ цеха, стоившее весьма не дешево, да еще обязанъ былъ обладать извѣстнымъ имуществомъ; благодаря послѣднему требованію въ особенности должны были сильно рѣдѣть ряды кандидатовъ. Такъ, напр., люнебургскій банщикъ по статуту 1361 долженъ поднести старшинамъ цеха окорокъ ветчины, свѣжую рыбу и двѣ мѣры вина. Гамбургскіе пекаря и бочары по уставамъ 1375 г. устанавливаютъ имущественный цензъ въ 20 марокъ, любекскіе цехи въ 30 мар. Въ Англіи кто не располагаетъ годовымъ доходомъ въ 20 шилл., не можетъ отдавать своихъ дѣтей въ ученье къ ремесленнику.

Наконецъ, цехи прибѣгали къ наиболѣе простому и вѣрному средству—ограничивали число мастеровъ цеха извѣстнымъ максимумомъ, и разъ послѣдній былъ достигнутъ, то новые члены при-

нимались лишь постольку, поскольку мѣсто очищалось старыми. Такъ, въ Любекѣ латунники въ 1330 г. и игольный цехъ въ 1356 г. ограничиваютъ число мастеровъ 12, ювелиры сначала 24, затѣмъ 22, рыбники въ 1376 г. также 12. Въ Штеттинѣ число сапожниковъ опредѣлено въ размѣрѣ 40, число бондарей—12. Число нюрнбергскихъ жестянниковъ не можетъ превышать 15, число красильщиковъ—80. Въ Гамбургѣ также цехи бондарей, льноткачей, золотыхъ дѣлъ мастеровъ устанавливаютъ извѣстный комплектъ. Въ Руанѣ число мастеровъ шапочнаго цеха ограничено 50. Особенно часто встрѣчалось подобное постановленіе въ уставахъ мясниковъ: въ Стреленѣ число ихъ ограничено въ 1292 г. 34, въ Бееской въ 1348 г.—22, въ Штеттинѣ—14, въ Стендалѣ въ 1355 г. максимумъ составляетъ существующее въ данное время число плюсъ два. Однако, не менѣе обычнымъ, встрѣчающимся повсюду, являлся комплектъ и у пекарей, суконщиковъ, кузнецовъ, словомъ вездѣ, гдѣ продажа товаровъ производилась изъ опредѣленныхъ ларей или прилавковъ или предметы изготовлялись въ особыхъ мастерскихъ. Цехъ заявлялъ, что ихъ имѣется такое-то количество и больше не можетъ быть устроено, почему новые мастера могутъ приниматься въ цехъ лишь въ томъ случаѣ, если освободилось мѣсто.

II. Образованіе въ средніе вѣка постояннаго рабочаго класса подмастерьевъ.—Заработная плата.—Продолжительность рабочаго дня.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ стѣсненій доступа къ званію мастера было то, что далеко не всякій подмастерье, проработавъ извѣстный срокъ, могъ стать самостоятельнымъ мастеромъ. Долженъ былъ, слѣдовательно, образоваться постоянный рабочій классъ изъ подмастерьевъ, остававшихся всю свою жизнь зависимыми отъ своихъ хозяевъ работниками. Предположимъ, что мастеръ—говоритъ Шанцъ („Gesellenverbände“)—съ 30-до 60-лѣтняго возраста успѣвалъ обучить всего лишь семь учениковъ,—а эта цифра безусловно слишкомъ мала,—предположимъ далѣе, что за этотъ періодъ вслѣдствіе возрастанія населенія, число мѣстъ въ цехѣ было увеличено на два,—какимъ же образомъ даже при такихъ условіяхъ остальные пять человѣкъ могли пріобрѣсти самостоятельность въ качествѣ мастеровъ?

Лучшимъ подтвержденіемъ того, что уже въ XIV вѣкѣ суще-

ствовалъ постоянный рабочій классъ *), могутъ служить волненія подмастерьевъ, происходившія въ это время. Уже въ 1383 г. цехи кузнецовъ городовъ Майнца, Вормса, Шпейера, Франкфурта, Гейнгаузена, Ашафенбурга, Бингена, Оппенгейма и Крейцнаха вступаютъ въ соглашеніе относительно того, какъ сохранить свою власть надъ подмастерьями (слугами), среди которыхъ происходятъ волненія. „Это столь рано обнаружившееся недовольство подмастерьевъ — говоритъ Шанцъ — является тѣмъ болѣе удивительнымъ, что кузнецы сами лишь незадолго до того организовались въ цехи, напр., во Франкфуртѣ-на-Майнѣ они (окончательно) образовали цехъ, собственно говоря, лишь въ 1377 году". Подобныя же явленія, какъ на Рейнѣ, мы можемъ наблюдать и въ другихъ мѣстностяхъ, напр., въ Данцигѣ: почти одновременно съ возникновеніемъ цеховъ начинаются столкновенія между хозяевами и подмастерьями. Въ 1385 г. городъ угрожаетъ подмастерьямъ, принимающимъ участіе въ стачкахъ, отрѣзаніемъ ушей. Въ Бреславлѣ уже въ 1329 г. происходитъ стачка подмастерьевъ, изготовляющихъ пояса. Стачка шпейерскихъ подмастерьевъ суконнаго цеха въ 1351 г. вызвана требованіемъ съ ихъ стороны болѣе высокой платы, которой подмастерья и добиваются. Подмастерья-портные въ Констанцѣ устраиваютъ стачку въ 1389 г., требуя признанія мастерами ихъ корпораціи. Въ это же время происходятъ стачки подмастерьевъ и въ Базелѣ: цехи изгоняютъ стачечниковъ изъ города. Бекъ указываетъ на то, что въ XIV и XV ст. подмастерья кузнечныхъ и слесарныхъ цеховъ устраивали собственныя судилища и прибѣгали къ правильнымъ стачкамъ („das Aufreiben"), прекращая работу и покидая городъ. У нихъ существовалъ даже спеціальный техническій терминъ для стачки: „den Meistern den Hammer legen".

Изъ этихъ фактовъ—говоритъ Шанцъ — вытекаетъ, что не только цеховая организація не разрѣшила рабочаго вопроса, а наоборотъ, именно вмѣстѣ съ образованіемъ цеховъ возникъ и рабочій вопросъ. Въ своей книгѣ объ ассоціаціяхъ подмастерьевъ въ средніе вѣка онъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что волненія среди подмастерьевъ въ XIV и XV ст. были, дѣйствительно, явленіемъ всеобщимъ въ Германіи.

Нѣчто подобное происходило и въ другихъ странахъ. „Соціальная рознь между мастерами и подмастерьями во Франціи — гово-

*) Именно рабочій классъ ремесленныхъ подмастерьевъ. Относительно тѣхъ случаевъ, гдѣ въ XIV–XV ст. и даже ранѣе появилась домашняя или кустарная промышленность, превратившая и самихъ цеховыхъ мастеровъ въ зависимыхъ рабочихъ, см. въ слѣдующихъ главахъ.

рить Шенланкъ („Handwört. der Staatswiss.“—„Gesellenverbände“)—возникаетъ въ различныхъ мѣстахъ уже въ XIII вѣкѣ, въ XIV вѣкѣ она усиливается и принимаетъ болѣе общій характеръ. Благодаря ранѣему промышленному подъему страны появляется сознаніе различія интересовъ у тѣхъ и другихъ. Количество учениковъ, которыхъ дозволяется держать мастеру,—продолжаетъ онъ—ограничено; плата за обученіе высока, срокъ ученичества продолжителенъ; доступъ къ званію мастера сильно стѣсненъ; привилегіи въ пользу дѣтей мастеровъ обширны и несправедливы. Рабочій день весьма длиненъ, плата же незначительна. При такихъ условіяхъ не удивительно, что возникли союзы подмастерьевъ для защиты отъ мастеровъ и для борьбы съ ними; они образовались изъ религіозныхъ братствъ, изъ confréries, которыя первоначально поощрялись клиромъ. На югѣ Франціи они возникаютъ въ большомъ количествѣ уже въ XIII вѣкѣ подъ именемъ „la caritat“, на сѣверѣ они образуются съ конца XIV вѣка, и вскорѣ становятся опорой подмастерьевъ въ ихъ борьбѣ за мірскіе интересы“.

Въ исторіи французскихъ городовъ мы нерѣдко встрѣчаемъ стачки и волненія подмастерьевъ. Такъ, въ 1280 г. подмастерья-суконщики Прованса, выведенные изъ терпѣнья увеличеніемъ рабочаго дня, производятъ возстаніе и убиваютъ мэра. Въ г. Шалонѣ въ 1328 г. пришлось вмѣшаться королевской власти, чтобы заставить подмастерьевъ работать рано утромъ и въ послѣобѣденное время. Въ Реймсѣ въ 1292 г. были запрещены какъ ассоціаціи подмастерьевъ, направленныя противъ мастеровъ, такъ и соглашенія мастеровъ противъ подмастерьевъ. Въ Амьенѣ ордоннансъ 1349 г. запрещаетъ подмастерьямъ-кожевникамъ „устраивать заговоры для достиженія болѣе высокой платы безъ всякихъ законныхъ основаній“. Въ Парижѣ происходитъ въ 1407 году борьба между хозяевами и подмастерьями; послѣдніе требуютъ сокращенія рабочаго дня, который продолжался, повидимому, 16 часовъ, и устраненія ночной работы. Въ Парижѣ, какъ и въ другихъ французскихъ городахъ, подмастерья въ XV вѣкѣ нерѣдко прибѣгали къ бойкоту враждебныхъ имъ мастеровъ.

И въ Англіи ассоціаціи подмастерьевъ представляли собою не только религіозныя братства, форму которыхъ они принимали, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и союзы для борьбы съ мастерами путемъ устройства публичныхъ демонстрацій, стачекъ и т. д. Мастера сѣдельнаго цеха въ Лондонѣ совершенно справедливо утверждали въ XIV вѣкѣ, что подмастерья, подъ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія, составляютъ заговоры „съ цѣлью чрезмѣрно поднять заработную плату“, и, дѣй-

ствительно, успѣваютъ въ этомъ. Въ пользу существованія отдѣльнаго класса подмастерьевъ — указываетъ Эшли — съ интересами, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличными отъ интересовъ мастеровъ, говоритъ очень многое. Въ лондонскихъ статутахъ, напримѣръ, въ тожественныхъ выраженіяхъ упоминается о пререканіяхъ между мастерами и подмастерьями (слугами—valet) въ ремеслѣ сукноструговъ въ 1350 г. и ткачей въ 1362 г. Въ этихъ статутахъ говорится о томъ, какъ подмастерья по взаимному соглашенію одновременно отказываются отъ работы—явленіе, совершенно аналогичное современнымъ стачкамъ; старѣйшинамъ ремеслъ предписывается на будущее время бороться съ подобнаго рода явленіями. „До сихъ поръ — говорится въ этихъ постановленіяхъ—каждый разъ, когда возникало разногласіе между мастеромъ и подмастерьемъ, послѣдній обходилъ всѣхъ подмастерьевъ этого ремесла, и, по взаимному соглашенію и договору, они рѣшали, чтобы каждый отказался работать на своего мастера, пока тотъ мастеръ и его слуга (подмастерье) не придутъ къ соглашенію, вслѣдствіе чего мастера этого промысла оказывались въ большомъ затрудненіи, а народъ (потребители) лишался необходимыхъ для него услугъ“. Противъ стачекъ, происходившихъ въ строительныхъ ремеслахъ Лондона, уже при Эдуардѣ III и Генрихѣ VI издавались строгія постановленія. Точно также брюссельскіе валяльщики уже въ 1282 г. устроили стачку, требуя повышенія платы. А въ итальянскомъ городѣ Сіенѣ въ 1370 г. произошло цѣлое возстаніе рабочихъ.

Послѣ всего сказаннаго едва ли еще могутъ возникать сомнѣнія въ томъ, что въ средніе вѣка существовалъ классъ рабочихъ, находившійся въ полной зависимости отъ хозяевъ-мастеровъ, — зависимости, основанной не столько на обладаніи извѣстнымъ, необходимымъ для производства капиталомъ, сколько на установленныхъ цеховой системой привилегіяхъ мастеровъ. „Въ половинѣ XIV столѣтія—говоритъ Эшли — образовался рабочій классъ въ томъ смыслѣ слова, котораго оно не имѣло ранѣе. Къ этому времени появилось значительное число работниковъ, которые не были ни учениками, отданными къ мастеру только на извѣстное время, служившее для нихъ періодомъ испытанія, ни самостоятельными мастерами, людей, которые, не бывъ вовсе учениками, или, что съ теченіемъ времени стало встрѣчаться все чаще и чаще, окончивъ ученичество, стали наемниками ремесленныхъ мастеровъ. Сперва, вѣроятно, число такихъ „слугъ“ (servants), „служащихъ“ (serving men), служителей (valets) или йоменовъ (yeomen), какъ ихъ различно называли, было очень незначительно... Но вскорѣ появляются признаки того, что классъ этотъ увеличи-

вается, и что для каждаго средняго подмастерья стало уже невозможнымъ, какъ это было раньше, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы завести свое дѣло... Существованіе рабочаго класса въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ объясняетъ генезисъ новой организаціи промышленности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея въ шестнадцатомъ столѣтіи". „Есть основаніе сомнѣваться — говоритъ знатокъ этого вопроса, М. М. Ковалевскій—въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью той характеристики, какую даютъ средневѣковымъ цеховымъ порядкамъ какъ катедеръ-соціалисты въ Германіи, такъ и послѣдователи школы Леплэ во Франціи. Если вѣрить имъ, цеховое устройство не знало различія между предпринимателями и рабочими"... XIII и XIV вѣка, вопреки утвержденію идеализаторовъ средневѣковыхъ порядковъ, уже были свидѣтелями начавшагося, вѣроятно, съ самаго момента возникновенія цеховъ процесса дифференціаціи труда и капитала въ области промышленности.

Положеніе цеховыхъ подмастерьевъ въ средніе вѣка было не только несамостоятельное и зависимое, но и неблагопріятное въ соціальномъ отношеніи, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій труда и заработной платы.

Заработная плата подмастерьевъ устанавливалась цехомъ; это право цеховыхъ мастеровъ регулировать плату подмастерьевъ было послѣдствіемъ автономіи цеховъ, и неоднократно мы находимъ въ источникахъ указаніе на то, что городской магистратъ не въ правѣ вмѣшиваться въ установленіе платы подмастерьевъ, такъ какъ это предоставлено исключительно самимъ цехамъ. Таксы, опредѣляющія высоту платы подмастерьевъ, являются максимальными таксами: подмастерье можетъ получать меньше, но не больше опредѣленнаго вознагражденія. Въ статутахъ всегда говорится, что подмастерью можно платить не болѣе, чѣмъ столько-то и столько-то. Цвидинекъ („Lohnpolitik und Lohntheorie") поэтому находитъ, что эти таксы вовсе не устраняли договора между мастеромъ и подмастерьемъ относительно величины заработной платы, а лишь ставили его въ извѣстныя рамки, опредѣляя высшій предѣлъ заработной платы. Такъ, въ статутѣ рыбацкаго цеха г. Гамбурга 1375 г. максимумъ платы опредѣленъ въ 7 марокъ. Въ статутѣ янтарнаго цеха г. Любека 1365 г. запрещается платить подмастерью свыше 4 пфенниговъ за сверленіе 1000 камней, свыше 9 пфенниговъ за точеніе и свыше 8 пфенниговъ за тесаніе ихъ. Франкфуртскіе портные (1355 г.) не въ правѣ платить подмастерью болѣе 12 шиллинговъ со штуки сукна. По статуту канатнаго цеха г. Фрейбурга вознагражденіе подмастерья не должно превышать

одного, а въ извѣстныхъ случаяхъ 2 шиллинговъ. Кожевенный мастеръ г. Вернигероде, дававшій своему подмастерью болѣе обычной платы, приговаривался къ штрафу въ размѣрѣ одного гульдена. Въ Грейфсвальдѣ (1445 г.) подвергался наказанію всякій ткачъ шерстяныхъ матерій, плативший за пряденіе шерсти болѣе, чѣмъ другіе мастера этого цеха. Такое же запрещеніе давать подмастерью плату, выше установленной цехомъ, находимъ у люнебургскихъ ткачей и стекольщиковъ (статуты 1432 и 1494 гг.). Въ древнѣйшемъ статутѣ суконнаго цеха г. Страсбурга (1400—1438) опредѣлено, что подмастерья-сукновалы получаютъ 1 пфеннигъ съ фунта шерсти „и не болѣе; эта плата — читаемъ далѣе—установлена и опредѣлена всѣми суконщиками и ткачами и не кѣмъ инымъ". На собраніи силезскихъ портныхъ въ Швейдницѣ 1361 г. установлена хозяевами сообща плата для подмастерьевъ. Цехи портныхъ 20 прирейнскихъ городовъ, въ томъ числѣ Майнца, Вормса, Гейдельберга, Кобленца, также заключили союзъ и въ первомъ пунктѣ совмѣстно составленнаго статута опредѣлили норму вознагражденія для подмастерьевъ, которая должна была дѣйствовать въ теченіе 28 лѣтъ: „никто не въ правѣ — гласитъ постановленіе — платить подмастерью болѣе двухъ фунтовъ, какъ это существуетъ съ давнихъ поръ". А ткачи Шпейера опредѣляютъ въ 1351 г. плату навсегда, на всѣ времена.

И во Франціи цехи устанавливали плату подмастерьевъ: „подмастерья-портные не могутъ требовать болѣе той платы, которая до сего времени являлась обычной". Въ другомъ статутѣ читаемъ: „запрещается давать подмастерью или обѣщать ему болѣе обычнаго въ Парижѣ вознагражденія". Плата подмастерьевъ-кожевниковъ г. Амьена въ 1349 году установлена въ размѣрѣ трехъ су; подмастерья, отказывающіеся подчиниться этому постановленію, подвергаются строгимъ наказаніямъ.

Въ Брюсселѣ запрещено платить подмастерью-валяльщику болѣе того, что установлено; въ противномъ случаѣ подмастерье подвергается штрафу въ 5 су, мастеръ же, дающій болѣе высокую плату, — въ 20 су.

Лондонскіе сукностриги и ножевщики во второй половинѣ XIV в. жалуются на то, что ихъ подручные не довольствуются обычной заработной платой. „Это движеніе среди подмастерьевъ — говоритъ Эшли — не осталось безрезультатнымъ: они добились, между прочимъ, того, что право опредѣлять заработную плату перешло отъ отдѣльныхъ мастеровъ къ цеху въ цѣломъ или къ старѣйшинамъ цеха, какъ его представителямъ".

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что установленіе заработной

платы подмастерьевъ производилось въ интересахъ мастеровъ, а не въ интересахъ подмастерьевъ. „Этимъ путемъ—говоритъ Нейбургъ („Zunftger u. Zunftverfassung“)—не только давалась мастерамъ возможность бороться съ чрезмѣрными требованіями подмастерьевъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливался предѣлъ усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго мастера, который не могъ, не нарушая устава, отбить у другого мастера искуснаго подмастерья, обѣщая ему болѣе высокую плату“. Шанцъ („Gesellenverbände“) совершенно правильно указываетъ на то, что установленіе платы подмастерьевъ мастерами цеха было послѣдствіемъ того, что одинъ являлся мастеромъ-господиномъ, а другой—подмастерьемъ-слугой; это были, дѣйствительно, отношенія господина къ слугѣ, почему первый и присваивалъ себѣ право опредѣлять вознагражденіе второго.

И рабочій день подмастерьевъ былъ весьма продолжителенъ. „Работали — говоритъ Шенланкъ („Handwört. d. Staatswiss.“ — „Gesellenverbände“)—съ восхода и до заката солнца. 14, 15, 16 часовъ составляютъ въ тѣ времена обычное явленіе. Строительные рабочіе, занимающіе особенно привилегированное положеніе, работаютъ, впрочемъ, нерѣдко всего 10—11 часовъ въ день“. Для кельнскихъ оружейниковъ рабочее время установлено съ 5 час. утра до 9 час. вечера. Въ статутѣ любекскихъ сундучныхъ мастеровъ рабочій день устанавливается въ 15 часовъ, въ статутѣ любекскаго янтарнаго цеха онъ опредѣленъ въ 15 час. лѣтомъ и 14 час. зимою. Каменщики въ Штеттинѣ работаютъ въ XV вѣкѣ съ 4 час. лѣтомъ и съ 5—6 час. зимою до 6 час. вечера съ перерывомъ въ $1^1/_2$ часа.

Во французскихъ и англійскихъ статутахъ нерѣдко прямо говорится, что работа должна начинаться съ восхода солнца и продолжаться до наступленіи ночи до тѣхъ поръ, пока можно работать безъ свѣчей. Въ XIII — XV ст. это составляло обыкновенно 14—16 часовъ въ сутки. Лѣтомъ рабочій день продолжался такъ долго, что подмастерья, жившіе внѣ дома мастера, возвращались домой, когда уже было совершенно темно, рискуя быть убитыми по дорогѣ. Зимою рабочій день былъ короче 11—12 часовъ въ сутки, однако, лишь въ томъ случаѣ, когда запрещалось работать при искусственномъ освѣщеніи; но послѣднее происходило далеко не всегда. Такъ, напримѣръ, статутъ котельниковъ г. Лангра запрещаетъ ночную работу только въ лѣтнее время, но разрѣшаетъ со зимою (отъ сентября до марта) и устанавливаетъ рабочій день съ 4 час. утра до 8 час. вечера. Въ тѣхъ случаяхъ, когда статуты допускали ночную работу, а это было довольно часто,

подмастерья не могли отказываться отъ нея; они получали лишь добавочное вознагражденіе за ночные часы. Въ Англіи, повидимому, даже строительные рабочіе, положеніе которыхъ было наиболѣе благопріятнымъ, работали 16 час. въ сутки. Роджерсъ („Six Centuries of Work and Wages“) утверждаетъ, правда, что ихъ рабочій день продолжался всего 8 час., но тутъ же онъ прибавляетъ, что каменщики получали, кромѣ того, за сверхурочные часы, „число которыхъ доходило до 48 въ недѣлю“. Рабочій день состоялъ, слѣдовательно, изъ 16 часовъ, только плата для первыхъ 8 часовъ и для послѣднихъ 8 часовъ была неодинаковая.

Такимъ образомъ, хотя въ средніе вѣка господствовала ремесленная форма производства, требовавшая незначительнаго капитала и доступная каждому, но все же существовалъ постоянный рабочій классъ, тяжело работавшій и плохо вознаграждаемый *). Это было послѣдствіемъ цехового строя, стѣснявшаго доступъ къ званію мастера и лишавшаго этимъ большинство подмастерьевъ возможности стать самостоятельными хозяевами, владѣльцами ремесленной мастерской, возможности работать за собственный счетъ.

Въ дальнѣйшемъ постараемся выяснить, какія измѣненія произошли въ слѣдующія столѣтія въ характерѣ промышленности и въ положеніи рабочаго класса.

*) Правда, обыкновенно продолжительный рабочій день распространялся и на мастера, ибо хозяинъ и подмастерье работали вмѣстѣ, но мастеръ вѣдь работалъ все это время въ свою пользу, подмастерье же работалъ на него, на мастера, эксплуатировался послѣднимъ.

Промышленность и рабочій классъ

въ XVI—XVIII столѣтіяхъ.

А. Домашняя или кустарная промышленность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переходъ отъ замкнутаго городского хозяйства къ территоріальному хозяйству.

Средневѣковой городъ представляетъ собою самостоятельную единицу, самодовлѣющее цѣлое не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Наиболѣе ярко этотъ замкнутый характеръ средневѣкового городского хозяйства выражается въ свойствахъ средневѣковой промышленности, ремесла, которое сосредоточивается въ городѣ и работаетъ исключительно для мѣстнаго рынка: произведеніями городского ремесла удовлетворяются всѣ потребности населенія въ промышленныхъ издѣліяхъ. Какъ мы видѣли выше, средневѣковой городъ всѣми силами препятствовалъ привозу иногороднихъ издѣлій, слѣдовательно, и при вывозѣ собственныхъ товаровъ встрѣчалъ огромныя затрудненія; произведенія ремесла имѣли только одинъ мѣстный рынокъ, гдѣ потребителями являлись какъ городскіе жители, такъ и крестьяне окружныхъ селъ, которые обмѣнивали свои сельскохозяйственные продукты на издѣлія городского ремесла.

Въ эту замкнутую городскую жизнь ворвалась въ концѣ среднихъ вѣковъ совершенно новая струя. Промышленныя издѣлія, которыя до того времени непосредственно сбывались ремесленникомъ на мѣстномъ городскомъ рынкѣ и почти не играли роли въ торговлѣ, стали теперь объектомъ торговаго обмѣна, предметомъ ввоза и вывоза. „Появилась возможность потреблять продукты другихъ городовъ и странъ, получать матеріалы для обработки изъ отдаленныхъ мѣстностей, чего ранѣе не существовало“. Торговля фабрикатами, въ особенности текстильными и металлическими издѣліями, съ конца XV и начала XVI вѣка сильно оживилась. Рынокъ расширился,

изъ городского онъ превратился въ территоріальный, ибо фабрикаты и полуфабрикаты уже не сбывались исключительно на мѣстномъ городскомъ рынкѣ, а распространялись по всей странѣ, по всѣмъ городамъ.

Въ Парижѣ продавались гребни изъ Лиможа, желѣзныя издѣлія изъ Тулузы, ткани изъ Оверня, саржа изъ Арраса, сукно изъ Шампани и Нормандіи. Особенно бойко шла съ конца XV вѣка торговля издѣліями текстильной промышленности. Ордоннансъ 1479 г. насчитываетъ двѣнадцать французскихъ городовъ, центровъ текстильной промышленности, посылающихъ свое сукно въ Парижъ для сбыта. Но не менѣе оживленно шла торговля сукномъ и въ г. Турѣ, который вовсе не выдавался своимъ суконнымъ производствомъ: въ ордоннансѣ 1490 года названо пятнадцать французскихъ городовъ (многіе изъ нихъ тѣ же, что и въ ордоннансѣ 1479 г.), откуда купцы ѣздили въ Туръ. „Короли французскіе—говоритъ Левассеръ въ своей исторіи французской промышленности—поощряли внутреннюю торговлю. Они утверждали торговые договоры, заключенные между городами, подтверждали старыя привилегіи, разрѣшали купцамъ торговать по всей странѣ, безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ при покупкѣ или продажѣ товаровъ". Hauser („Ouvriers du temps passé") также обращаетъ вниманіе на уменьшеніе монополіи цеховъ во Франціи въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе усилившейся конкуренціи между городами. „Кругъ потребителей расширяется—говоритъ онъ,—увеличивается и ихъ платежеспособность, уменьшаются издержки перевозки товаровъ и связанный съ нею рискъ. Особенно возрастаетъ сбытъ фабрикатовъ, тогда какъ сырые продукты, подверженные болѣе легкой порчѣ и представляющіе меньшую цѣнность при большемъ вѣсѣ, не могутъ пріобрѣсти столь обширнаго рынка, какъ фабрикаты". Какъ указываетъ д'Авенель („Histoire économique de la propriété, des salaires" etc.), распространенная ранѣе по всей Франціи шерстяная промышленность сосредоточивается въ XVII вѣкѣ лишь въ немногихъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Въ то время, какъ въ средніе вѣка лишь производство тонкихъ, особенно изящныхъ и дорогихъ сортовъ сукна составляло монополію отдѣльныхъ центровъ, позже и изготовленіе простого сукна стало быстро развиваться въ немногихъ городахъ и мѣстностяхъ, въ другихъ же мѣстахъ шерстяная промышленность исчезаетъ. Такъ, исчезла постепенно саржа изъ Нанта, Динана, Мальструа, сукно изъ Нима, Каркасонны, Сентъ-Омера, Шатору, байковыя и другія ткани изъ Вандома, Дре, Вланса, Сенъ-Ло и сотни иныхъ мѣстностей,—даже имена ихъ, забытыя вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ихъ промышленности и богатства, оставили слѣдъ лишь въ архивахъ.

„Изъ страсбургскихъ тарифовъ мы можемъ усмотрѣть, что увеличился ввозъ какъ дорогихъ, такъ и простыхъ издѣлій текстильной промышленности со всѣхъ концовъ Европы. Если въ 1401 году упоминается лишь о шелковыхъ издѣліяхъ вообще, то въ 1477 году уже различаются 8—9 сортовъ шелковыхъ матерій. Въ тарифѣ 1401 года встрѣчается лишь 6—8 мѣстностей Германіи, откуда привозится сукно въ Страсбургъ, а въ 1447 году названо 22 сорта одного рейнскаго сукна; съ нижняго Рейна, изъ Магдебурга, изъ Швабіи доставляются шерстяныя издѣлія на Страсбургскій рынокъ; рядомъ съ многочисленными фламандскими и брабантскими тканями появляются и французскія, англійскія и итальянскія. Встрѣчается также англійская шерсть, пряжа изъ Реймса, Кельна и Эрфурта, полосатыя бумажныя ткани изъ Милана“. (Шмоллеръ въ „Исторіи страсбургскаго суконнаго цеха“). Вообще въ Германіи, въ особенности во всей средней и южной части ея, въ теченіе XVI в. сукно замѣняется болѣе тонкими, гладкими шерстяными тканями, которыя производятся во Фландріи, во французскихъ городахъ, а съ конца XVI вѣка, со времени переселенія нидерландскихъ ткачей, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи—въ Герѣ, Пфорцгеймѣ, Кальвѣ. Отсюда онѣ уже распространяются въ большомъ количествѣ по всѣмъ нѣмецкимъ городамъ и рынкамъ: произведенныя въ Кальвѣ (Вюртембергъ) ткани мы встрѣчаемъ въ 1590 г. на рынкахъ во Франкфуртѣ, Вормсѣ, Страсбургѣ, Базелѣ.

Въ Любекѣ—какъ видно изъ сборника цеховыхъ уставовъ, изданнаго Верманомъ—столкновенія между ремесленниками и торговцами хотя и встрѣчаются уже въ средніе вѣка, но лишь въ видѣ исключенія, ибо товары, производимые въ городѣ, обыкновенно не привозились изъ другихъ мѣстностей: только пряности и бакалейные товары ввозились въ городъ. Лишь въ XVI вѣкѣ эти столкновенія становятся болѣе частыми. „Когда обороты розничныхъ торговцевъ расширились, когда они стали самостоятельно вступать въ торговыя сношенія съ другими мѣстностями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря возрастанію количества ремесленниковъ, не входившихъ въ составъ цеховъ, получили возможность пріобрѣтать у нихъ различныя промышленныя издѣлія для сбыта, тогда возникли постоянныя столкновенія между ремесленниками, съ одной стороны, и торговцами, съ другой, причемъ потребители, большею частью, находились на сторонѣ вторыхъ“. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что конкуренція между ремесленниками и торговцами при сбытѣ промышленныхъ издѣлій приводила къ большему разнообразію въ выборѣ товаровъ и къ большей дешевизнѣ. Цехи неоднократно

обращались къ городскому магистрату съ просьбой запретить ввозъ въ городъ всякихъ фабрикатовъ вообще, но магистратъ на это не соглашался, ограничиваясь подтвержденіемъ запрещенія въ томъ видѣ, какъ оно существовало раньше, т.-е. поскольку отдѣльные цехи уже ранѣе пользовались монополіей въ сбытѣ тѣхъ или другихъ товаровъ. Поэтому количество предметовъ, продаваемыхъ торговцами, все болѣе и болѣе увеличивалось, и нѣкоторые продукты, въ особенности желѣзныя издѣлія, продавались ими въ столь значительномъ количествѣ, что городскіе ремесленники почти совершенно перестали производить эти товары. Даже прежнія запрещенія, которыя существовали относительно продажи различныхъ произведеній промышленности, не исполнялись болѣе; въ однихъ случаяхъ цехи вынуждены были признать совершившуюся перемѣну и формально отказаться отъ своего исключительнаго права продажи тѣхъ или другихъ товаровъ; въ другихъ случаяхъ торговцы успѣли воспользоваться выгодными для нихъ обстоятельствами и присвоить себѣ это право фактически, и ремесленники уже не въ состояніи были вытѣснить ихъ. Мечи, шляпы, волосяныя издѣлія и многіе другіе товары привозились иногородними купцами въ Любекъ. Особенно много посѣщали Любекъ нюрнбергскіе купцы. Они привозили произведенія изъ желѣза, стали, жести, олова, свинца, желтой мѣди, а также деревянныя и стеклянныя издѣлія.

Нюрнбергъ вообще славился своими стеклянными, въ особенности же металлическими товарами. Здѣсь насчитывалось въ началѣ XVI вѣка свыше двадцати цеховъ, изготовлявшихъ самые разнообразные предметы изъ желѣза, желтой мѣди, олова и т. п. Существовалъ особый цехъ булавочниковъ, особый гвоздарный цехъ; одинъ цехъ выдѣлывалъ наперстки, другой—трубы, третій—колокольчики. Точно такъ же производство очковъ составляло спеціальность особаго цеха, производство компасовъ—спеціальность другого цеха, существовалъ даже спеціальный бутылочный цехъ. Всѣ эти цехи изготовляли предметы для вывоза, и не удивительно, что другіе города, гдѣ техника производства стояла гораздо ниже, не въ состояніи были конкурировать съ привозными нюрнбергскими издѣліями; подобно текстильному производству и производство металлическихъ предметовъ должно было сильно страдать отъ вновь появившейся конкуренціи привозного товара.

Еще болѣе расширяется свобода обмѣна внутри государства въ Англіи. „Къ концу среднихъ вѣковъ—говоритъ Эшли—Англія была покрыта сѣтью интермуниципальныхъ соглашеній, на основаніи которыхъ граждане одного города, пріѣзжая съ торговыми цѣлями

въ другой городъ, освобождались отъ уплаты пошлинъ. Интермуниципальные торговые договоры появляются уже въ XIII и XIV ст., но болѣе часто они встрѣчаются въ XV ст. „Особенно любопытенъ рядъ соглашеній,—продолжаетъ тотъ же Эшли—заключенныхъ между городами Ноттингемомъ, Ковентри и Линкольномъ во второй половинѣ XV ст. Конечно, дѣлая другъ другу уступки, города имѣли непосредственно въ виду свои собственные интересы; но этимъ самымъ они расшатывали основы средневѣковаго политическаго (вѣрнѣе: экономическаго) строя".

Въ статутахъ итальянскихъ городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ провозглашалась полная свобода ввоза. Такъ, миланскій статутъ 1502 года разрѣшаетъ всѣмъ и каждому продавать товары въ любое время и въ любомъ мѣстѣ. Эта свобода торговли не распространялась на жителей лишь тѣхъ городовъ, которые ограничивали миланскихъ гражданъ въ ихъ торговыхъ правахъ. Во Флоренціи уже въ XV вѣкѣ господствовалъ принципъ, что каждый, какъ горожанинъ, такъ и иногородній, имѣетъ право ввозить товары и продавать гдѣ угодно или вывозить ихъ обратно непроданными, и никто, ни цехи, ни отдѣльныя лица не могутъ ему препятствовать въ этомъ. Въ Венецію во второй половинѣ XV вѣка нѣмецкіе купцы привозили слѣдующія промышленныя издѣлія, произведенныя частью въ Германіи, частью въ другихъ европейскихъ странахъ: шерстяныя и бумажныя матеріи, полотно; кожу, шляпы, роговыя издѣлія; четки и различную церковную утварь; мѣдную проволоку, жесть и олово, панцыри, кожи, иголки, наперстки (Simonsfeld, „Fondaco dei Tedeschi"):

Такимъ образомъ, въ XV—XVII ст. образовалось раздѣленіе труда между различными мѣстностями; многія изъ нихъ выработали себѣ особыя спеціальности,—въ противоположность средневѣковому хозяйству, проникнутому принципомъ, что всѣ промышленныя издѣлія должны изготовляться въ самомъ городѣ. Если того или другого промысла не оказывалось въ городѣ, туда—въ средніе вѣка—вызывали ремесленниковъ, занимавшихся этимъ промысломъ, напр., фламандскихъ красильщиковъ въ различные нѣмецкіе города: въ городъ привозились сами мастера, а не ихъ произведенія. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее оказывалось невозможнымъ, когда города, обладавшіе монополіей въ данной отрасли производства, запрещали ремесленникамъ этой спеціальности переселяться въ другіе города и зорко слѣдили за ними,—тогда приходилось допускать ввозъ тѣхъ или другихъ промышленныхъ издѣлій. Поэтому-то мы такъ рѣдко встрѣчаемъ фабрикаты среди товаровъ, сложенныхъ въ торговыхъ

подворьяхъ, и если купецъ привозилъ таковые, то они были обыкновенно произведены въ далекихъ странахъ Востока.

Въ XVI—XVIII ст. этого принципа придерживались не города, а государства. Запретительными пошлинами и даже запрещеніями ввоза каждое государство старалось оградить себя отъ иностранныхъ промышленныхъ издѣлій, что ему, впрочемъ, вслѣдствіе обширной и хорошо организованной контрабанды, удавалось далеко не всегда. Въ Англіи, гдѣ уже въ XV вѣкѣ устанавливается свобода обмѣна внутри государства, мы въ томъ же XV вѣкѣ находимъ и ясно выраженный таможенный протекціонизмъ, проводимый государствомъ, находимъ запрещенія ввоза въ страну сукна, желѣза, шелковыхъ матерій и цѣлаго ряда другихъ промышленныхъ издѣлій; въ 1660 году эти запрещенія замѣняются высокими, почти запретительными пошлинами. Во Франціи устраненіе внутреннихъ преградъ происходитъ гораздо медленнѣе, и съ такою же постепенностью проводится и запретительная система. Въ Пруссіи въ 1581 г. воспрещено употребленіе иностраннаго сукна, запрещеніе, которое въ послѣдующія десятилѣтія повторяется нѣсколько разъ; въ 1654 г. къ нему присоединяется запрещеніе ввоза издѣлій изъ мѣди и олова, въ 1666 г.—желѣзныхъ товаровъ, въ 1658 г.—стекла.

Отсутствовавшія отрасли промышленности государство старалось пересадить къ себѣ изъ другихъ странъ, привлекая различными льготами иностранныхъ мастеровъ: производство шелковыхъ и бархатныхъ матерій, бумажныхъ тканей, кружевъ, зеркалъ, табачныхъ издѣлій всѣ европейскія государства стараются ввести у себя въ XVII—XVIII ст. Словомъ, государство придерживается теперь той же политики, какая раньше проводилась въ городѣ—политики протекціонизма, политики отдѣленія отъ другихъ государствъ; самодовлѣющій городъ долженъ превратиться въ самодовлѣющее государство. Зато въ отношеніяхъ между отдѣльными городами, отдѣльными частями того же государства, произошла важная перемѣна. Эта перемѣна, совершившаяся во второй половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ, на первый взглядъ не была значительна, ибо первоначально она состояла лишь въ томъ, что торговецъ привозилъ товары того же рода, но только другого сорта. Онъ привозилъ товары лучшаго качества, болѣе тонкія и болѣе изящныя ткани, болѣе искусно сдѣланныя, новыя металлическія издѣлія. Такими товарами, которые производились и въ самомъ городѣ, онъ первоначально еще не торговалъ; лишь впослѣдствіи и они явились предметомъ торговаго обмѣна. Но и эта перемѣна имѣла большое значеніе, и она была въ состояніи произвести переворотъ въ господствовавшей системѣ хозяйства, ибо новые

продукты лучшаго качества вытѣсняли прежніе болѣе простые сорта, удовлетворяя болѣе тонкому вкусу періода Возрожденія, который предъявлялъ теперь совершенно иныя требованія къ предметамъ домашняго обихода, платью, мебели, утвари.

Политика, направленная къ усиленію конкуренціи внутри страны, къ введенію большей свободы въ торговомъ обмѣнѣ въ предѣлахъ государства, продолжается въ XVII и XVIII вв. Во Франціи отдѣльныя провинціи объединяются въ три большія группы — provinces de cinq grosses fermes (сѣверная и средняя Франція), provinces reputées étrangères (южная Франція) и provinces d'étranger effectif; уничтожается большая часть мѣстныхъ таможенъ, существовавшихъ внутри cinq grosses fermes. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кольберъ соединилъ всѣ многочисленные сборы, уплачиваемые при ввозѣ товаровъ въ cinq grosses fermes, въ одну общую пошлину, причемъ новый тарифъ 1664 года, распространившійся и на товары, ввозимые въ provinces reputées étrangères, оказался пониженнымъ сравнительно съ суммой сборовъ, которые уплачивались раньше при ввозѣ въ отдѣльныя мѣстности. Въ 1707 г. Англія и Шотландія объединились въ таможенномъ отношеніи — отдѣлявшія ихъ таможни были уничтожены, и внутренняя конкуренція въ Соединенномъ Королевствѣ расширилась. Австрійскіе императоры съ начала XVII вѣка стараются составить самостоятельную таможенную единицу изъ своихъ австрійскихъ владѣній, причемъ пытаются уничтожить внутреннія преграды, пока, наконецъ, при Маріи-Терезіи не были отмѣнены всѣ городскія, земскія и имперскія таможни между отдѣльными австрійскими провинціями, и установлены однообразныя правила относительно ввоза, вывоза и транзита товаровъ. Наконецъ, и въ Германіи въ отдѣльныхъ крупныхъ территоріяхъ устраняются мало-по-малу внутреннія таможенныя преграды: пошлины взимаются только одинъ разъ, при ввозѣ въ данную мѣстность,—товары освобождаются отъ послѣдующихъ внутреннихъ сборовъ однороднаго характера (при ввозѣ въ городъ), хотя транзитныя пошлины (рѣчныя, дорожныя, мостовыя) еще долго сохраняются попрежнему. Въ Бранденбургѣ города постепенно лишаются своего штапельнаго права: въ серединѣ XVII вѣка большая часть городовъ (Шпандау, Одербергъ, Ландсбергъ, Эберсвальде, Тангерминде, Бранденбургъ, Берлинъ) почти не имѣли уже права задерживать провозимые товары: въ смыслѣ расширенія свободы торговли это былъ важный шагъ впередъ.

Таможенныя реформы, хотя и значительно облегчавшія передвиженіе товаровъ, не могли бы все-таки вызвать столь сильнаго

оживленія въ торговомъ обмѣнѣ, какое мы наблюдаемъ въ разсматриваемую эпоху, если бы онѣ не сопровождались цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ, содѣйствовавшихъ развитію торговли внутри страны—тѣми мѣрами, совокупность которыхъ составляетъ систему экономической политики, именуемую меркантилизмомъ*). Сюда относится законодательство въ области торговаго, вексельнаго и морского права; далѣе, появленіе банковъ—Амстердамскаго, Гамбургскаго, Англійскаго и возникновеніе системы банковыхъ переводовъ; наконецъ, устройство биржъ, учрежденіе почты для перевозки людей и пересылки товаровъ и писемъ. Вслѣдствіе этого измѣнились способы и формы обмѣна. Появились зачатки вексельнаго и фондоваго рынка. Уже въ XVI и XVII ст. сумма, оплачиваемая путемъ перевода по книгамъ и посредствомъ векселей, составляла милліоны. Денежные и вексельные обороты на ярмаркѣ въ Піаченцѣ оцѣнивались въ началѣ XVII ст. въ 16 милл. дукатовъ, а обороты фондоваго рынка въ Антверпенѣ достигали 40 милл. По словамъ Юстуса Мозера, писавшаго въ XVIII вѣкѣ, учрежденіе почты имѣло огромныя послѣдствія, совершенно измѣнило жизнь во многихъ отношеніяхъ. Когда купцы увидѣли — говоритъ Бейстъ въ XVII вѣкѣ, — что за небольшую плату они могутъ узнать вексельный курсъ и цѣны товаровъ посредствомъ почты, безъ того, чтобы ѣздить въ Антверпенъ, на почтѣ стало скопляться огромное количество писемъ. Торговые обороты значительно возросли: англійская внѣшняя торговля увеличилась съ 7 милл. ф. ст. въ 1697 г. до 16,3 милл. въ 1730 г. и 29,3 милл. въ 1770 г.; обороты французской торговли равнялись въ 1715 году $176^1/_2$ милл. фр. (въ томъ числѣ промышленныхъ издѣлій на 71 милл. фр.), вывозъ французскихъ фабрикатовъ въ другія европейскія страны возросъ въ періодъ 1715—1787 г. съ 45 до 133 милл. фр.

Но едва ли не наибольшее значеніе для расширенія торговли промышленными издѣліями имѣли мѣропріятія, предпринимаемыя ради облегченія перевозки товаровъ. Посредствомъ увеличенія судоходности рѣкъ, съ одной стороны, и сооруженія соединительныхъ каналовъ, съ другой, оказалось возможнымъ перевозить товары на значительныя разстоянія, пользуясь исключительно водянымъ путемъ, который и въ XVI—XVIII ст., какъ и въ средніе вѣка, предпочитали транспорту сушей. Во Франціи, въ особенности при Кольберѣ, рѣки, по которымъ судоходство было до того вре-

*) См. обо всемъ этомъ І. М. Кулишеръ, «Исторія экономическаго быта Зап. Евр.». Изд. 2-е. СПБ. 1910. стр. 360—445. («Торговля, денежное обращеніе, кредитъ и банки, пути и средства сообщенія въ XVI–XVIII ст.»).

мени невозможно, были сдѣланы судоходными; посредствомъ же соединенія бассейновъ рѣкъ между собою были созданы обширные водные пути: отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго моря и Атлантическаго океана (каналы Бріарскій, Лангедокскій, Орлеанскій). Протяженіе французскихъ каналовъ равнялось въ 1600 году 156 км., въ 1700 г.—678 и въ 1800 г.—1004 км. Большое значеніе воднымъ путямъ сообщенія придавали также Великій Курфюрстъ и Фридрихъ Великій, Карлъ VI и Марія-Терезія. Въ 1687 году Пруссія имѣла 529,70 км. искусственныхъ водныхъ сооруженій, а въ 1787 г. — 1271,60 км.; за столѣтіе сѣть ихъ расширилась, слѣдовательно, на 741,90 км., т.-е. увеличилась почти въ $2^1/_2$ раза. Въ Англіи устройство каналовъ относится лишь къ концу XVIII вѣка, такъ что они имѣли значеніе для фабричнозаводской индустріи XIX вѣка, но не для промышленности предыдущихъ столѣтій. Но уже въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка многія рѣки искусственнымъ путемъ были превращены въ судоходныя, таковы, напр., Айрвель, Мерсей и Виверъ, въ особенности же р. Айръ и Кэльдеръ, которыя сдѣланы судоходными по требованію заинтересованныхъ въ этомъ суконщиковъ Лидса и Галифакса (центры суконной промышленности).

Одновременно съ этимъ, какъ въ Германіи въ XVII ст., такъ и въ особенности во Франціи уже съ половины XVI ст. появляются болѣе широкія и болѣе удобныя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вымощенныя, дороги, строятся болѣе прочные мосты; а затѣмъ, подъ вліяніемъ возникновенія почтовыхъ сообщеній, прокладываются шоссе и каменные мосты: въ XVIII вѣкѣ шоссейныя дороги все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. Въ концѣ XVII вѣка Франція затрачивала на мосты и дороги въ среднемъ $1^1/_2$ милл. фр. ежегодно (на современныя деньги), при Людовикѣ XV — 4—5 милл. фр.; въ концѣ XVIII вѣка она имѣла 25 тыс. км. большихъ дорогъ („grands chemins“). Въ Англіи во второй половинѣ XVII вѣка проведена сѣть дорогъ, ведущихъ по направленію къ Лондону; сообщеніе Лондона съ различными частями королевства весьма облегчилось. Крайне важнымъ въ смыслѣ оживленія торговли являлось то обстоятельство, что почта перевозила не только людей и письма, но и товары. Это имѣло значеніе преимущественно для болѣе цѣнныхъ и менѣе громоздкихъ товаровъ — для фабрикатовъ и для промышленности это нововведеніе играло большую роль въ смыслѣ расширенія рынка сбыта: перевозка промышленныхъ издѣлій значительно облегчилась и ускорилась. Въ то время, какъ въ концѣ среднихъ вѣ-

ковъ успѣвали проѣхать въ среднемъ не болѣе 5 миль въ день, рѣдко 6—7 миль, въ Англіи въ концѣ XVII вѣка скорость провоза не очень громоздкихъ товаровъ равнялась 7—8 милямъ въ день, а въ Германіи 9—10 милямъ, при перемѣнѣ лошадей; даже по сравненію съ XVI вѣкомъ, въ XVII ст. скорость перевозки значительно возросла, такъ что совершенно справедливо утверждали, что „Postlandkutschen“ „дешево и скоро перевозятъ товары съ одного мѣста до другого“. Разсказываютъ, что въ Антверпенъ уже въ 1550 г. въѣзжало еженедѣльно по 2.000 возовъ, а въ XVIII в. во всѣхъ центральныхъ пунктахъ появились многочисленные постоялые дворы, содержавшіе лошадей; періодически разъ или два въ недѣлю двигались цѣлые обозы: возы, запряженные 4—8 лошадьми, нагруженные 3—6 тоннами товара. На улучшенныхъ дорогахъ лошадь была въ состояніи везти 1.000 и болѣе килограммовъ; особенно хороши были дороги во Франціи: Артуръ Юнгъ прямо приходитъ въ восхищеніе отъ нихъ. Въ Германіи онѣ были значительно хуже. Тѣмъ не менѣе, почта ходила по нимъ свободно; изъ Гамбурга разъ и даже два раза въ недѣлю она отправлялась въ 57 важнѣйшихъ торговыхъ городовъ. Возникла комиссіонная торговля, покупка на пробу, купецъ не долженъ былъ болѣе сопровождать свои товары, появились даже зачатки спекуляціонной торговли (см. мой „Курсъ исторіи экономическаго быта“).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе конкуренціи въ торговлѣ и вліяніе ея на цѣны.

Всѣ разсмотрѣнные моменты привели не только къ увеличенію и къ ускоренію торговыхъ оборотовъ, но и къ распространенію ихъ за предѣлы государствъ, къ возникновенію — хотя и въ весьма ограниченныхъ еще предѣлахъ — международной торговли не только колоніальными товарами, но и промышленными издѣліями. Эта торговля въ разсматриваемую эпоху имѣла еще весьма своеобразный характеръ: вслѣдствіе запрещеній ввоза и запретительныхъ ввозныхъ пошлинъ она могла производиться лишь контрабандным путемъ. Дѣйствительно, періодъ XVII—XVIII ст. представляетъ собою расцвѣтъ контрабандной торговли; въ эту эпоху всякій купецъ, рѣшавшійся подвергнуться нѣкоторому риску, могъ совершать прекрасные

обороты, обходя запрещенія и пошлины. Ввозъ товаровъ контрабандным путемъ долженъ былъ принять обширные размѣры и потому, что онъ былъ вполнѣ организованъ, тогда какъ охрана пограничной черты была не удовлетворительна. „Несовершенство таможеннаго управленія въ техническомъ отношеніи, подкупность чиновниковъ, неопредѣленность ставокъ тарифа, ихъ сложность, вслѣдствіе существованія различныхъ добавочныхъ платежей, неясность всего тарифа, вслѣдствіе цѣлой массы исключеній, наконецъ, система пошлинъ ad valorem (т.-е. цѣнности товара), взимаемыхъ на основаніи показаній купца подъ присягой, безъ какихъ-либо иныхъ средствъ контроля, — все это — говоритъ Шмоллеръ относительно Англіи XVII и XVIII вв. — приводило къ тому, что контрабанда приняла грандіозные размѣры, несмотря на то, что въ 1617 году одинъ изъ купцовъ былъ назначенъ въ высшее учрежденіе по таможеннымъ сборамъ, въ виду его знакомства со всѣми продѣлками контрабандистовъ. Значительная часть ввоза товаровъ въ Англію производилась путемъ контрабанды. Сюда относится, напр., ввозъ шелковыхъ издѣлій изъ Франціи, который былъ воспрещенъ. Точно также и во Францію при Кольберѣ масса товаровъ проникала контрабандным путемъ: англійское сукно, венеціанскія кружева и зеркала, чулочный товаръ ввозились въ значительномъ количествѣ, затрудняя развитіе основанной Кольберомъ промышленности. Контрабанда еще болѣе усилилась, когда послѣ смерти Кольбера пошлины были частью повышены, частью замѣнены запрещеніями ввоза.

Не только англійскіе фабрикаты, преимущественно сукно, но и продукты саксонской и швейцарской (хлопчатобумажной) промышленности привозились во Францію, несмотря на запрещенія ввоза 1780 и 1785 гг., въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и ранѣе, до установленія этихъ запрещеній. Запрещенія обходились, главнымъ образомъ, путемъ наложенія остъ-индскаго клейма на саксонскіе и швейцарскіе товары, ибо ввозъ остъ-индскихъ бумажныхъ издѣлій былъ свободенъ. Контрабанда провозилась въ однихъ случаяхъ черезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, въ другихъ черезъ Гамбургъ и французскіе портовые города, смотря по тому, гдѣ провозъ былъ безопаснѣе въ данное время.

Вообще, вся саксонская текстильная промышленность, расцвѣтъ которой относится къ XVIII вѣку, основывалась на контрабандномъ ввозѣ товаровъ въ другія страны, ибо ввозъ ея продуктовъ былъ повсюду либо вовсе запрещенъ, либо обложенъ высокими пошлинами. Не только во Францію, но и въ Голландію, Россію и

Польшу товары ввозились контрабандным путем. Когда окольныя дороги въ Россію оказывались непроходимыми вслѣдствіе дождливой погоды, вывозъ саксонскихъ товаровъ сокращался, но какъ только это препятствіе устранялось, онъ возобновлялся съ новой силой. Основанныя Фридрихомъ Великимъ мануфактуры также сильно страдали отъ иностранной конкуренціи, несмотря на существованіе цѣлой массы запрещеній и покровительственныхъ пошлинъ. Шелковая промышленность, на развитіе которой онъ обращалъ особенное вниманіе, вынуждена была вести сильную борьбу съ контрабандным ввозомъ иностранныхъ товаровъ. Особенно опасна была конкуренція ліонской промышленности, ибо въ годы застоя въ сбытѣ товаровъ во Франціи издѣлія ліонской шелковой промышленности привозились въ Пруссію и продавались здѣсь по пониженнымъ цѣнамъ. „Въ Австріи—говоритъ Бэръ въ своей „Исторіи экономической жизни Австріи въ эпоху Маріи-Терезіи“—вслѣдствіе неудовлетворительной таможенной охраны, контрабанда процвѣтала, и цѣлыя кипы актовъ о контрабандномъ ввозѣ товаровъ, относящіеся къ XVIII вѣку, даютъ лучшее представленіе о значительности ввоза товаровъ въ эту эпоху, чѣмъ оффиціальныя таблицы того времени, составленныя на основаніи совершенно недостаточныхъ данныхъ. Вся изобрѣтательность правительства, направленная къ уничтоженію ввоза иностранныхъ товаровъ, не могла помочь горю, ибо контрабандистамъ всегда удавалось перехитрить правительство, а чиновники, получавшіе „подарки“, смотрѣли на ихъ продѣлки сквозь пальцы“.

Такимъ образомъ, контрабандный ввозъ являлся весьма важнымъ коррективомъ монопольной системы, усвоенной государствомъ. И здѣсь съ переходомъ отъ городского хозяйства къ хозяйству народному или территоріальному монополія не только потеряла въ своей интенсивности, вслѣдствіе допущенія конкуренціи внутри государства, но и вообще не имѣла уже той силы, какъ прежде, такъ какъ преграды, которыя ставились ввозу товаровъ, при замѣнѣ городскихъ таможенъ государственными, обходились безъ большихъ затрудненій *).

*) Въ средніе вѣка приходилось контролировать товары при ввозѣ ихъ въ городъ, въ XVII—XVIII ст. контроль производился при ввозѣ въ страну, но пограничная черта была нерѣдко очень значительна и поэтому контроль сильно затруднялся Далѣе, въ средніе вѣка зорко слѣдили за ввозомъ каждой категоріи товаровъ тотъ цехъ, который пользовался монополіей въ данной отрасли производства, не допуская ввоза запрещенныхъ товаровъ и контролируя ввозъ товаровъ, обложенныхъ пошлиной Въ XVII—XVIII ст. этого надзора со стороны цеховъ уже не было и быть не могло: правительственные чиновники, заступившіе ихъ мѣсто, не были заинтересованы въ той мѣрѣ, какъ цехи, въ стѣсненіи ввоза товаровъ въ страну, и ихъ нетрудно было подкупить.

Расширеніе рынка сбыта и усиленіе конкуренціи въ торговлѣ вызвало паденіе цѣнъ на промышленныя издѣлія, правда, не абсолютное пониженіе цѣнъ, но относительное. Абсолютно цѣны на всѣ товары, въ томъ числѣ и на произведенія промышленности, въ XVI—XVII ст., подъ вліяніемъ паденія цѣнности денегъ, сильно возросли, но цѣны промышленныхъ издѣлій понизились, какъ по сравненію съ цѣнами другихъ товаровъ, такъ и по сравненію съ издержками, затрачиваемыми на производство этихъ издѣлій, съ цѣнами сырья. Во время всеобщаго повышенія уровня цѣнъ, подъ вліяніемъ паденія цѣнности денегъ, цѣны на фабрикаты значительно отстали отъ всѣхъ другихъ цѣнъ, вслѣдствіе сильной конкуренціи на рынкѣ, — произошло, слѣдовательно, именно то явленіе, какое мы называемъ паденіемъ цѣнъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. „Переворотъ въ цѣнахъ—говоритъ Вибе въ своей „Исторіи цѣнъ XVI—XVII ст.“—состоялъ не только въ томъ, что цѣны сильно повысились, но и въ томъ, что измѣнилось соотношеніе между различными категоріями цѣнъ и соотношеніе между товарными цѣнами и заработной платой“.

Прежде всего надо имѣть въ виду, что цѣны на промышленныя издѣлія начали возрастать позже, чѣмъ цѣны всѣхъ другихъ товаровъ. „До половины XVI вѣка увеличивались только однѣ цѣны на сельскохозяйственные продукты, но послѣ 1550 года это повышательное движеніе приняло болѣе общій характеръ, постепенно распространяясь на всѣ товары. Въ 1551—1570 гг. (для Эльзаса и Франціи—въ 1551—1575 гг.) еще не успѣли вздорожать только слѣдующіе товары: воскъ, восковыя свѣчи, нѣкоторые виды рыбъ, металлическія издѣлія, издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ, бумага, наконецъ, большинство южныхъ плодовъ и винный уксусъ“. Въ Эльзасѣ цѣны на нѣкоторые сорта полотна и сукна и на издѣлія изъ свинца повысились лишь въ XVII вѣкѣ. Въ XVI вѣкѣ, въ особенности въ первой половинѣ его, цѣны промышленныхъ издѣлій даже упали сравнительно съ тѣмъ уровнемъ, на которомъ онѣ стояли во второй половинѣ XV вѣка. Особенно понизилась въ цѣнѣ бумага; лишь около 1700 года цѣна бумаги снова достигла той высоты, на которой находилась въ 1500 году. Цѣны остальныхъ фабрикатовъ послѣдовали въ XVII вѣкѣ за общимъ повышательнымъ движеніемъ цѣнъ. Однако, и въ этотъ періодъ онѣ возросли несравненно менѣе, чѣмъ средній уровень цѣнъ вообще. Сильнѣе всего повысились цѣны на сельскохозяйственные продукты, въ особенности цѣны на хлѣбъ. Въ томъ же размѣрѣ или немного меньше, чѣмъ средній уровень цѣнъ вообще, возросли

цѣны на дрова, уголь, соль, руду и строительные матеріалы. Менѣе всего вздорожали какъ въ Эльзасѣ, такъ и въ Англіи издѣлія текстильной промышленности, металлическія издѣлія, южные плоды и пряности (Вибе).

Такимъ образомъ, фабрикаты относятся къ той группѣ товаровъ, на которой паденіе цѣнности денегъ отразилось менѣе всего. Цѣна хлѣба до конца XVII вѣка повысилась въ Нормандіи почти на 500 проц., въ Англіи на 350 проц., въ Эльзасѣ на 240 проц., въ Парижѣ, Иль-де-Франсѣ и Дофине на 200 проц., въ Саксоніи на 170 проц. и въ Орлеанѣ на 240 проц.; въ такомъ же размѣрѣ возросли цѣны и на другіе сельскохозяйственные продукты. Цѣны же промышленныхъ издѣлій увеличились слѣдующимъ образомъ. Цѣна желѣза повысилась въ Англіи на 50 проц., во Франціи на 100 проц., въ Орлеанѣ на 80 проц., въ Мюнстерѣ на 30 проц. Полотно вздорожало въ Англіи на 60—70 проц., въ Эльзасѣ на 110—120 проц. Цѣны на сукно, въ особенности на низшіе сорта его, сохранили и въ XVII вѣкѣ свой прежній уровень, средніе сорта нѣсколько вздорожали, и лишь сукно лучшаго качества повысилось на 150 проц. сравнительно съ цѣной 1500 года. Зато сапожный и башмачный товаръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увеличился въ цѣнѣ почти на 300 проц.

Еще любопытнѣе другое обстоятельство, именно то, что цѣны на сырье значительно возросли по сравненію съ цѣнами фабрикатовъ. „Промышленныя издѣлія—говоритъ Вибе—сравнительно очень мало повысились въ цѣнѣ и всегда въ гораздо меньшей степени, чѣмъ сырые матеріалы, изъ которыхъ они произведены. Это относится равнымъ образомъ и къ сальнымъ и восковымъ свѣчамъ, и къ издѣліямъ изъ желѣза и свинца и, наконецъ, къ произведеніямъ текстильной промышленности“. Цѣны на сало и сальныя свѣчи повсюду понижаются въ началѣ XVI вѣка, затѣмъ онѣ возрастаютъ; однако, повышеніе цѣнъ на свѣчи начинается въ Мюнстерѣ, Эльзасѣ и Англіи лишь въ половинѣ XVI вѣка, а въ Орлеанѣ еще позже; наоборотъ, возрастаніе цѣнъ на сало происходитъ еще до 1520 года, и къ 1560 году оно составляетъ уже 69 проц. въ то время, какъ цѣна сальныхъ свѣчей въ томъ же Мюнстерѣ и за тотъ же періодъ увеличивается всего на 45 проц. Въ Мюнстерѣ и въ Саксоніи цѣны на сало возрастаютъ въ томъ же размѣрѣ, какъ цѣны на скотъ; наоборотъ, цѣна сальныхъ свѣчей нигдѣ не достигаетъ цѣны скота“.

Точно также и соотношеніе между желѣзомъ и желѣзными издѣліями измѣнилось къ невыгодѣ фабрикатовъ: первое вздоро-

жало въ Англіи до 1582 года на 78 проц., вторыя всего на 12 проц. „Цѣна на свинецъ стала возрастать въ Мюнстерѣ съ 1540 года, въ Англіи съ 1550 года, причемъ она увеличилась въ Мюнстерѣ до 1560 года на 30 проц., въ Англіи въ теченіе двухъ столѣтій на 100 проц. Издѣлія изъ свинца вздорожали въ Англіи нѣсколько менѣе, а въ Эльзасѣ, въ Орлеанѣ и во Франціи они начали повышаться въ цѣнѣ лишь съ конца XVI и даже съ начала XVII вѣка, причемъ въ Эльзасѣ это повышеніе равнялось 50 проц., а во Франціи оно было совсѣмъ незначительно". Что касается далѣе цѣнъ на башмаки, то—какъ указываетъ Вибе—хотя опредѣлить возрастаніе ихъ съ точностью крайне трудно, но все же нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно было очень значительно: однако,—прибавляетъ онъ—есть основаніе предполагать, что это повышеніе было меньше, чѣмъ одновременное увеличеніе цѣнъ на сырье (на кожи и шкуры), ибо уровень послѣднихъ поднялся въ это время въ очень сильной степени. Если наконецъ, сравнимъ цѣны на шерсть съ цѣнами сукна, то снова убѣдимся въ томъ, что цѣны фабрикатовъ отстали отъ цѣнъ на сырые матеріалы. Въ Англіи за періодъ 1500—1582 гг. шерсть вздорожала на 38 проц., сукно всего на 6 проц.; во Франціи при сравненіи періода 1576—1600 гг. съ періодомъ 1451—1500 гг. получается вздорожаніе шерсти на 86 проц., сукна же на 29 проц., а при сравненіи конца XVII вѣка съ тѣмъ же концомъ XV вѣка оказывается, что шерсть попрежнему стоила на 86 проц., сукно же на 72 проц. дороже.

Столь значительная перемѣна въ соотношеніи между цѣнами промышленныхъ издѣлій и цѣнами сырыхъ матеріаловъ, вызванная усиленіемъ конкуренціи при продажѣ фабрикатовъ и расширеніемъ рынка сбыта послѣднихъ, привела къ увеличенію расходовъ на матеріалъ и къ уменьшенію той части цѣны, которая представляла собою прибыль и заработную плату. Новыхъ изобрѣтеній, которыя уменьшили бы необходимое въ производствѣ рабочее время и сократили бы процессъ производства, въ интересующій насъ періодъ почти не было; во всякомъ случаѣ, они еще не примѣнялись, за исключеніемъ развѣ производства издѣлій изъ бумажной массы. Да и кромѣ того, какъ справедливо указываетъ тотъ же Вибе, для этого періода, въ противоположность нашему времени, характерно то, что новыя усовершенствованія въ техникѣ производства распространялись крайне медленно, почему тѣ немногія техническія улучшенія, которыя были сдѣланы въ этомъ періодѣ, стали примѣняться въ промышленности значительно позже. А разъ условія производства

почти не измѣнились, между тѣмъ какъ расходы, затрачиваемые на пріобрѣтеніе сырья, значительно возросли, то очевидно, что либо прибыль, либо заработная плата или, наконецъ, и та, и другая должны были сократиться. Пострадала, главнымъ образомъ, заработная плата; что же касается прибыли, то если она и понизилась на каждую единицу товара, зато въ суммѣ увеличилась, ибо производство значительно расширилось *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возникновеніе кустарной или домашней промышленности.

Послѣдствіемъ переворота въ области обмѣна товаровъ и торговой политики, послѣдствіемъ замѣны мѣстнаго рынка болѣе обширнымъ рынкомъ былъ не менѣе крупный переворотъ въ промышленности. Въ средніе вѣка господствующей формой производства было цеховое ремесло. Ремесленникъ былъ одновременно и предпринимателемъ и рабочимъ. Ему принадлежали и мастерская, и матеріалъ, и орудія производства. Вмѣстѣ съ подмастерьями и учениками онъ изготовлялъ продуктъ и самъ же сбывалъ его на мѣстномъ рынкѣ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось; измѣнилось оно лишь въ одномъ отношеніи,—ремесленникъ пересталъ сбывать продукты своего труда потребителю, или, по крайней мѣрѣ, онъ самостоятельно сбывалъ лишь незначительную часть изъ числа изготовленныхъ имъ товаровъ. Всѣ или бо́льшую часть ихъ онъ продавалъ скупщику, въ однихъ случаяхъ получая у него цѣну за готовый продуктъ, въ другихъ слу-

*) Въ базельской шелковой промышленности случай, гдѣ 16 человѣкъ работаютъ на одного скупщика, составляетъ въ 1599 г еще рѣдкость: въ 1646 г. установленъ уже максимумъ станковъ, могущихъ работать на одного скупщика, въ 50 (15 въ городѣ и 35 въ окрестныхъ селахъ). Въ шелковой промышленности г Лиона въ XVIII вѣкѣ на каждаго скупщика приходилось 20—30 ткацкихъ станковъ, 8—14 мастеровъ и 35—50 рабочихъ вообще, считая въ томъ числѣ подмастерьевъ, учениковъ и всѣхъ другихъ лицъ, помогавшихъ мастеру. Въ г Седанѣ (въ XVIII ст.) было 25 предпринимателей, на которыхъ работало свыше десяти тысячъ человѣкъ. Въ Ноттингемѣ въ 1750 г на 50 скупщиковъ работало 1200 чулочно-вязальныхъ станковъ. Въ Нидерландахъ, впрочемъ, предпріятія были весьма небольшихъ размѣровъ: въ суконной промышленности г. Дельфта въ 1652 г насчитывалось 69 скупщиковъ и 256 кустарей-рабочихъ, въ 1654 г первыхъ 72 и послѣднихъ 226 и въ 1656 г. 93 и 246; въ Эйненѣ (Лимбургъ) находимъ въ половинѣ XVIII в 50 предпринимателей-суконщиковъ, на которыхъ работало 340 станковъ въ Годимонѣ—22 предпринимателя и 285 станковъ.

чаяхъ обрабатывая его матеріалъ за поштучную плату. Всѣ остальныя условія нисколько не измѣнились. Мастеръ попрежнему работалъ у себя на дому съ подмастерьями и учениками, собственными инструментами, да и матеріалъ часто принадлежалъ ему. Перемѣна произошла, слѣдовательно, лишь въ конечной стадіи процесса производства, въ сбытѣ; но эта на первый взглядъ незначительная перемѣна знаменовала собою крупный переворотъ въ экономическомъ и соціальномъ положеніи мастера. Изъ самостоятельнаго ремесленника, работавшаго для потребителя, онъ превратился въ зависимаго кустаря, производившаго продукты для скупщика, который явился посредникомъ между производителемъ и потребителемъ: скупщикъ доставлялъ на рынокъ пріобрѣтенные у кустаря продукты и входилъ въ сношенія съ потребителемъ.

Переворотъ совершался весьма медленно; лишь постепенно ремесло превратилось въ кустарную промышленность, но зачатки послѣдней относятся еще къ средневѣковому періоду. „Главное зло средневѣковой цеховой организаціи—говоритъ Стида—состояло въ томъ, что она стѣсняла производство и ничего не дѣлала въ смыслѣ облегченія сбыта. Изо дня въ день изготовлялись товары однимъ и тѣмъ же способомъ, и всякое уклоненіе отъ установленныхъ правилъ строго преслѣдовалось. Ремесленнику запрещалось выдѣлывать даже такое количество издѣлій, какое онъ въ состояніи былъ произвести; и, несмотря на узкія границы, которыя ставились производству, изготовлялось, повидимому, все-таки чрезмѣрно много продуктовъ. Цѣлый рядъ цеховыхъ правилъ былъ вызванъ именно желаніемъ сократить число ремесленниковъ, уменьшить конкуренцію среди нихъ, ибо она еще болѣе затрудняла бы сбытъ товаровъ, еще большее количество ремесленниковъ вынуждено было бы дѣлить между собою сравнительно очень ограниченный рынокъ сбыта“. Нѣкоторыя ремесла, въ которыхъ производство сильно превышало спросъ, предъявляемый мѣстными потребителями, стали прибѣгать къ сбыту своихъ издѣлій внѣ города, на ярмаркахъ. Такъ поступали золотыхъ дѣлъ мастера, ткачи, портупейные мастера Кельна, Любека, Нюрнберга, золингенскіе ножевщики и оружейники, брюссельскіе перчаточники, сапожники, оружейные мастера. На ярмарки отправлялись, конечно, далеко не всѣ мастера, а лишь немногіе изъ нихъ, ибо не могъ же весь цехъ бросать работу и совершать путешествія, отнимавшія въ тѣ времена очень много времени. Тѣ изъ ремесленниковъ, которые занимались сбытомъ товара на ярмаркахъ, закупали у остальныхъ произведенныя ими издѣлія и сбывали ихъ вмѣстѣ съ собственными на свой страхъ и рискъ. Въ другихъ случаяхъ ремесла, для ко-

торыхъ мѣстный рынокъ являлся слишкомъ стѣснительнымъ, продавали часть своихъ продуктовъ купцамъ. Въ ганзейскихъ городахъ—Любекѣ, Люнебургѣ, Грейфсвальдѣ, Гамбургѣ янтарные цехи, цехи бочаровъ, оловянниковъ изготовляли часть своихъ издѣлій по заказу иногородныхъ купцовъ. Этими обоими путями ремесло должно было перейти постепенно въ кустарную форму производства. До тѣхъ поръ, пока лишь небольшая часть продуктовъ изготовлялась для вывоза, ремесло еще не измѣняло своего характера; но чѣмъ больше становилось это количество, чѣмъ большее значеніе пріобрѣтало производство для сбыта внѣ города, сравнительно съ производствомъ для мѣстнаго рынка, тѣмъ болѣе возростала и зависимость ремесленника отъ внѣшняго рынка, отъ лица, скупавшаго его издѣлія, тѣмъ скорѣе совершался переходъ къ кустарной промышленности.

Подобная форма производства шла рѣшительно въ разрѣзъ со средневѣковыми воззрѣніями, согласно которымъ цеховой мастеръ самъ же долженъ былъ сбывать производимые имъ товары на рынкѣ и отнюдь не могъ работать по заказу другого цехового мастера, а тѣмъ менѣе по заказу купца, вовсе не принадлежавшаго къ ремесленному цеху. Поэтому въ Шалонѣ уже статутъ 1247 года запрещаетъ цеховымъ мастерамъ раздавать работу на домъ другимъ лицамъ. Въ статутѣ бочаровъ г. Висмара 1346 года и г. Данцига XV вѣка сказано, что бочарамъ воспрещается скупать бочки у другихъ бочаровъ или изготовлять ихъ по заказу другихъ бочаровъ. Въ Констанцѣ въ XIII вѣкѣ запрещено ткачамъ покупать полотняныя издѣлія, купцы же могутъ пріобрѣтать ихъ лишь на рынкѣ; первымъ постановленіемъ предотвращалось скупаніе цеховыми ремесленниками товаровъ у своихъ собратьевъ, вторымъ—производство на дому по заказу купца.

Если, несмотря на эти запрещенія производства для сбыта внѣ города, уже въ XIII вѣкѣ на ярмаркахъ встрѣчаются издѣлія текстильной промышленности, а въ XIV—XV ст. и продукты другихъ отраслей производства, то это является результатомъ распространенія кустарной промышленности въ селахъ, гдѣ цеховъ не существовало, и, слѣдовательно, производство для сбыта на ярмаркахъ ничѣмъ не стѣснялось. „Не только въ текстильной промышленности—говоритъ Инама-Стернеггъ,—но и въ желѣзодѣлательномъ и горшечномъ производствахъ, въ промыслахъ обработки дерева и обжиганія кирпичей, мы въ XIV—XV ст. встрѣчаемъ нерѣдко сельскихъ жителей, работающихъ не только для своихъ помѣщиковъ, но и для сбыта; во многихъ случаяхъ эти промыслы распространялись на значительныя пространствѣ и становились важнымъ источникомъ заработка для

населенія, хотя и производились одновременно съ земледѣліемъ". Лампрехтъ указываетъ въ особенности на металлургическую промышленность, гдѣ въ мѣстностяхъ, богатыхъ рудой, производство сельскихъ жителей для домашнихъ потребностей еще въ средніе вѣка превратилось въ сельскую кустарную промышленность. Продукты сбывались либо самими же производителями, либо другими лицами, стоявшими въ соціальномъ отношеніи на той же ступени, но не купцами, сбывались посредствомъ разноснаго торга.

Города противились возникновенію кустарной формы производства въ своихъ стѣнахъ; но еще болѣе они стѣсняли ввозъ произведенныхъ внѣ города фабрикатовъ. Поэтому и для продуктовъ, изготовленныхъ въ селахъ, рынокъ сбыта былъ сильно ограниченъ: кромѣ ярмарокъ сбытъ былъ открытъ лишь въ не-европейскія страны, на Востокъ. Вслѣдствіе этого возникновеніе кустарной промышленности въ средніе вѣка было крайне затруднено. Оно облегчалось лишь въ одномъ случаѣ. Какъ мы уже указывали выше, въ исключительныхъ случаяхъ города допускали свободный ввозъ промышленныхъ издѣлій, именно тогда, когда какая-либо страна, мѣстность или городъ пользовались фактической монополіей въ производствѣ тѣхъ или другихъ издѣлій и не было возможности вызвать оттуда ремесленниковъ соотвѣтствующей спеціальности; при такихъ обстоятельствахъ приходилось допускать ввозъ продуктовъ данной отрасли производства. Та мѣстность, гдѣ сосредоточивалось производство этихъ издѣлій, имѣла, слѣдовательно, возможность производить не только для мѣстныхъ потребителей, но и на вывозъ, для болѣе или менѣе обширнаго рынка, и здѣсь-то уже въ средніе вѣка возникалъ классъ скупщиковъ, сбывавшихъ изготовленные мастерами продукты въ другихъ городахъ и странахъ. Въ XIII и первой половинѣ XIV ст. такой фактической монополіей въ производствѣ тонкихъ сортовъ сукна, крашеныхъ суконъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ пользовались фламандскіе города Брюгге, Гентъ, Ипръ, Сентъ-Омеръ, Дуэ *), въ XIV и первой половинѣ XV вѣка итальянскіе города Флоренція, Венеція, Миланъ, а также нѣкоторые брабантскіе города, въ особенности

*) Въ дошедшихъ до насъ торговыхъ книгахъ средневѣковыхъ купцовъ стоитъ на первомъ планѣ торговля фламандскимъ сукномъ, къ которому присоединяется отчасти брабантское, а позже и англійское сукно. И любекскій купецъ Виттенборгъ, и гамбургскій купецъ Гельдерсенъ, и ростокскій купецъ Гельнеръ — всѣ они (XIV вѣкъ) торгуютъ прежде всего фламандскимъ сукномъ. Точно также въ торговыхъ книгахъ аугсбургскаго купца Рунтингера (1383—1407) и нюрнбергскаго купца Ульриха Старка (1426—1435) на первомъ мѣстѣ стоитъ покупка и продажа нидерландскихъ суконъ. Наконецъ, и тевтонскій орденъ, который велъ значительныя торговыя операціи, въ особенности съ Фландріей, вывозилъ оттуда прежде всего сукно.

Брюссель. Итальянскіе города, сначала Лукка, а затѣмъ Венеція и Генуя обладали также монополіей производства шелковыхъ матерій въ теченіе всего средневѣковья, а въ Миланѣ, Брешіи и Толедо изготовлялось оружіе, въ особенности золоченое оружіе, выдѣлка котораго также была не извѣстна другимъ странамъ. Наконецъ, ремесла Нюрнберга производили цѣлый рядъ металлическихъ издѣлій, которыя не изготовлялись въ другихъ городахъ, а Ульмъ былъ до XVI вѣка почти единственной мѣстностью, гдѣ выдѣлывались бумажныя ткани. Въ этихъ и только въ этихъ мѣстностяхъ мы находимъ въ средніе вѣка кустарную форму производства. Во фламандской шерстяной промышленности цѣлая масса мастеровъ работаетъ на немногихъ купцовъ, которые распространяютъ издѣлія по всей Европѣ; у себя на дому, при помощи одного—двухъ подмастерьевъ, эти мелкіе мастера обрабатываютъ принадлежащій скупщику матеріалъ (см. Пиренне, „Исторія Бельгіи“). Въ брабантскихъ городахъ производство шляпъ, перчатокъ, готоваго платья, оружія и прочихъ металлическихъ издѣлій находилось въ рукахъ самостоятельныхъ ремесленниковъ; въ области же шерстяной промышленности рабочіе на дому производили товары по заказу скупщика-предпринимателя. Въ противоположность всѣмъ другимъ отраслямъ производства эта промышленность работала для иностраннаго рынка, ткани сбывались въ Шампани и въ Англіи, куда мастера не въ состояніи были отправляться вслѣдствіе дальности разстояній (Des Marez). Еще болѣе развитую форму кустарной промышленности представляетъ собою производство шерстяныхъ и шелковыхъ матерій въ итальянскихъ городахъ: скупщики держатъ въ своихъ рукахъ всю промышленность. Наиболѣе крупные купцы и банкиры принимаютъ живое участіе въ торговлѣ этими товарами. Наконецъ, и оружейное производство Милана, а также выдѣлка металлическихъ издѣлій въ Нюрнбергѣ и хлопчатобумажная промышленность Ульма имѣютъ форму кустарнаго производства.

Въ другихъ мѣстностяхъ и отрасляхъ производства въ теченіе всего средневѣковья сохранялось ремесло. Наиболѣе твердо оно стояло въ сѣверо-германскихъ, ганзейскихъ городахъ, гдѣ товары изготовлялись для вывоза лишь въ исключительныхъ случаяхъ, огромная же масса продуктовъ предназначалась для мѣстныхъ потребителей. Нѣсколько ближе къ характеру кустарной промышленности подходило производство текстильныхъ издѣлій въ южно-германскихъ и сѣверо-французскихъ городахъ въ XV вѣкѣ, хотя и здѣсь (Констанцъ, Равенсбургъ, Аугсбургъ, Парижъ, Нормандія) не менѣе значительную роль играло все еще производство для мѣст-

наго потребленія, и мастера-ткачи работали не только по заказу купцовъ и другихъ мастеровъ, но и для мѣстнаго рынка; особаго класса скупщиковъ еще не существовало, онъ едва только зарождался, и цехи еще довольно успѣшно боролись съ новой формой производства. Наконецъ, и во Фландріи и Брабантѣ кустарная промышленность существовала лишь въ XIII и первой половинѣ XIV ст., въ эпоху расцвѣта суконной промышленности. Вскорѣ начался упадокъ этой отрасли производства, и вывозъ сильно сократился: Нидерланды уступили свое мѣсто сначала итальянскимъ городамъ, а затѣмъ Англіи. Въ Англіи съ конца XIV вѣка появляется классъ сукнодѣловъ—предпринимателей, которые становятся посредниками между производителями сукна и потребителями, и съ половины XV в. кустарная форма производства постепенно совсѣмъ вытѣсняетъ ремесло. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ производства послѣднее, однако, и въ Англіи сохраняетъ свое значеніе.

Такимъ образомъ, въ одной только Италіи уже въ средніе вѣка господствовала кустарная промышленность въ городахъ; во всѣхъ другихъ странахъ она только едва-едва зарождалась и лишь въ Англіи уже въ XV вѣкѣ вылилась въ опредѣленную, рѣзко отличающуюся отъ ремесла, форму производства. Шестнадцатое и семнадцатое столѣтія, наоборотъ, сильно благопріятствовали превращенію ремесла въ кустарную промышленность. Мѣстный рынокъ замѣнился болѣе обширнымъ рынкомъ; оказалось возможнымъ производить товары для вывоза. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усилилась и потребность въ сбытѣ на иногородніе рынки, ибо съ возрастаніемъ промышленнаго населенія, съ появленіемъ цѣлаго ряда новыхъ категорій лицъ, занимающихся промыслами, производство далеко опередило спросъ, предъявляемый мѣстными потребителями *).

Появились и капиталы—результатъ развитія торговли итальянскихъ и южно-германскихъ городовъ къ концу средневѣковья; въ итальянскихъ городахъ—Флоренціи, Генуѣ, Венеціи капиталы уже въ XV ст. достигали значительныхъ размѣровъ, въ Нюрнбергѣ, Аугсбургѣ въ XVI ст. выступаетъ на сцену капиталъ дотолѣ неслыханной величины. А въ XVII—XVIII ст. Нидерланды и Англія

*) Въ Страсбургѣ ткачи, изготовляющіе саржу, уже въ 1537—1541 гг. не находятъ сбыта для своихъ издѣлій, и такъ какъ они очень бѣдны и не въ состояніи ждать болѣе благопріятнаго времени, то они обращаются къ купцамъ и всячески упрашиваютъ ихъ купить произведенные ими продукты. Въ прусской шелковой промышленности и въ производствѣ чулочнаго товара ощущается постоянный недостатокъ въ скупщикахъ. Австрійскіе камералисты XVII ст. Бехеръ и Гернигкъ, вовсе не относящіеся дружелюбно къ купцамъ, считаютъ ихъ все-таки весьма необходимыми для правильной организаціи сбыта промышленныхъ издѣлій.

изобиловали свободными капиталами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и головокружительная спекуляція на Амстердамской и Лондонской биржахъ, и падкость публики на всякія новыя предпріятія, сколь бы они ни были сомнительны, и возрастаніе государственныхъ займовъ, погашеніе которыхъ было чрезвычайно непріятно для капиталистовъ, ибо нигдѣ не имѣлось столь вѣрнаго помѣщенія для капитала; наконецъ, огромные капиталы, помѣщенные въ англійской горнопромышленности въ XVII ст. (См. о капиталѣ въ XVII—XVIII ст. Кулишеръ, „Исторія экономическаго быта“, 2-е изд., стр. 395 и сл., 418 и сл.).

Превращенію ремесла въ кустарную промышленность благопріятствовало и то обстоятельство, что посѣщеніе отдаленныхъ рынковъ самими производителями для сбыта товаровъ оказывалось теперь еще болѣе затруднительнымъ, чѣмъ оно было раньше, ибо къ прежнимъ неудобствамъ присоединилось еще новое крайне важное обстоятельство: появившаяся конкуренція требовала большей подвижности въ сбытѣ товаровъ, большаго умѣнья сообразоваться со спросомъ *). Поэтому прежняя организація сбыта оказалась устарѣвшей и непригодной: при усилившейся конкуренціи производство для вывоза могло быть выгоднымъ лишь въ томъ случаѣ, если сбытъ производился людьми опытными, знакомыми съ состояніемъ рынка и съ требованіями покупателей. Цеховой мастеръ не былъ въ состояніи приноровиться къ измѣнившимся условіямъ, ибо главнымъ его занятіемъ попрежнему было изготовленіе товаровъ; торговля составляла лишь побочное занятіе. Для того, чтобы оказаться наравнѣ съ современнымъ уровнемъ требованій, чтобы обнаружить необходимую энергію,

*) Весьма любопытный примѣръ торговца придерживавшагося уже новаго принципа—побивать своихъ конкурентовъ дешевизной товаровъ, представляетъ собою базельскій купецъ Перецъ, переселившійся туда въ 1568 году изъ Антверпена и основавшій шелковую промышленность въ Базелѣ. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ большой кругъ потребителей и заставилъ мѣстныхъ торговцевъ понизить цѣны и прибыль до минимума. Подобнымъ же образомъ дѣйствовали и нѣкоторые другіе купцы, переселившіеся въ Базель изъ Нидерландовъ и Италіи. Между тѣмъ, мѣстные торговцы стояли на прежней средневѣковой точкѣ зрѣнія, находя, что надо брать не количествомъ, а высокой цѣной и лучше продавать попрежнему мало, но пріобрѣтать высокую прибыль на каждой единицѣ товара, чѣмъ сбывать ихъ дешевле, но въ большомъ количествѣ и выручать въ суммѣ болѣе значительную прибыль. Поэтому-то низкія цѣны Переца и приводили ихъ въ сильное негодованіе. Намъ извѣстны—говорятъ они—аугсбургскіе, нюрнбергскіе, страсбургскіе купцы, которые покупаютъ товары въ Италіи тамъ же, гдѣ и Перецъ, и, несмотря на то, что эти купцы закупаютъ товары оптомъ, они не въ состояніи ихъ сбывать столь же дешево, какъ Перецъ. Что же касается продажи сукна, то мѣстные купцы совершенно не въ состояніи конкурировать съ нимъ. Онъ продаетъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ дешево и долженъ при такихъ цѣнахъ безусловно нести убытки. См. также ниже, VI

онъ долженъ былъ совершенно прекратить производство и заняться исключительно сбытомъ промышленныхъ издѣлій, превратиться въ торговца. Но за торговлю могли взяться лишь немногіе изъ цеховыхъ мастеровъ, лишь тѣ изъ нихъ, которые обладали коммерческими способностями и успѣли уже раньше составить себѣ извѣстный капиталъ. Всѣ остальные мастера стали кустарями-рабочими, производившими для тѣхъ мастеровъ, которые посвятили себя торговому дѣлу, и переставшими самостоятельно сбывать продукты своего труда. Въ другихъ случаяхъ сбытъ промышленныхъ издѣлій переходилъ въ руки купца, который въ средніе вѣка преимущественно, даже почти исключительно, торговалъ сырьемъ, но теперь сталъ сбывать также и фабрикаты; мастера работали по его заказу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мастера сохранили за собой лишь изготовленіе товаровъ.

Такимъ образомъ, произошла существенная перемѣна: съ одной стороны, производитель отдѣлился отъ продавца, между тѣмъ какъ раньше обѣ эти функціи соединялись въ одномъ лицѣ; а съ другой— образовалась связь между торговлей и промышленностью. Скупщикъ-предприниматель совершенно отдѣляется отъ мастера-кустаря, онъ принадлежитъ къ другому классу, къ купеческому. Онъ самъ уже не работаетъ, продуктовъ не производитъ. Въ противоположность доходу цехового ремесленника, въ составъ котораго входила и заработная плата, и прибыль, доходъ скупщика состоитъ изъ одной прибыли, доходъ работающаго на него кустаря изъ одной лишь заработной платы. Прибыль отдѣлилась отъ заработной платы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Образованіе класса скупщиковъ-капиталистовъ въ XVI—XVIII ст.

Средневѣковые цеховые уставы требовали отъ мастера, чтобы онъ самостоятельно сбывалъ произведенные имъ издѣлія. На этой точкѣ зрѣнія цеховые статуты стояли нерѣдко и впослѣдствіи. И даже, поскольку они постепенно признавали совершившуюся въ характерѣ промышленности перемѣну, они разрѣшали цеховымъ мастерамъ работать лишь на другихъ мастеровъ, но ни въ какомъ случаѣ не по заказу купцовъ. Цехи еще долго придерживаются принципа, что только лицо, входящее въ составъ цеха, можетъ сбывать из-

готовленные цеховыми мастерами товары. Между ними и купцами происходитъ постоянная борьба, которая составляетъ одно изъ наиболѣе любопытныхъ явленій въ исторіи развитія кустарной промышленности. Она оканчивается побѣдой купцовъ: послѣ продолжительной борьбы послѣднимъ удается добиться равноправія съ цеховыми мастерами въ отношеніи сбыта промышленныхъ издѣлій. Лишь съ этихъ поръ совершается полное отдѣленіе капитала отъ труда, прибыли отъ заработной платы.

Въ приведенныхъ нами выше статутахъ бочаровъ Висмара и Данцига XIV и XV ст. еще вовсе запрещается сбывать товары черезъ посредство другихъ лицъ. Но въ статутѣ бочарнаго цеха г. Люнебурга 1430 г. запрещеніе скупать бочки относится лишь къ тѣмъ лицамъ, которыя не принадлежатъ къ бочарному цеху и не занимаются производствомъ товаровъ, т.-е. только къ купцамъ, но не распространяется на цеховыхъ мастеровъ. Въ Нюрнбергѣ, гдѣ кустарная форма производства (въ области производства металлическихъ издѣлій) существовала уже въ средніе вѣка, мы еще въ половинѣ XVI ст. находимъ постановленіе, по которому мастерамъ цеха, изготовляющаго инструменты, запрещается давать другимъ мастерамъ работу для выдѣлки или окончанія товара, подъ страхомъ наказанія въ размѣрѣ двухъ фунтовъ. Зато въ статутахъ мѣднокотельнаго цеха 1540 г. и позолотнаго цеха 1566 г. допускается производство издѣлій для другого мастера; нельзя работать лишь по заказу купца. Въ Парижѣ въ XVI вѣкѣ могли брать работу на домъ по заказу другихъ мастеровъ только тѣ ремесленники, которые обѣднѣли и вынуждены были стать простыми рабочими. Статутъ 1575 года гласитъ: „никто изъ ремесленниковъ не можетъ производить товаровъ внѣ своего дома; исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, если по заказу мастера работаетъ обѣднѣвшій ремесленникъ, который не имѣетъ средствъ держать собственную мастерскую: въ этомъ случаѣ можно давать ему работу, чтобы онъ могъ снискивать себѣ пропитаніе“. Эти обѣднѣвшіе ремесленники и явились, очевидно, первыми кустарями. Лишь впослѣдствіи къ болѣе состоятельнымъ мастерамъ, на которыхъ они работали, присоединились и купцы.

Въ Вюртембергѣ статутъ 1536 года запрещаетъ лицамъ, не занимающимся выдѣлкой шерстяныхъ издѣлій и не состоящимъ мастерами шерстянаго цеха, торговать сукномъ и давать заказы другимъ мастерамъ. Купцы, однако, обходили это постановленіе. Они ссужали мастеровъ деньгами съ тѣмъ, чтобы послѣднія возвращались имъ въ формѣ сукна. Пришлось признать, что подобнаго рода ссуды

вызываются бѣдностью ткачей, и допустить эти операціи, если онѣ производятся туземными, а не иностранными купцами. Такимъ образомъ, уже въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. купцамъ удалось получить въ свои руки торговлю шерстяными издѣліями. Въ итальянскомъ городѣ Торно это совершилось еще въ XV вѣкѣ подобнымъ же путемъ; первоначально ткачи уплачивали за полученную отъ купца шерсть не деньгами, а матеріей, изготовленной изъ этой шерсти. Въ Пруссіи, въ Галле, цехъ ножевщиковъ разрѣшаетъ въ концѣ XVII вѣка своимъ членамъ сбывать товары болѣе состоятельнымъ мастерамъ; на послѣднихъ могутъ работать не только подмастерья, но и мастера, не имѣющіе заработка. Относительно купцовъ ничего не сказано. Мыловарамъ же запрещено работать по заказу послѣднихъ, а магдебургскій статутъ 1714 года разрѣшаетъ мастерамъ-чулочникамъ производить товаръ лишь для тѣхъ лицъ, которыя сами занимаются этимъ промысломъ. Тѣмъ не менѣе,—говоритъ Шмоллеръ—устранить совершенно торговыхъ посредниковъ, противъ которыхъ было направлено это постановленіе, не удавалось. И въ чулочномъ производствѣ Эрлангена (Баварія) имѣлось такое постановленіе, и оно сохранилось еще въ 1730 году; однако, въ XVIII вѣкѣ право торговли было распространено и на тѣхъ, кто хотя пересталъ заниматься производствомъ товаровъ, но сохранилъ за собой званіе цехового мастера. „Отсюда—прибавляетъ Стида—былъ, конечно, всего одинъ шагъ до допущенія въ число скупщиковъ лицъ, которыя вовсе никогда не занимались промысломъ“. Въ ліонской шелковой промышленности это совершилось въ XVII в. Ордоннансъ 1619 года еще запрещалъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ цеху мастеровъ, заниматься сбытомъ шелковыхъ тканей. Но въ 1667 году всѣ купцы, торговавшіе этими издѣліями, были приняты въ составъ корпораціи мастеровъ и, слѣдовательно, этимъ окольнымъ путемъ пріобрѣли какъ право торговли шелковыми издѣліями, такъ и право изготовленія ихъ.

Особенно любопытенъ переходъ отъ ремесла къ кустарной промышленности и образованіе класса скупщиковъ-капиталистовъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ послѣднее находилось въ рукахъ нѣсколькихъ цеховъ, изъ которыхъ каждый изготовлялъ извѣстную часть предмета. Дѣло въ томъ, что къ концу среднихъ вѣковъ возникъ новый видъ раздѣленія труда, Produktionsteilung, по терминологіи Бюхера *). Процессъ производства одного и того же товара, сосредоточенный первоначально въ рукахъ одного мастера,

*) См его «Возникновеніе народнаго хозяйства». Рус. пер СПБ. 1907.

въ одной мастерской, сталъ распредѣляться между нѣсколькими мастерскими, между различными предпріятіями; изъ одного цеха образовалось нѣсколько. Они всѣ работали надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, распредѣляя между собою различныя стадіи производства. Такъ, въ шерстяной промышленности существовали цехи прядильщиковъ, ткачей, валяльщиковъ, стригалей, красильщиковъ, въ кожевенной — работа распредѣлялась между цехомъ кожевниковъ, цехомъ скорняковъ и цехомъ сапожниковъ; въ производствѣ ножей и холоднаго оружія желѣзо обрабатывается сначала кузнецомъ, затѣмъ закаливальщикомъ и шлифовщикомъ; далѣе оно поступаетъ къ мастеру, выдѣлывающему эфесы и ножны и, наконецъ, къ сборщику оружія. Конечно, далеко не повсюду существовала такая масса спеціальностей, но два—три мастера обыкновенно распредѣляли между собой работу и въ шерстяной промышленности, и въ производствѣ металлическихъ издѣлій. Въ этихъ случаяхъ одинъ изъ цеховъ, обыкновенно тотъ цехъ, который производилъ конечныя операціи, захватывалъ въ свои руки сбытъ готовыхъ издѣлій и постепенно превращался въ корпорацію скупщиковъ, прекращая мало-по-малу изготовленіе товаровъ.

Остановимся прежде всего на производствѣ металлическихъ издѣлій. Оно дастъ намъ ясную картину возникновенія кустарной промышленности.

Въ производствѣ холоднаго оружія въ Золингенѣ, извѣстномъ центрѣ оружейной промышленности, мастера дѣлились на три цеха: на кузнецовъ, на закаливальщиковъ и шлифовщиковъ и на мастеровъ, выдѣлывавшихъ ножны (шверфегеровъ) и собиравшихъ готовыя части оружія (рейдеровъ). Оружіе являлось только тогда годнымъ для употребленія, когда оно успѣло уже пройти чрезъ руки мастеровъ всѣхъ трехъ цеховъ, лишь послѣ того, какъ шверфегеръ изготовилъ ножны и рейдеръ составилъ оружіе. И до тѣхъ поръ, пока оно не было готово, оно не могло поступить въ продажу, ибо кузнецамъ было запрещено сбывать клинки въ необдѣланномъ видѣ, въ видѣ „черныхъ клинковъ“, иначе слѣдующіе за ними работники лишались бы заработка. Такимъ образомъ, кузнецы были вынуждены сбывать всѣ свои издѣлія рейдерамъ для окончательной отдѣлки. Зависимость ихъ отъ послѣднихъ была тѣмъ сильнѣе, что только мастерамъ цеха, изготовлявшаго ножны и составлявшаго оружіе, было дозволено уѣзжать въ другія мѣстности, тогда какъ остальные цехи давали клятву не покидать Золингена, чтобы не выдавать секретовъ производства. Шлифовщики и закаливальщики уже въ XV вѣкѣ превратились изъ самостоятельныхъ

мастеровъ въ наемныхъ рабочихъ, постепенно становились рабочими и кузнецы. Такъ какъ рейдеры, съ одной стороны, имѣли право разъѣзжать, а, съ другой стороны, къ нимъ поступали всѣ части оружія для сборки и окончательной отдѣлки, то и вся торговля должна была сосредоточиваться въ ихъ рукахъ. Монополизировавъ торговлю оружіемъ, они постепенно превращались изъ ремесленниковъ въ купцовъ. „Первоначально купцы были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ремесленниками—говоритъ Тунъ („Die Industrie am Niederrhein“)—и, возвратившись съ ярмарки, снова принимались за составленіе оружія и выдѣлываніе ноженъ; они были такими же членами цеха, какъ и всѣ остальные, хотя и болѣе состоятельными, болѣе уважаемыми, и подчинялись тѣмъ же самымъ статутамъ. Но чѣмъ болѣе расширялась торговля Золингена, чѣмъ болѣе отдѣльные купцы, болѣе энергичные, болѣе бережливые и имѣвшіе большую удачу, стали посвящать себя исключительно торговой дѣятельности, тѣмъ болѣе они выдѣлялись въ самостоятельный классъ купцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ремесленная форма производства постепенно переходитъ въ кустарную. Все рѣже и рѣже кузнецы сами сбываютъ мечи, все болѣе общимъ становится явленіе, что они работаютъ, какъ и другіе ремесленники, по заказу купцовъ; послѣдніе принимаютъ на себя поставку желѣза, стали и другихъ матеріаловъ“.

Подобнымъ же образомъ совершился процессъ превращенія въ кустарную промышленность въ ножевомъ производствѣ Золингена. „До тѣхъ поръ, пока форма ножей была очень несложна—читаемъ у Туна въ его исторіи промышленности по Нижнему Рейну—и главное вниманіе обращалось на клинокъ, могли дѣйствительно существовать ножевщики въ томъ смыслѣ, что одинъ и тотъ же человѣкъ одновременно и выковывалъ ножъ, и отдѣлывалъ и собиралъ его; только для шлифованія онъ отдавалъ его на сторону. Когда же въ XVI вѣкѣ появились болѣе разнообразные сорта ножей, и форма ихъ стала сложнѣе, тогда увеличилось раздѣленіе труда, возросло количество рабочихъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ. Необходимымъ послѣдствіемъ раздѣленія труда было появленіе новаго элемента въ процессѣ производства, элемента, руководившаго всѣмъ процессомъ и соединявшаго выдѣлываемыя въ различныхъ мастерскихъ части ножа въ одно цѣлое—это былъ такъ называемый Fertigmacher. Онъ покупалъ у мастеровъ, производившихъ клинки и ободки для складныхъ ножей, у мастеровъ, выдѣлывавшихъ рукоятки и оправы, ихъ издѣлія, не продаваемыя каждое въ отдѣльности, и составлялъ изъ нихъ цѣльные ножи. Такъ какъ среди

этихъ рабочихъ было много бѣдныхъ людей, не имѣвшихъ средствъ на пріобрѣтеніе матеріаловъ, то Fertigmacher'ы закупали оптомъ матеріалы, доставляли ихъ рабочимъ и поручали имъ производство отдѣльныхъ операцій. Такимъ образомъ, въ ножевомъ промыслѣ уже въ XVI вѣкѣ начинается переходъ отъ ремесла къ домашней промышленности; самостоятельные ножевщики обращаются постепенно въ наемныхъ рабочихъ.

Въ Тюрингіи, именно въ Рулѣ, ножевщики также первоначально составляли одинъ цехъ, и одинъ и тотъ же мастеръ производилъ весь продуктъ. Когда въ началѣ XVII вѣка мастера, отдѣлывавшіе клинки, отдѣлились отъ кузнецовъ, и между тѣми и другими установилось раздѣленіе труда, послѣдніе очутились въ зависимости отъ первыхъ. Въ качествѣ мастеровъ, въ рукахъ которыхъ находились конечные процессы производства, отдѣлыватели занимались сбытомъ ножей, и изъ нихъ образовался постепенно классъ скупщиковъ. Къ концу XVII вѣка скупщики состояли изъ прежнихъ отдѣлывателей, къ которымъ присоединились розничные торговцы. Кузнецы стали наемными рабочими.

Точно также и въ иголочномъ промыслѣ Швабаха въ Баваріи классъ скупщиковъ образовался изъ среды мастеровъ, дававшихъ окончательную отдѣлку продукту. Еще въ XVIII вѣкѣ скупщики занимались закаливаньемъ и шлифованьемъ иголокъ и булавокъ, которыя поступали къ нимъ въ полуобработанномъ видѣ: они же сортировали и упаковывали товаръ.

Въ XVII—XVIII ст. славились произведенія желѣзнаго промысла въ Бирмингамѣ и Шеффильдѣ и ихъ окрестностяхъ: это было производство мелкаго желѣзнаго, отчасти и мѣднаго, товара: ножей, ножницъ, топоровъ, молотковъ и другихъ инструментовъ, холоднаго оружія, гвоздей, замковъ, металлическихъ табакерокъ, застежекъ для башмаковъ, пуговицъ и т. п. Трудно, однако, сказать, изъ какой именно категоріи ремесленниковъ образовался здѣсь классъ скупщиковъ. Извѣстно лишь, что и здѣсь скупщики произошли изъ прежнихъ мастеровъ. Большинство послѣднихъ всегда опасалось перепроизводства, между тѣмъ не рѣшалось посылать свои издѣлія въ другія мѣстности, на неизвѣстные рынки, тѣмъ болѣе, что это было сопряжено съ большими усиліями и расходами. Лишь немногіе изъ нихъ, болѣе состоятельные и болѣе предпріимчивые, рѣшались вступить въ непосредственныя сношенія съ Лондономъ и даже съ рынками на континентѣ Европы. Они-то и превратились въ купцовъ, которые и въ Шеффильдѣ и въ Бирмингамѣ стали необходимымъ элементомъ въ производствѣ. Въ XVII—XVIII ст.

все производство покоилось на заказахъ купцовъ, и мастеръ находился въ полномъ подчиненіи у скупщика. Во многихъ случаяхъ купецъ доставлялъ и сырье, обрабатываемое мастеромъ, и послѣдній, будучи съ виду самостоятельнымъ производителемъ, въ дѣйствительности былъ не кѣмъ инымъ, какъ рабочимъ, получавшимъ поштучную плату и пользовавшимся собственными орудіями производства.

Переходимъ къ развитію кустарной промышленности изъ ремесла въ текстильномъ производствѣ.

Въ области шерстяной промышленности раздѣленіе труда въ концѣ среднихъ вѣковъ развилось еще болѣе, чѣмъ въ производствѣ металлическихъ издѣлій, и каждое изъ ремеслъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ, могло превратиться въ корпорацію скупщиковъ. Но и здѣсь преобладающее положеніе заняли, повидимому, тѣ мастера, въ рукахъ которыхъ находились конечные процессы производства. Шмоллеръ въ своей „Исторіи страсбургскаго суконнаго цеха“ указываетъ на то, что и въ Шампани, и въ Провансѣ, и въ Амьенѣ прежніе сукновалы и шерстобитчики превратились въ богатыхъ суконщиковъ-торговцевъ. Сукновалъ является центромъ всего производства, на него работаютъ и прядильщица, и ткачъ, и всѣ остальные ремесленники. Тѣмъ, что сукно проходило чрезъ руки сукноваловъ послѣ всѣхъ другихъ, Эшли въ своей „Экономической исторіи Англіи“ объясняетъ то обстоятельство, что терминъ „суконщикъ“ (drapier), первоначально употребляемый для обозначенія всѣхъ тѣхъ, кто производилъ сукно или торговалъ имъ, сталъ впослѣдствіи синонимомъ валяльщика. Можетъ-быть, это надо объяснять иначе, тѣмъ, что валяльщики первоначально были и красильщиками, какъ это было въ Страсбургѣ, между тѣмъ, какъ ткачамъ запрещалось заниматься крашеніемъ суконъ, и они вскорѣ стали наемными рабочими; крашеніе сукна являлось однимъ изъ важнѣйшихъ конечныхъ процессовъ производства, и, какъ мы увидимъ ниже, въ другихъ странахъ скупщики выходили изъ красильнаго цеха.

И по отношенію къ Англіи Эшли полагаетъ, что отдѣлыватели сукна стали первыми суконщиками. Вмѣсто того, чтобы ждать, пока потребитель принесетъ имъ кусокъ сукна для стрижки или отдѣлки, валяльщики могли находить болѣе выгоднымъ для себя покупать сукно у ткача, самимъ отдѣлывать его и сбывать на рынкѣ. Эшли выставляетъ и другую гипотезу: скупщиками могли стать торговцы шерстью, которые имѣли уже извѣстный коммерческій опытъ и обладали нѣкоторымъ капиталомъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что впо-

слѣдствіи значительная, пожалуй, даже большая часть скупщиковъ состояла изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ ремеслу, и есть основаніе думать, что это были, главнымъ образомъ, купцы, торговавшіе шерстью. Къ серединѣ XVI вѣка эти чуждые ремеслу элементы встрѣчались уже въ большомъ количествѣ. Однако, трудно предполагать, чтобы первоначально скупщики вышли изъ ихъ среды, ибо не только производство, но и сбытъ шерстяныхъ издѣлій запрещался всѣмъ тѣмъ, кто не прошелъ семилѣтняго ученичества и не изучилъ производства сукна надлежащимъ образомъ.

Этого принципа англійское законодательство придерживается и впослѣдствіи очень долго, съ нѣкоторыми, правда, отступленіями; хотя на практикѣ эти мѣры встрѣчаютъ все большее и большее противодѣйствіе со стороны заинтересованныхъ лицъ, а съ конца XVI и начала XVII ст. соотвѣтствующіе законы, повидимому, уже почти не исполняются. Борьба изъ-за обязательности семилѣтняго срока ученичества для скупщиковъ-сукнодѣловъ есть не что иное, какъ борьба за допущеніе въ число скупщиковъ лицъ, не входящихъ въ составъ ремесленныхъ корпорацій, т.-е. купцовъ. Законъ 1552 года—первый законъ объ обязательности семилѣтняго ученичества, распространяющійся на все государство, упоминаетъ лишь о ткачахъ, изъ чего можно было бы вывести, что для скупщиковъ (clothier) этотъ законъ не является обязательнымъ. Однако, изъ закона, изданнаго годъ спустя, видно, что законъ предыдущаго года относился и къ нимъ, ибо въ законѣ 1553 года говорится, что „много суконщиковъ, занимавшихся суконнымъ производствомъ въ теченіе пяти—шести лѣтъ, вынуждено было оставить это занятіе къ ихъ великому обѣднѣнію и къ крайнему разоренію множества ткачей, валяльщиковъ, красильщиковъ и сукноторговъ, которые, благодаря этимъ суконщикамъ, добывали себѣ пропитаніе“. Поэтому законъ 1553 года отмѣняетъ предыдущій законъ, поскольку онъ касался городовъ и тѣхъ мѣсточекъ, гдѣ ранѣе производились широкіе сорта сукна. Прежнее постановленіе распространялось, такимъ образомъ, и на суконщиковъ-предпринимателей; теперь оно сохранило свою силу лишь для суконщиковъ, проживающихъ въ селахъ. Однако, законъ 1557 года возобновилъ это постановленіе: семилѣтній срокъ ученичества снова становится обязательнымъ не только для ткачей, но и для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя заказываютъ пряжу и выдѣлку тканей другимъ лицамъ. Въ этомъ видѣ обязательность семилѣтняго ученичества сохранилась и впослѣдствіи, хотя въ послѣдующихъ законахъ о ней вовсе не упоминается: въ то время, какъ всѣ другіе вопросы регулируются

цѣлымъ рядомъ новыхъ постановленій, о семилѣтнемъ ученичествѣ нѣтъ вовсе рѣчи. Можно поэтому предполагать, что, въ концѣ концовъ, перестали совершенно примѣнять эту мѣру, и купцы безпрепятственно становились скупщиками. Только по отношенію къ новымъ отраслямъ шерстяной промышленности, возникшимъ при Елисаветѣ (new drapery), въ законѣ 1662 года говорится, что никто не можетъ заниматься производствомъ этихъ издѣлій или заказывать выдѣлку ихъ другимъ лицамъ, если онъ не отбылъ семилѣтняго ученичества; виновный въ нарушеніи этого постановленія подвергается штрафу въ 5 ф. ст., а по закону 1724 года штрафу въ 10 ф. ст.

Гораздо легче прослѣдить образованіе класса скупщиковъ-предпринимателей въ баденской и вюртембергской текстильной промышленности. Если по отношенію къ французскому и англійскому шерстяному производству трудно установить съ точностью, откуда вышли скупщики, то для Германіи несомнѣнно, что ремесленники, производившіе конечные процессы труда, именно красильщики, захватили въ свои руки сбытъ шерстяныхъ, полушерстяныхъ и полотняныхъ издѣлій и превратили другихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ въ зависимыхъ отъ нихъ наемныхъ рабочихъ. Въ Констанцѣ уже въ XV вѣкѣ одинъ красильщикъ (Ulrich im Holtz) пытался стать скупщикомъ-предпринимателемъ. Онъ покупалъ и заказывалъ въ Констанцѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, самъ и чрезъ посредниковъ, пряжу оптомъ и по частямъ, затѣмъ раздавалъ ее въ различныхъ мѣстностяхъ для выдѣлки тканей. Произведенное полотно онъ уже самъ красилъ, отдѣлывалъ и доставлялъ на рынокъ. По требованію ткацкаго цеха ему было запрещено въ 1423 году покупать и заказывать пряжу въ Констанцѣ и его окрестностяхъ на разстояніи двухъ миль отъ города. Однако, пріобрѣтенную въ другихъ мѣстахъ пряжу онъ попрежнему могъ раздавать ткачамъ для обработки ея согласно его указаніямъ. Въ 1435 году онъ обанкротился и бѣжалъ изъ Констанца (Gothein, „Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes“).

То, что не удалось въ Констанцѣ, могло быть гораздо легче достигнуто въ Пфорцгеймѣ. Здѣсь превращеніе отдѣлывателя шерстяныхъ матерій въ скупщика-капиталиста было лишь вопросомъ времени. Окрашиваніе издѣлій имѣло здѣсь большое значеніе, и сбытъ ихъ на рынкѣ зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ внѣшняго вида. Искусный красильщикъ становился мало-по-малу руководителемъ въ процессѣ производства. Онъ закупалъ тонкую шерсть, отдавалъ ее ткачамъ для обработки, себѣ же оставлялъ окраску матерій.

Въ XVII вѣкѣ первенствующую роль въ области производства гладкихъ неворсованныхъ шерстяныхъ матерій занималъ вюртембергскій городъ Кальвъ съ его окрестностями. „Образовавшійся здѣсь классъ скупщиковъ — говоритъ Трельтшъ („Die Calwer Zeughandlungskompagnie“) — состоялъ изъ различныхъ элементовъ, но очень скоро среди нихъ стала выдѣляться одна категорія скупщиковъ — красильщики. Не только коммерческія способности, но и техника выдѣлки матерій имѣла большое значеніе для заграничнаго экспорта. Наиболѣе важную роль играли тѣ скупщики, которые знали секретъ новыхъ способовъ окраски тканей. Капиталисты старались усвоить себѣ эту технику, и это удалось имъ тѣмъ легче, что красильное производство еще нигдѣ почти не было организовано въ цехи. „Мы находимъ здѣсь — продолжаетъ онъ—тотъ же процессъ развитія, что и въ Золингенѣ, гдѣ мастера, производившіе холодное оружіе и ножи, очутились въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, которыя отдѣлывали товаръ, соединяли отдѣльныя части его вмѣстѣ и получали продуктъ, годный для сбыта“. И впослѣдствіи скупщики, превратившіеся сначала въ красильный цехъ, а затѣмъ въ торговую компанію, попрежнему продолжали производить окраску сукна; такъ что въ Кальвѣ (какъ и въ шелочномъ производствѣ Швабаха) они еще надолго остались и мастерами, хотя характеръ ихъ организаціи былъ уже чисто-коммерческій, и рабочіе находились въ полной зависимости отъ компаніи скупщиковъ и самымъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ эксплуатировались ею.

Въ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ отрасляхъ промышленности классъ скупщиковъ образовался преимущественно изъ прежнихъ (цеховыхъ) ремесленниковъ; купцы присоединились къ нимъ, повидимому, лишь впослѣдствіи, когда ремесло уже успѣло превратиться въ кустарную промышленность, и лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы имъ удалось проникнуть въ среду скупщиковъ, а въ иныхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ ниже, они и вовсе не добились этой цѣли или, по крайней мѣрѣ, не долго удержались въ разъ завоеванной позиціи. Но рядомъ съ этими промыслами мы находимъ и другія отрасли промышленности, гдѣ сбытъ всегда находился въ рукахъ купцовъ. Здѣсь большею частью купцы, торговавшіе сырьемъ, занимались и сбытомъ фабрикатовъ. Такой характеръ имѣли шелковая промышленность и связанныя съ нею производства: золотошвейное, ленточное, позументное, бархатное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ промыселъ былъ организованъ въ цехи, онъ все-таки, повидимому, съ самаго начала имѣлъ форму кустарной промышленности. Это вызывалось, съ одной сто-

роны, дороговизной сырыхъ матеріаловъ, а съ другой — тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстный рынокъ имѣлъ мало значенія, производство предназначалось для экспорта, ибо издѣлія этихъ отраслей производства служили потребностямъ однихъ только высшихъ классовъ, производились преимущественно для придворныхъ круговъ. Оба эти момента приводили къ тому, что производитель не могъ самостоятельно вести дѣла, а находился всегда въ зависимости отъ купца, который снабжалъ его сырьемъ и скупалъ у него изготовленные продукты. „Въ шелковой промышленности — говоритъ Гинце—купецъ игралъ съ самаго начала главную роль въ предпріятіи. Правда, съ XIII до XVIII вѣка производство имѣло цеховую организацію, но количество самостоятельныхъ мастеровъ, производившихъ на собственный счетъ, было всегда не велико, и они повсюду отступали на второй планъ. Вездѣ мы находимъ скупщиковъ-предпринимателей, съ одной стороны, и мастеровъ-рабочихъ, съ другой; они либо составляютъ отдѣльныя корпораціи, либо соединяются вмѣстѣ въ болѣе или менѣе тѣсную организацію. Одни доставляютъ дорого стоющій матеріалъ, собственниками котораго они обыкновенно и остаются, другіе занимаются выдѣлкой фабрикатовъ изъ этого матеріала, большею частью за поштучную плату“.

Любопытно, что еще до XIII вѣка, именно въ концѣ IX вѣка, мы находимъ въ Константинополѣ корпорацію купцовъ, торгующихъ шелковыми матеріями, и корпорацію мастеровъ, производящихъ эти матеріи (вестіопраты и серикары), причемъ запрещается одновременно заниматься и промысломъ, и торговлей. Съ появленіемъ шелковой промышленности въ Европѣ, именно въ итальянскихъ городахъ въ XIII—XIV ст.—въ Луккѣ, Генуѣ, Миланѣ, Венеціи, Флоренціи, Болоньѣ, она повсюду съ самаго начала, повидимому, производилась кустарнымъ способомъ. Въ Луккѣ уже въ XIII вѣкѣ мастера обрабатывали для купцовъ доставляемый послѣдними матеріалъ. Въ Генуѣ въ 1432 году образовался цехъ торговцевъ шелковыми тканями, которые отдѣлились отъ купеческой гильдіи: мастера раздѣлились на три цеха—прядильщиковъ, ткачей, и красильщиковъ; всѣ они работали на купцовъ, которымъ принадлежалъ матеріалъ.

Въ теченіе всего средневѣковья итальянскіе города пользовались монополіей въ области производства шелковыхъ тканей, они распространяли свои издѣлія по всѣмъ странамъ и извлекали изъ этого большую прибыль. Въ XVI вѣкѣ у нихъ появился конкурентъ въ лицѣ Антверпена, а затѣмъ еще болѣе опасные соперники

въ лицѣ Базеля и Цюриха, куда шелковая промышленность была занесена гугенотами, переселившимися изъ Голландіи, и итальянцами. Господствующей системой производства и здѣсь является кустарная. Изъ анкеты, произведенной въ Базелѣ въ 1599 году, мы можемъ усмотрѣть, въ какомъ положеніи находились въ эту эпоху шелковая промышленность и связанныя съ ней отрасли производства. Изъ этой анкеты видно, что мастеровъ, производящихъ шелковыя и позументныя издѣлія и самостоятельно сбывающихъ ихъ на рынкѣ, почти не существуетъ. Мы находимъ либо капиталистовъ-предпринимателей, на которыхъ работаютъ другія лица у себя на дому, либо мастеровъ, которые находятся въ зависимости отъ этихъ скупщиковъ. Къ кустарямъ относятся переселившіеся въ Базель иностранцы-рабочіе въ числѣ 21 человѣка съ ихъ помощниками, изъ коихъ почти всѣ производятъ по заказу предпринимателя, а также мѣстные жители и другія лица. Среди 43 мастеровъ и 143 человѣкъ вообще, работающихъ въ шелковой промышленности, оказывается всего 10—12 ремесленниковъ, которые не работаютъ на другихъ лицъ и сами не заказываютъ никому товаровъ. Скупщики преимущественно занимаются коммерческими операціями, являясь либо розничными торговцами, либо посредниками между послѣними и мастерами. Въ Цюрихѣ итальянцу Занино было разрѣшено производить бархатъ на 7 станкахъ; другимъ же итальянцамъ, переселившимся туда, дозволялось работать лишь на двухъ станкахъ. „Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, однако,—говорится въ постановленіи цюрихскаго магистрата 1568 года—производство бархата должно оставаться свободнымъ промысломъ, такъ что каждому, полноправный ли онъ или неполноправный гражданинъ города, мѣстный ли житель или иностранецъ, предоставляется скупать издѣлія у мастеровъ и заказывать имъ выдѣлку бархата“.

Съ начала XVII вѣка главнымъ центромъ шелковой, золотошвейной, бархатной промышленности становится Ліонъ. При сравнительно гораздо большемъ потребленіи шелка и бархата въ XVII и XVIII ст., чѣмъ въ настоящее время *), экспортъ въ другія страны долженъ былъ играть крайне важную роль въ ліонской промышленности. Поэтому рядомъ со скупщиками, пріобрѣтавшими издѣлія мастеровъ, работавшихъ на дому, существовали и крупныя комиссіонныя фирмы, которыя закупали у скупщиковъ товаръ оптомъ и распространяли его по всей Европѣ. Эти комиссіонныя операціи производились, какъ и слѣдовало ожидать, съ самаго на-

*) Т.-е. имѣя въ виду значительно меньшее потребленіе другихъ издѣлій промышленности въ тѣ времена.

чала купцами. Непосредственные же заказы мастерамъ и пріобрѣтеніе у нихъ матерій исходило отъ скупщиковъ, которые вплоть до XVII вѣка состояли, главнымъ образомъ, повидимому, изъ лицъ, вышедшихъ изъ среды мастеровъ и попрежнему входившихъ въ составъ цеха. Лишь впослѣдствіи, когда и купцы были допущены въ цехъ мастеровъ, они захватили шелковую промышленность въ свои руки.

Съ конца XVII вѣка и въ другихъ странахъ дѣлались попытки основать шелковую промышленность, которыя, однако, далеко не повсюду увѣнчались успѣхомъ. Въ Нидерландахъ шелковая промышленность, перенесенная туда гугенотами, принимала, повидимому, преимущественно форму централизованныхъ мануфактуръ. Но въ Пруссіи преобладало производство на дому. Въ Крефельдѣ шелковая промышленность была основана въ 1668 году переселившимся туда голландскимъ меноннитомъ фонъ-деръ-Лейеномъ; послѣдній былъ купцомъ и торговалъ полотномъ, нюрнбергскими товарами, а также шелкомъ-сырцомъ, который онъ отдавалъ въ окраску въ Кельнѣ. Впослѣдствіи онъ сталъ раздавать въ Крефельдѣ шелкъ, а также отдавать въ наймы ткацкіе станки для выдѣлки шелковыхъ тканей. Въ Берлинѣ скупщики вышли изъ среды розничныхъ торговцевъ; послѣдніе поставляли шелкъ и стояли во главѣ всего производства. Самостоятельныхъ мастеровъ почти не существовало; почти всѣ они были наемными рабочими скупщиковъ, причемъ имѣли цеховую организацію.

Вообще, какъ видно изъ всего изложеннаго, цеховая организація сохранилась и въ XVI—XVIII ст., сохранилось дѣленіе на мастеровъ и подмастерьевъ. Не только тамъ, гдѣ цехи существовали въ средніе вѣка, они не были уничтожены, но были введены и въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя зарождались вновь, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ раньше не существовало. Стѣсненія доступа въ цехъ еще болѣе усилились—вступительные взносы еще болѣе возросли, пробная работа усложнилась, число замкнутыхъ цеховъ увеличилось. Но сохранилась лишь форма, содержаніе же измѣнилось кореннымъ образомъ. Цехъ состоялъ уже не изъ самостоятельныхъ мастеровъ-ремесленниковъ, а либо изъ мастеровъ-рабочихъ и мастеровъ-предпринимателей, либо только изъ первыхъ, тогда какъ вторые составляли особый цехъ, торговую компанію или иную корпорацію или, наконецъ, вовсе не имѣли корпоративнаго устройства. Конечно, мясники и булочники, сапожники и скорняки, плотники и каменщики, т.-е. всѣ тѣ промыслы, которые работали попрежнему для ограниченнаго мѣстнаго рынка, оставались попреж-

нему ремесленниками. Но зато важнѣйшія отрасли промышленности—обработка волокнистыхъ веществъ и металловъ, приняли кустарную форму производства; другіе менѣе важные промыслы имѣли смѣшанный характеръ, въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ они производились, и отъ степени развитія раздѣленія труда *).

Такимъ образомъ, ремесло перестало быть господствующей формой производства. Если неправильно мнѣніе, высказываемое иногда въ послѣднее время, что кустарная промышленность была значительно развита уже въ средніе вѣка, то еще менѣе можно согласиться съ болѣе старой теоріей, которая не проводитъ различія между ремесломъ и кустарной промышленностью, и, придавая главное значеніе цеховой организаціи, называетъ и мастеровъ XVII—XVIII ст. ремесленниками (petite industrie). Чѣмъ основательнѣе и глубже изучается исторія промышленности въ различныхъ мѣстностяхъ и странахъ, тѣмъ болѣе выясняется несостоятельность этого взгляда. „Хотя въ составъ цеховъ входили лишь привилегированные мастера—говоритъ Левассеръ по поводу французской промышленности XVIII вѣка,—но многіе изъ нихъ находились въ такомъ положеніи, которое нисколько не отличалось отъ соціальнаго положенія рабочаго-кустаря". Жерменъ Мартенъ указываетъ на широкое распространеніе мелкихъ мастеровъ (въ особенности въ селахъ), работающихъ на скупщиковъ, во Франціи времени Людовика XIV и Людовика XV, преимущественно въ области суконной, льняной, шелковой промышленности и въ кружевномъ промыслѣ. Hauser утверждаетъ это и по отношенію къ французской промышленности XVI вѣка. „Во всѣхъ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ,—говоритъ онъ—когда существовало два рода корпорацій, организація скупщиковъ и одинъ или нѣсколько цеховъ рабочихъ, заключались коллективные договоры между предпринимателями, съ одной стороны, и рабочими, съ другой". „Въ XV и XVI вѣкахъ, а еще болѣе въ XVIII вѣкѣ — читаемъ у Лампрехта въ его „Исторіи Германіи"—купцы большихъ городовъ вызываютъ къ жизни новыя отрасли кустарной промышленности, пользуясь тѣми зачатками, которые существовали въ селахъ уже въ предыдущія столѣтія среднихъ вѣковъ". Шерстяная промышленность въ Нидерландахъ и въ Англіи представляла собою въ XVI—XVII ст. развитую форму кустарнаго производства; такой

*) Въ Шварцвальдѣ, напр., производство издѣлій изъ камня (гранита агата, кристалла) и изъ стекла имѣло—первое уже въ XVI, второе въ XVIII ст.—характеръ кустарной промышленности, причемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ классъ скупщиковъ образовался изъ мастеровъ, производившихъ окончательную отдѣлку издѣлій (гравировальщиковъ).

же характеръ имѣла въ Англіи шелковая и льняная промышленность, производство шапокъ, чулочный промыселъ и производство металлическихъ издѣлій въ XVII—XVIII ст. (замочный, слесарный, ножевой и гвоздарный промыселъ), отчасти также кожевенный промыселъ*) (Гельдъ, „Возникновеніе крупной промышленности въ Англіи“).

Послѣ всего изложеннаго въ этой главѣ мы въ правѣ утверждать, что въ XVI—XVII ст. и уже, во всякомъ случаѣ, въ XVII—XVIII ст. не ремесло, а кустарная промышленность составляла господствующую форму производства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Составъ рабочихъ въ области домашней промышленности.

Съ возникновеніемъ кустарной промышленности рабочій классъ значительно расширился. Въ средневѣковомъ ремеслѣ классъ несамостоятельныхъ рабочихъ состоялъ почти исключительно изъ цеховыхъ подмастерьевъ. Въ XVI—XVII ст. и прежніе самостоятельные мастера заняли такое же зависимое положеніе, какъ подмастерья: они всѣ вмѣстѣ работали на скупщика. Что же касается прежнихъ несамостоятельныхъ рабочихъ—цеховыхъ подмастерьевъ и учениковъ, то съ возрастаніемъ населенія количество ихъ увеличилось. Парижскіе мастера имѣли въ концѣ XVI вѣка по 6 подмастерьевъ и болѣе, другіе старались брать поменьше подмастерьевъ, замѣняя послѣднихъ учениками, которыхъ работало въ мастерской 6—8, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже 16 человѣкъ. Въ Труа въ XVIII вѣкѣ на мастера въ текстильной промышленности приходилось въ среднемъ 7—8 подмастерьевъ, считая въ томъ числѣ прядильщицъ и чесальщицъ. Статутомъ брюссельскихъ портныхъ максимальное количество подмастерьевъ, которое въ правѣ держать мастеръ, опредѣлено въ 10 человѣкъ, для сапожниковъ

*) Въ Швейцаріи—какъ указываетъ Шулеръ—не только въ крупныхъ отрасляхъ промышленности въ родѣ цюрихской шелковой индустріи или сантъ-галленскаго льняного промысла, но и въ болѣе мелкихъ производствахъ, какъ, напр., въ гларнскомъ промыслѣ аспидныхъ досокъ, грифелей и другихъ издѣлій изъ шифера, весьма рано совершился переходъ отъ ремесла къ кустарной промышленности; уже въ половинѣ XVII вѣка существовали особые предприниматели, экспортировавшіе сотни ящиковъ съ издѣліями изъ шифера въ Голландію и Англію.

статутомъ 1671 г.—въ 9 человѣкъ (въ томъ числѣ одинъ ученикъ), тогда какъ въ дѣйствительности число ихъ достигало двадцати. Въ Голландіи въ XVII ст. количество подмастерьевъ доходило до 6—8 человѣкъ. Столь же значительно было число подмастерьевъ и учениковъ въ Базелѣ, причемъ, бо́льшая часть состояла изъ учениковъ. Въ англійской шерстяной промышленности мастеръ имѣлъ отъ 2 до 7 подмастерьевъ.

Развивавшаяся съ XV вѣка кустарная промышленность нуждалась, однако, въ болѣе значительномъ количествѣ рабочихъ, чѣмъ то, которое входило въ составъ цеховъ. Хотя съ расширеніемъ рынка цехи потеряли свою монополію при сбытѣ товаровъ, хотя цеховые ремесленники и превратились въ зависимыхъ отъ скупщиковъ мастеровъ, но до тѣхъ поръ, пока все рабочее населеніе состояло изъ ограниченнаго количества лицъ, входившихъ въ составъ цеха, зависимость эта не могла быть значительна, ибо конкуренція среди рабочихъ была доведена до минимума. Лишь съ тѣхъ поръ, какъ въ XV—XVII ст. стали появляться новые элементы, работающіе по заказу скупщика, но не принадлежащіе къ цеху, цеховая организація потеряла свою силу, скупщики же пріобрѣли значительное количество новыхъ рабочихъ, давшее имъ возможность не только расширить производство, но и создать сильную конкуренцію среди рабочаго населенія и лишить цехи ихъ прежняго значенія.

Такимъ новымъ элементомъ явились прежде всего городскіе привилегированные мастера (Freimeister, Hoffbefreite, ouvriers suivant la cour, maîtres des lettres), число которыхъ и въ Пруссіи, и въ Австріи, и во Франціи достигаетъ уже въ XVI, а еще болѣе въ XVII вѣкѣ значительныхъ размѣровъ. Какъ указываетъ д'Авенель, во Франціи „исключенія“ по своей численности превышали „общее правило“, а въ Вѣнѣ въ 1734 г. изъ 7809 мастеровъ всего 2640 или третья часть были цеховыми *). Для

*) Въ Любекѣ первые нецеховые мастера встрѣчаются въ 1519 году, и съ теченіемъ времени число ихъ увеличивается. Въ Бременѣ первый сапожникъ, стоящій внѣ сапожнаго цеха, допущенъ городскимъ совѣтомъ въ 1600 году. Курфюрстъ Августъ Саксонскій въ 1576 г. заставляетъ цехъ изготовляющій полотно, согласиться на то, чтобы одинъ мастеръ, не входящій въ составъ цеха, также занимался этимъ ремесломъ. Въ Штеттинѣ городской совѣтъ съ половины XVI вѣка разрѣшаетъ мясникамъ и пекарямъ заниматься своимъ промысломъ въ качествѣ Freimeisterовъ, и еще шире пользуется этимъ правомъ герцогъ, который съ начала XVI вѣка допускаетъ нецеховыхъ мастеровъ ко всевозможнымъ промысламъ и притомъ въ возрастающемъ количествѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были прежними слугами герцога, но бо́льшая часть состояла изъ мастеровъ или подмастерьевъ, переселившихся изъ другихъ нѣмецкихъ городовъ и не принятыхъ въ цехи. Одни изъ нихъ пріобрѣтали привилегіи заниматься производствомъ товаровъ ножиненно, другіе даже съ правомъ передачи по наслѣдству сыну или зятю, на-

развитія кустарной промышленности имѣютъ, впрочемъ, значеніе не столько эти мѣстные жители, пріобрѣтшіе привилегіи на занятіе промысломъ, сколько иностранцы, переселяющіеся въ XVII—XVIII ст.

конецъ, третьи лишь на опредѣленное количество лѣтъ. При этомъ, однако, помогать имъ въ производствѣ могли только жена и дѣти, нерѣдко для нихъ былъ установленъ и особый максимумъ производства. Въ началѣ XVII вѣка мастера, получившіе отъ герцога привилегію на производство, называются придворными мастерами, придворными шорниками, стекольщиками, портными они живутъ на тѣхъ улицахъ и частяхъ города, которыя подлежатъ суду герцога. Несмотря на то, что привилегированные мастера допускаются лишь съ начала XVI вѣка, уже въ 1548 году изъ нихъ образуется особый цехъ мясниковъ (Schlächter und Garbrater), а въ 1615 году привилегированные пекари (въ числѣ 13 мастеровъ и одной вдовы) организуются въ самостоятельный цехъ.

Во Франціи мы встрѣчаемъ ихъ прежде всего въ видѣ мастеровъ, купившихъ привилегію короля (lettre de maîtrise). Начиная со второй половины XV вѣка, короли по поводу особо торжественныхъ случаевъ, какъ, напр., восшествія на престолъ, рожденія наслѣдника и т. п., выдаютъ за извѣстную плату патенты на занятіе тѣмъ или другимъ промысломъ, причемъ лицо, пріобрѣтшее такой патентъ, освобождается отъ вступительнаго взноса, пробной работы и т. д. Появившись первоначально въ небольшомъ количествѣ, число патентовъ съ теченіемъ времени возрастаетъ все болѣе и болѣе. Они выпускаются при всякомъ удобномъ случаѣ, и всѣ принцы и принцессы получаютъ право выдавать ихъ при своемъ вступленіи въ бракъ, при рожденіи ихъ дѣтей, при пріобрѣтеніи ими какого-либо новаго титула. Въ XVI вѣкѣ опредѣляется по одному привилегированному мастеру при каждомъ ремеслѣ и въ каждомъ городѣ, позднѣе по два, а при Людовикѣ XV выпускается даже по 8 патентовъ. Съ теченіемъ времени количество патентовъ до того увеличилось, что короли вынуждены были запретить цехамъ принимать въ свой составъ мастеровъ, пока патенты не раскуплены, а при выпускѣ новыхъ патентовъ приходилось уничтожать не разошедшіеся старые. Изъ этого можно убѣдиться насколько значительна была конкуренція, причиняемая цехамъ этимъ путемъ. Цехи всячески протестовали противъ нея, преслѣдовали привилегированныхъ мастеровъ и старались посредствомъ вымогательства денегъ сократить ихъ число; когда же все это не помогало, они сами скупали всѣ патенты. Въ 1657 г. выпускъ патентовъ былъ временно прекращенъ, и всѣ прежніе патенты были уничтожены съ тѣмъ, чтобы каждый цехъ уплатилъ значительную сумму. Но въ виду того, что многіе изъ нихъ отказались, патенты спустя три года были вновь возстановлены и снова выпускались, когда являлся удобный для этого поводъ. Эти королевскіе мастера просуществовали вплоть до уничтоженія цеховъ.

Не меньшую конкуренцію цехамъ составляли придворные мастера (ouvriers suivant la cour), среди которыхъ лишь нѣкоторые дѣйствительно работали на короля и его семейство, большинство же являлось привилегированными мастерами, которые за уплату извѣстной суммы производили продукты для рынка, не будучи подчинены цеху. Людовикъ XI имѣлъ трехъ мастеровъ каждаго промысла, королева и дѣти короля также имѣли каждый своихъ придворныхъ мастеровъ. При Людовикѣ XII ихъ было 93 человѣка, при Франциске II—60, Генрихѣ IV въ 1606 г. удвоилъ ихъ число, Людовикъ XIII прибавилъ еще 40 и Людовикъ XIV также 40; въ 1712 г. ихъ насчитывалось 377 человѣкъ. Наконецъ, въ Парижѣ существовали такъ называемыя privilégiés, гдѣ проживали мастера, не входившіе въ составъ цеховъ и не подлежавшіе цеховому надзору, но, тѣмъ не менѣе, пользовавшіеся правомъ не только производить товары, но даже принимать къ себѣ учениковъ, которые затѣмъ безпрепятственно становились мастерами.

Въ Вѣнѣ находимъ слѣдующія категоріи привелигированныхъ мастеровъ: Hofbefreite, kaiserliche Livreebediente, Universitätshandwerker, Dekreusten, «Unter der Tag- und Nachtwache stehend», «Arsenalisten», «Piquenirer». Все это были самостоятельные ремесленники.

изъ различныхъ странъ и также получающіе привилегіи, которыя даютъ имъ право продолжать тѣ мастерства, которыми они занимались на родинѣ. Въ то время, какъ первые были большею частью самостоятельными ремесленниками *), французы (гугеноты), нидерландцы, итальянцы, переселяющіеся въ Пруссію, Австрію, Швейцарію, Англію и другія страны, становились либо скупщиками-предпринимателями и фабрикантами, либо фабричными рабочими и кустарями. Число кустарей среди нихъ было очень значительно. Какъ мы видѣли выше, въ базельской шелковой промышленности рабочіе-кустари состояли преимущественно изъ гугенотовъ и итальянцевъ, и такой же контингентъ рабочихъ имѣли и другія отрасли базельской кустарной промышленности. Въ Пруссіи гугеноты, какъ извѣстно, создали совершенно новую промышленность, отчасти въ формѣ централизованныхъ мануфактуръ, отчасти въ видѣ кустарнаго производства. Въ производствѣ шерстяныхъ матерій, въ чулочномъ и перчаточномъ промыслахъ, гдѣ кустарная промышленность была особенно широко распространена, рабочими-кустарями являлись переселенцы изъ Франціи, Пфальца и другихъ мѣстностей. Въ Австріи мы находимъ итальянцевъ и голландцевъ, работающихъ какъ на мануфактурахъ, такъ и въ кустарной промышленности, во французской чулочной, кружевной, зеркальной, суконной, шелковой промышленности—нидерландскихъ и итальянскихъ рабочихъ. Наконецъ, развитіе англійской шерстяной промышленности находится въ тѣсной связи съ многократными переселеніями мастеровъ-скупщиковъ изъ Фландріи и Брабанта (см. Кулишеръ, „Исторія экономическаго быта“, стр. 259 и сл., 353 и сл.).

Къ этимъ привилегированнымъ мѣстнымъ и иностраннымъ мастерамъ присоединялись далѣе и лица, самовольно принявшіяся за производство различныхъ промышленныхъ издѣлій, не имѣя на то никакого права. И цехамъ съ теченіемъ времени все труднѣе и труднѣе становилось бороться съ нарушителями ихъ привилегій, ибо и власти и скупщики стояли на сторонѣ новыхъ нецеховыхъ мастеровъ. Въ Нюрнбергѣ еще въ первой половинѣ XVI вѣка находимъ запрещенія раздавать работу лицамъ, не принадлежащимъ къ цеху: мастеръ можетъ давать заказы только другому мастеру, входящему въ составъ цеха, но ни въ какомъ случаѣ не нецеховому. Наоборотъ, въ Страсбургѣ уже въ 1655 году было постановлено, что

*) Факты показываютъ такимъ образомъ (ср предыдущее прим.), что и въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ сохранилось ремесло, цеховымъ мастерамъ приходилось выдерживать сильную конкуренцію со стороны нецеховыхъ элементовъ.

лица, занимающіяся выдѣлкой шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ чулокъ, не должны непремѣнно быть цеховыми мастерами, а могутъ стоять и внѣ какого бы то ни было цеха. Въ саксонской хлопчатобумажной промышленности рабочіе состояли изъ нецеховыхъ мастеровъ и женщинъ и лишь впослѣдствіи въ XVIII вѣкѣ къ нимъ присоединились и цеховые рабочіе. Точно такъ же и во Франціи мы находимъ рядомъ съ привилегированными, придворными и т. п. мастерами и непривилегированныхъ нецеховыхъ мастеровъ. Количество послѣднихъ уже въ XVI вѣкѣ сильно возрастаетъ и, несмотря на всѣ жалобы цеховъ, эта конкуренція усиливается *).

Новымъ элементомъ въ кустарной промышленности являются также женщины-работницы **). „Для развитія кустарной формы производства—говоритъ Стида—имѣло немалое значеніе то обстоятельство, что женщины стали заниматься промыслами. Женщины обыкновенно не могли вступать въ члены цеха, но онѣ все-таки могли производить промышленныя издѣлія, получая работу на домъ, и, такимъ образомъ, возникъ обычай имѣть работниковъ внѣ собственной мастерской. Въ XV вѣкѣ уже въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ (въ итальянскихъ городахъ еще раньше) встрѣчаются женщины, въ особенности въ шерстяномъ, льняномъ, перчаточномъ промыслѣ, которыя берутъ на домъ работу. Вмѣстѣ съ женщинами

*) Въ печатномъ промыслѣ (во Франціи) существовали съ XVII ст рядомъ съ цеховыми рабочими (подмастерья, мастерами—maître—назывались владѣльцы типографій) и нецеховые рабочіе (alloués), причемъ постановленіемъ 1713 г. типографамъ было предоставлено нанимать сколько угодно нецеховыхъ рабочихъ, а декретъ 1724 г. даже обязалъ ихъ нанимать нецеховыхъ съ цѣлью борьбы съ чрезмѣрной требовательностью цеховыхъ рабочихъ и ради пониженія заработной платы. Дѣйствительно, количество alloués вскорѣ значительно возросло, причемъ возрастъ ихъ впослѣдствіи понизился съ 20 лѣтъ (въ среднемъ) до 13—15, и подмастерья жаловались на то, что и цеховые ученики, и эти нецеховые рабочіе создаютъ имъ сильную конкуренцію.

**) Женщины по общему правилу въ цехи не принимались ни въ средніе вѣка, ни впослѣдствіи. «Женщины не должны были заниматься ремесломъ, за исключеніемъ жены и дочери мастера», причемъ и послѣднія лишь помогали мастеру, но не занимались производствомъ самостоятельно и не являлись полноправными членами цеха. Забота цеховъ о вдовахъ и дочеряхъ цеховыхъ мастеровъ выражалась въ томъ, что лица, вступившія съ ними въ бракъ, становились мастерами или, во всякомъ случаѣ, пользовались значительными привилегіями, облегчавшими вступленіе ихъ въ цехъ (см. выше). Кромѣ того, вдова мастера могла продолжать промыселъ до тѣхъ поръ, пока подросталъ ея сынъ; на это время завѣдываніе производствомъ поручалось подмастерью, но сама она ни до того, ни позже не могла руководить изготовленіемъ товаровъ (см. объ этомъ статуты у Вермана, Бодемана, Рюдигера, Краузе и др.). Если же мы находимъ въ средніе вѣка женщинъ, занимающихся производствомъ, то это почти всегда работницы, изготовляющія предметы по заказу купца—при ихъ помощи возникаетъ кустарная форма производства. Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются и цехи, принимающіе въ свою среду женщинъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ или цехи, состоящіе исключительно изъ женщинъ (см Бюхеръ).

работали и дѣти въ кустарной промышленности, и эксплуатація женскаго и дѣтскаго труда въ кустарномъ производствѣ XVII—XVIII ст. едва ли не превышала по своимъ размѣрамъ ту эксплуатацію, которую мы находимъ въ первой половинѣ XIX вѣка, въ первую эпоху развитія фабричной промышленности. Англія, Франція, Германія, Нидерланды конкурируютъ другъ съ другомъ въ примѣненіи женскаго и дѣтскаго труда въ различныхъ отрасляхъ текстильной промышленности *).

Наконецъ, къ цеховымъ мастерамъ, иностранцамъ, женщинамъ, дѣтямъ присоединяются и солдаты (Страсбургъ, Берлинъ, Австрія), бродяги и всевозможные сомнительные элементы, которые готовы работать за какую угодно плату, лишь бы не умереть съ голоду.

Однако, наиболѣе важную роль въ кустарной промышленности играетъ не городское, а сельское населеніе, среди котораго опять-таки преобладаютъ женщины; кустарная промышленность во многихъ случаяхъ возникла въ селахъ изъ работы для домашнихъ потребностей, а оттуда уже перешла въ города. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда она впервые появилась въ городахъ, она распространяется впослѣдствіи и въ окрестныхъ селахъ; и въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ кустарная промышленность получила значительное развитіе, сельскіе жители составляли главный контингентъ рабочихъ. Льняная промышленность Констанца, Аугсбурга и Равенсбурга и хлопчатобумажная промышленность Ульма, которыя еще въ концѣ среднихъ вѣковъ приняли форму кустарнаго производства, покоились, главнымъ образомъ, на работѣ жителей окрестныхъ селъ, привозившихъ свои издѣлія въ городъ для осмотра и штемпелеванія и сбывавшихъ ихъ городскимъ купцамъ. Подобнымъ же образомъ и во Флоренціи, Венеціи, Комо въ средніе вѣка часть работы, въ особенности пряденье сукна, производилась въ селахъ.

Въ періодъ развитія кустарной промышленности, въ XVI—XVIII ст. едва ли не наиболѣе важную роль въ промышленности играло шерстяное производство въ Англіи. Та борьба, которая повсюду происходила между городскими цехами и сельскими кустарями, особенно ярко отражается въ англійскомъ законодательствѣ относительно шерстяной промышленности; шагъ за шагомъ сельская промышленность отвоевываетъ себѣ все большее и большее поле дѣятельности, и, въ концѣ концовъ, она достигаетъ равноправія съ городской промышленностью. Во второй половинѣ XV, а еще болѣе

*) См. ниже, гл. X

въ XVI вѣкѣ въ Англіи распространяется въ селахъ не только пряденье, но и ткачество шерсти, а затѣмъ и другія операціи по производству сукна, причемъ это производство является подсобнымъ промысломъ сельскихъ жителей, которымъ они занимаются рядомъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Владѣя обыкновенно коттеджомъ и клочкомъ земли, эти кустари удовлетворялись гораздо болѣе низкой платой, чѣмъ городскіе жители, и представляли собою опасныхъ конкурентовъ для послѣднихъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка появляется рядъ законовъ, которыми запрещается производство сукна въ селахъ. Однако, уже законъ 1555 года допускаетъ изготовленіе его въ селахъ со слѣдующими ограниченіями: во-первыхъ, ни одинъ сельскій ткачъ шерстяныхъ матерій не долженъ держать у себя болѣе двухъ станковъ или извлекать какую бы то ни было выгоду болѣе чѣмъ отъ двухъ станковъ; во-вторыхъ, сельскій ткачъ не можетъ держать болѣе двухъ учениковъ; въ-третьихъ, ни одинъ суконщикъ-предприниматель (clothier), живущій внѣ сити, или мѣстечка, или рыночнаго города, не можетъ имѣть въ своемъ домѣ болѣе одного станка, а равно не въ правѣ отдавать въ наемъ станки или дома, гдѣ эти станки поставлены, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, лицамъ, которыя до сихъ поръ не занимались этимъ дѣломъ, запрещается „выдѣлывать или ткать или заставлять другихъ выдѣлывать или ткать шерстяныя сукна“ внѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ сукно производилось за послѣднія десять лѣтъ. Что касается первыхъ трехъ пунктовъ, то они, хотя и ставятъ сельское ткачество въ худшее положеніе сравнительно съ городскимъ, все-таки не настолько стѣснительны, чтобы могли мѣшать его дальнѣйшему развитію. Четвертый же пунктъ лишь на первый взглядъ кажется крайне неудобнымъ для сельской промышленности; въ дѣйствительности онъ, однако, нисколько не препятствовалъ заниматься суконнымъ промысломъ въ селахъ ни тѣмъ лицамъ, которыя до сихъ поръ имъ занимались, ибо имъ разрѣшается селиться повсюду, ни тѣмъ, которыя вновь берутся за этотъ промыселъ. Для послѣднихъ установлено лишь одно ограниченіе, чтобы они не селились тамъ, гдѣ эта промышленность возникла лишь недавно, гдѣ она существуетъ менѣе десяти лѣтъ: всѣ же остальныя лица могутъ заниматься суконнымъ промысломъ и въ этихъ мѣстностяхъ. Гораздо опаснѣе для сельской кустарной промышленности былъ бы законъ, изданный два года спустя, если бы онъ былъ осуществленъ на практикѣ. Именно законъ 1557 года вовсе запрещалъ сельскую промышленность и допускалъ исключеніе лишь въ пользу тѣхъ лицъ, которыя уже ранѣе, до изданія этого закона, занимались суконнымъ промысломъ;

дальнѣйшее развитіе сельскаго ткачества становилось, такимъ образомъ, невозможнымъ. Однако, уже годъ спустя было сдѣлано исключеніе для графствъ Эссекса и Серрей, а въ 1576 году и для графствъ Сомерсета, Уильтса, Глочестера и нѣкоторыхъ другихъ, такъ что въ результатѣ занятіе суконнымъ промысломъ въ селахъ было допущено во всей южной и средней Англіи и, во всякомъ случаѣ, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ уже успѣлъ распространиться и пріобрѣсти извѣстное значеніе. Въ теченіе XVII вѣка уже не дѣлалось никакихъ попытокъ къ ограниченію сельской кустарной промышленности, а къ концу этого вѣка, въ 1694 году, былъ даже изданъ законъ, который отмѣнялъ установленныя въ XVI вѣкѣ для сельскихъ ткачей ограниченія числа учениковъ, такъ что законодательство стало даже поощрять распространеніе суконной промышленности въ селахъ.

Внѣ городовъ, въ селахъ развивались и другія отрасли англійской кустарной промышленности. Таково производство чулокъ и шапокъ, которое одновременно съ суконной промышленностью приняло форму домашней промышленности и стало развиваться въ сельскихъ округахъ. Таково и производство металлическихъ издѣлій. Въ Уестъ-Бромвичѣ, главномъ центрѣ производства металлическихъ товаровъ, рабочіе занимались земледѣліемъ въ качествѣ подспорнаго промысла. Шеффильдскіе ножевщики, жившіе въ окрестностяхъ города, имѣли свои участки земли и занимались сельскимъ хозяйствомъ.

Во Франціи лишь въ 1762 году была допущена полная свобода производства промышленныхъ издѣлій въ селахъ; разрѣшалось производство издѣлій изъ льна, конопли, шерсти, хлопка, шелка, а также выдѣлка чулокъ и шапокъ. Однако, эдиктъ 1762 г. призналъ только то, что уже ранѣе совершилось на практикѣ. Всѣ упоминаемыя въ эдиктѣ отрасли производства существовали въ селахъ уже въ началѣ XVIII вѣка; мало того, и въ XVII вѣкѣ, когда при Кольберѣ вводились централизованныя мануфактурныя заведенія, кустарная промышленность въ селахъ была явленіемъ очень распространеннымъ. Такъ, кружева и чулки производились сельскими жителями и сбывались скупщикамъ или скупщицамъ. Подобнымъ же образомъ и сельское ткачество было довольно развито, причемъ сельскіе ткачи, „составляя нѣчто среднее между крупными мануфактуристами и городскими ремесленниками, все-таки болѣе приближались по своему положенію къ послѣдней категоріи: они работали поштучно, вмѣстѣ съ семействомъ и однимъ-двумя учениками, а нерѣдко и безъ нихъ, одновременно занимаясь и сельскимъ хозяйствомъ“. Большинство изъ нихъ работало на другихъ, т.-е.

на скупщиковъ, нѣкоторые же сами являлись скупщиками, закупая издѣлія у своихъ сосѣдей, причемъ, однако, продолжали попрежнему и производство товаровъ. Точно такъ же и привилегированныя мануфактуры не только занимались изготовленіемъ товаровъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ, въ мастерскихъ, но обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ, давали заказы сельскимъ жителямъ на домъ. Количество послѣднихъ часто значительно превышало число рабочихъ, занятыхъ въ зданіи мануфактуры.

Какъ указываетъ Жерменъ Мартенъ, мелкіе мастера-кустари были (во времена Кольбера) въ сельскихъ мѣстностяхъ еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ городахъ; ихъ можно было найти даже въ наиболѣе дикихъ краяхъ Бретани и Жеводана. „Въ Лангедокѣ повсюду, гдѣ имѣется вода, жители пріобрѣтаютъ луга и разводятъ овецъ; женщины и дѣти прядутъ шерсть, которую мужчины ткутъ, а затѣмъ сбываютъ на ближайшемъ рынкѣ. Въ нижней Пикардіи ткачи одновременно съ этимъ обрабатываютъ и землю, почему производство холста продолжается не болѣе 8—9 мѣсяцевъ въ году“. Еще болѣе увеличилось количество сельскихъ кустарей въ XVIII вѣкѣ: какъ въ Англіи, такъ и здѣсь оно являлось для скупщиковъ прекраснымъ средствомъ для пониженія платы, ибо сельскіе жители довольствовались гораздо меньшой платой, чѣмъ горожане, для которыхъ промыселъ составлялъ единственный источникъ заработка. Въ окрестностяхъ города Легль насчитывалось не менѣе 25 мѣстностей, гдѣ было распространено производство булавокъ и другихъ металлическихъ издѣлій. Это были все мелкіе промышленники, владѣвшіе обыкновенно домомъ, работавшіе вмѣстѣ съ семьей и довольствовавшіеся очень незначительной поштучной платой. Въ Пуату ткачество было разбросано по всей провинціи по селамъ, деревнямъ, мѣстечкамъ, фермамъ и мызамъ. Лишь въ нѣсколькихъ городахъ существовали централизованныя мануфактуры, но и въ этихъ случаяхъ жители окрестныхъ селъ работали на городскихъ предпринимателей. Въ большинствѣ случаевъ они занимались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сельскимъ хозяйствомъ. Хлопчатобумажное производство Эльзаса также приняло форму сельской кустарной промышленности. И прядение и ткачество соединялись съ земледѣліемъ и производились въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ работъ время. При помощи посредниковъ—нѣмцевъ и швейцарцевъ—предприниматель раздавалъ матеріалъ сельскимъ жителямъ и платилъ имъ за работу поштучно. Такъ какъ прядение льна и пеньки и ранѣе производилось въ селахъ Эльзаса, то хлопчатобумажная промышленность привилась здѣсь очень скоро. Въ

концѣ XVIII вѣка — какъ установилъ В. И. Лучицкій — во Франціи мастера и купцы составляли въ Лаонне (75 селъ) 26,7 процентовъ населенія, въ Шатильонѣ въ Бургундіи (112 селъ) 23,7 проц. и въ Тулузенѣ (146 селъ) 19,4 проц. Въ Лаоне изъ 1434 мастеровъ и торговцевъ $^1/_{10}$ имѣла болѣе 30 дес. (arpents) земли, 691—отъ 1—10 дес. и 379 человѣкъ владѣли однимъ только домомъ, но земли не имѣли; это были обыкновенно очень мелкіе земледѣльцы, поскольку они занимались земледѣліемъ, и, во всякомъ случаѣ, очень мелкіе промышленники, работавшіе либо по заказу городского скупщика, либо на мѣстныхъ жителей.

И въ Пруссіи сельскіе промыслы не сразу добились признанія ихъ правительствомъ. И здѣсь, какъ и въ Англіи, въ періодъ переполненія городскихъ ремеслъ, въ XVI и особенно въ XVII ст. городскіе ремесленники стали въ большомъ количествѣ уходить въ деревню; но государство придерживалось прежняго принципа, на основаніи котораго въ округѣ города на разстояніи нѣсколькихъ миль не дозволялось селиться ремесленникамъ. Впрочемъ, нѣкоторые ремесленники и въ ограниченномъ числѣ могли и здѣсь селиться, и, кромѣ того, исключенія допускались въ пользу тѣхъ ремесленниковъ, которые жили тамъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: въ 1550 году признается право портныхъ, плотниковъ, колесниковъ и ткачей жить по селамъ, „гдѣ такъ повелось издавна“. Послѣднее было подтверждено Фридрихомъ-Вильгельмомъ, причемъ, однако, было запрещено на будущее время увеличивать установленное число ткачей, кузнецовъ и портныхъ по селамъ. Сельскіе жители могли ткать только холстъ и полушерстяную одноцвѣтную матерію невысокаго качества; вслѣдствіе жалобъ городскихъ цеховъ, и это право старались всячески ограничить. И статутъ 1718 года еще сильно стѣснялъ развитіе кустарной промышленности въ селахъ, допуская лишь извѣстное количество мастеровъ въ каждомъ селѣ. „Но на практикѣ оказалось,—говоритъ Молчановскій („Цеховая система въ Пруссіи въ XVIII в.“)—что воспрещеніе ткачамъ и прядильщикамъ жить по селамъ вредитъ самимъ городскимъ мануфактурамъ, для которыхъ недостаетъ пряжи, почему уже въ 1729 году рѣшено было допустить въ селахъ неограниченное число этихъ ремесленниковъ (кустарей), исключая, впрочемъ, тѣхъ, которые раньше жили въ городахъ, такъ какъ переселеніе изъ города въ село ни въ какомъ случаѣ не допускалось“. А въ 1787 году къ этому было прибавлено, что всѣ ремесленники, поселившіеся въ селахъ до этого времени, хотя и противозаконно, могутъ пожизненно продолжать свою профессію.

Такимъ образомъ, прусское правительство вынуждено было при-

мириться съ развивающейся въ селахъ промышленностью и не въ состояніи было провести свои запреты со всей строгостью. Въ концѣ XVIII вѣка въ Помераніи и Бранденбургѣ сельское ткачество льняныхъ издѣлій было столь же распространено, какъ и городское; въ Магдебургѣ число сельскихъ ткачей было втрое больше числа городскихъ, а въ Минденѣ-Равенсбургѣ оно было даже въ шесть разъ больше. Однако, и ранѣе, уже съ конца XVII вѣка правительство вынуждено было дѣлать послабленія иностраннымъ предпринимателямъ, на которыхъ и здѣсь, какъ и во Франціи, въ большомъ количествѣ работали сельскіе жители. Но особенно рѣзко нарушался господствующій принципъ въ Силезіи; льняная промышленность Силезіи, которая въ XVII — XVIII ст. имѣла большое значеніе, сбывая свои произведенія во всѣ европейскія страны, возникла въ селахъ, разбросанныхъ среди Исполинскихъ горъ, и развивалась исключительно въ сельскихъ мѣстностяхъ. Въ городахъ жили только скупщики, и сюда сельскіе ткачи привозили свои издѣлія. Во многихъ случаяхъ выдѣлка полотна являлась лишь побочнымъ занятіемъ, которымъ жители занимались только въ зимнее время; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли было мало, крестьяне занимались ткацкимъ промысломъ въ теченіе всего года.

Лампрехтъ въ своей „Исторіи Германіи“ указываетъ на то, что въ Германіи вообще кустарная промышленность распространялась преимущественно въ мало-плодородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ заработная плата была низка, и гдѣ сельское населеніе имѣло въ теченіе продолжительной зимы много свободнаго отъ сельскохозяйственныхъ занятій времени. Здѣсь-то скупщики старались вызвать къ жизни промыслы, для которыхъ достаточно было этого свободнаго времени, и которые все-таки доставляли бы скупщикамъ большую прибыль. Вслѣдствіе этого Силезскія (Исполинскія) горы, Рудныя горы, Франкенвальдъ, Тюрингервальдъ, Вестфальскія горы съ ихъ неплодородными возвышенностями и суровымъ климатомъ стали центрами новой кустарной промышленности. Какъ и въ Шварцвальдѣ, во франконской и швабской Юрѣ, такъ и въ этихъ мѣстностяхъ возникъ вязальный, ткацкій и кружевный промыслы, производство издѣлій изъ дерева, металла и камня, и эти отрасли промышленности и до сихъ поръ являются характерными для этихъ мѣстностей.

Если мы обратимся къ центрамъ баденской, вюртембергской и саксонской текстильной промышленности — Пфорцгейму, Кальву и Фогтланду, то увидимъ, что и здѣсь основнымъ элементомъ рабочаго населенія были сельскіе жители. Развитіе пфорцгеймской промышленности начинается съ XVI вѣка, со времени возникновенія ку-

старной формы производства, съ тѣхъ поръ, какъ нфорцгеймскіе жители стали давать заказы ткачамъ окружныхъ селъ и сбывать ихъ издѣлія въ другіе города и страны (Gothein). Подобный же характеръ имѣла съ самаго начала текстильная промышленность Кальва. Кустари, выдѣлывавшіе ткани для компаніи, были разбросаны на сравнительно значительномъ пространствѣ по небольшимъ городамъ и селамъ. Почти третья часть ихъ состояла изъ сельскихъ жителей. Въ XVII вѣкѣ половина кустарей владѣла земельными участками, въ городахъ—около 30 проц., въ селахъ—свыше 80 проц.; въ XVIII вѣкѣ земельные участки имѣло 72 проц. кустарей. Эти участки были, большею частью, незначительны, хотя въ селахъ они были болѣе крупны, чѣмъ въ городахъ, и сельскіе кустари находились, благодаря этому, въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ городскіе. Въ саксонскомъ Фогтландѣ пряденье хлопка всегда производилось въ селахъ, и въ 1715 году оно было формально разрѣшено подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пряжа доставлялась въ гор. Плауенъ и сбывалась мѣстнымъ купцамъ. Этотъ же статутъ запрещалъ, однако, сельское ткачество. Но въ дѣйствительности и ткачество производилось въ селахъ, такъ что въ 1764 году правительство вынуждено было объявить и этотъ промыселъ свободнымъ: всѣмъ и каждому, мужчинамъ и женщинамъ, горожанамъ и крестьянамъ, членамъ цеха и нецеховымъ мастерамъ, разрѣшалось заниматься этимъ промысломъ. Фогтландъ, т.-е. часть Саксоніи, прилежащая къ Богеміи, Баваріи и Тюрингіи, стала въ XV—XVI ст. промышленной страной; мѣстности, гдѣ жители занимались исключительно земледѣліемъ, встрѣчались крайне рѣдко; села носили такой же промышленный характеръ, какъ и города, разница между ними сглаживалась все болѣе и болѣе (Bein).

И въ Швейцаріи вся текстильная промышленность имѣла сельскій характеръ. Въ кантонахъ Цюрихѣ, Аппенцелѣ, Санктъ-Галленѣ, Граубюнденѣ, Тургау — повсюду была распространена въ селахъ текстильная промышленность. Издѣлія сбывались въ немногихъ городахъ—въ Цюрихѣ, Альтштетенѣ, Лихтенштейнѣ, въ особенности же въ Санктъ-Галленѣ, котóрый являлся главнымъ рынкомъ сначала для полотна, а впослѣдствіи для бумажныхъ матерій. Хлопчатобумажныя издѣлія производились первоначально въ самомъ городѣ, но затѣмъ городская промышленность стала вытѣсняться сельской: кантоны Санктъ-Галленъ и Аппенцель выдѣлывали пряжу, къ которой впослѣдствіи присоединился и ткацкій промыселъ; все это сбывалось въ г. Санктъ-Галленѣ. Въ XVII же вѣкѣ была занесена итальянцами въ Санктъ-Галленъ и шелковая промышленность;

она вскорѣ распространилась среди сельскаго населенія кантона, а оттуда перешла и къ Фирвальдштедтскому озеру (Wartmann). Базельская шелковая, бархатная и позументная промышленность была также занесена гугенотами и итальянцами, и, какъ мы видѣли выше, большая часть ткачей состояла изъ иностранцевъ. Уже это вызвало сильную конкуренцію для мѣстныхъ мастеровъ; послѣдняя еще усилилась, когда новая промышленность, стѣсняемая въ городѣ цеховыми статутами, опредѣлявшими максимумъ производства для каждаго скупщика, стала распространяться въ селахъ. „Всячески стѣсняемая цехами—говоритъ Геерингъ („Basels Handel und Industrie“)—городская промышленность все болѣе и болѣе выселялась въ сельскій полукантонъ (Landschaft Basel), гдѣ было меньше надзора со стороны цеховъ, гдѣ и жизнь была дешевле, ибо сельское хозяйство также доставляло извѣстный доходъ, потребности же были меньше, чѣмъ въ городѣ, и расходы легче могли быть сокращены“. Цехи старались устранить грозящую имъ опасность, но всѣ ихъ усилія были тщетны, сельская промышленность быстро развивалась. „Такъ какъ въ селахъ жизнь была дешевле, — продолжаетъ тотъ же Геерингъ,—то заработная плата могла стоять на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ плата городскихъ цеховыхъ рабочихъ. Это обстоятельство являлось превосходнымъ оружіемъ для скупщиковъ въ ихъ борьбѣ съ городскими цеховыми мастерами: скупщики имѣли всегда возможность понижать плату послѣднимъ, а если они на это не соглашались, то лишать ихъ вовсе работы“.

Между нашей кустарной промышленностью, съ одной стороны, и кустарной промышленностью Западной Европы, съ другой, проводятъ обыкновенно рѣзкое различіе. Утверждаютъ, что первая возникла непосредственно изъ работы для собственныхъ потребностей, возникла и развивалась въ деревняхъ, а не въ городахъ. Вторая, наоборотъ, образовалась изъ городского цехового ремесла и распространялась среди городского, а не деревенскаго населенія. Для русскаго крестьянина она составляетъ подспорный промыселъ, которымъ онъ занимается рядомъ съ земледѣліемъ, для европейскаго городскаго мастера она была всегда единственнымъ занятіемъ. Въ виду этого, кустарную промышленность Западной Европы обыкновенно называютъ у насъ домашней промышленностью, а не кустарной, ибо отличительнымъ признакомъ послѣдней является сельскій характеръ, характеръ подсобнаго промысла. Но такъ ли это? Какъ можно усмотрѣть изъ только-что приведенныхъ фактовъ, въ дѣйствительности тотъ признакъ, который выставляютъ въ качествѣ наиболѣе характернаго для Россіи, мы находимъ и въ кустарной

промышленности Запада. Нѣтъ поэтому основанія придумывать для нея особое названіе; оно способно лишь вводить въ заблужденіе, ибо домашнюю промышленность нерѣдко смѣшиваютъ съ производствомъ предметовъ на дому для надобностей собственнаго хозяйства. Подобно русской промышленности, и кустарная промышленность Англіи, Германіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи, по крайней мѣрѣ, въ эпоху своего расцвѣта, въ XV—XVIII ст., имѣла сельскій характеръ и являлась побочнымъ занятіемъ для крестьянъ; лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе было мало развито, она была главнымъ и даже исключительнымъ занятіемъ сельскихъ жителей, какъ, впрочемъ, и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Сравнительно съ деревенской промышленностью, городская отступаетъ и въ Западной Европѣ на второй планъ, лишь въ XIX вѣкѣ она заняла болѣе важное мѣсто. Однако, не только въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но и въ первоначальномъ возникновеніи кустарная промышленность Запада имѣетъ много общихъ чертъ съ нашей: какъ мы видѣли выше, зачатки ея, относящіеся еще къ средневѣковому періоду, находятся въ селахъ, а не въ городахъ; да и въ послѣдующія столѣтія, она, подобно русской кустарной промышленности, возникаетъ сначала въ селахъ, и лишь впослѣдствіи къ ней присоединяется новый незнакомый Россіи элементъ—цеховое ремесло въ городахъ, которое также принимаетъ кустарную форму производства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Кризисы и безработица.

Къ концу среднихъ вѣковъ производство успѣло значительно опередить спросъ на мѣстномъ рынкѣ, и несмотря на всѣ ограниченія размѣровъ производства, многіе ремесленники сидѣли безъ работы. Кустарная промышленность, производившая для гораздо болѣе широкаго круга потребителей, должна была прійти имъ на помощь въ этомъ бѣдственномъ положеніи, на нее возлагались большія надежды. Но они оправдались лишь отчасти: спросъ на промышленныя издѣлія сильно возросъ, потребность въ рабочихъ рукахъ значительно увеличилась. Но рабочее населеніе въ области промышленности возросло еще болѣе, увеличилось предложеніе труда и усилилась конкуренція среди рабочихъ. Вслѣдствіе такого превышенія предложенія рабочихъ рукъ надъ спросомъ на промышленныя издѣлія, образовалась зна-

чительная резервная армія рабочихъ. Кромѣ того, самое расширеніе рынка сбыта имѣло и свою дурную сторону: спросъ не былъ постояненъ, а сопровождался довольно рѣзкими колебаніями, и эти колебанія отражались на производствѣ товаровъ. Въ средніе вѣка спросъ на промышленныя издѣлія былъ слишкомъ малъ сравнительно съ производствомъ, но зато потребность мѣстнаго рынка въ нихъ была точно извѣстна, и ее не трудно было установить въ каждое данное время. Когда рынокъ сбыта расширился, когда стали производить для цѣлаго ряда различныхъ мѣстностей, когда на рынкѣ появилась сильная конкуренція, тогда стало гораздо труднѣе соразмѣрить производство со спросомъ, являлись періоды перепроизводства, за которыми слѣдовали періоды застоя. Происходившія вслѣдствіе этого потрясенія падали, однако, попрежнему почти исключительно на рабочее населеніе — на кустарей, ибо скупщики прекращали въ такихъ случаяхъ дальнѣйшее пріобрѣтеніе товаровъ. Капиталъ ихъ былъ преимущественно оборотный, такъ что, отказываясь принимать у кустарей произведенныя послѣдними издѣлія, когда сбытъ на рынкѣ стѣсненъ, они ничего не теряли, между тѣмъ рабочіе оказывались въ безвыходномъ положеніи, лишившись заработка. Впрочемъ, и на скупщиковъ вина падала далеко не всегда: они обладали незначительнымъ капиталомъ и едва ли въ состояніи были закупать большое количество товаровъ и вкладывать въ нихъ капиталъ на продолжительное время.

Приведемъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о превышеніи предложенія рабочихъ рукъ надъ спросомъ, о постоянныхъ колебаніяхъ въ производствѣ въ XVII - XVIII ст. и о вліяніи перепроизводства и безработицы на положеніе рабочихъ-кустарей.

Въ игрушечной и древообрабатывающей промышленности Саксенъ-Мейнингена купцы обязались пріобрѣтать на складъ все изготовляемое мастерами количество товаровъ. Для того, чтобы дать скупщикамъ, не имѣвшимъ большихъ капиталовъ, возможность выполнять это обѣщаніе и пріобрѣтать у кустарей издѣлія даже при отсутствіи спроса, правительство выдало имъ ссуду въ размѣрѣ 10 тысячъ талеровъ—сумма для того времени очень крупная. Тѣмъ не менѣе, обѣщаніе купцовъ осталось мертвой буквой. Въ частые періоды застоя въ торговлѣ скупщики ничего не покупали у кустарей.

Торговая компанія г. Кальва—какъ указываетъ Трельтшъ въ своей книгѣ, посвященной исторіи этой компаніи,—также не признавала за собой обязанности покупать всѣ произведенныя мѣстными кустарями шерстяныя матеріи. Когда устанавливался извѣстный размѣръ производства для каждаго мастера, онъ имѣлъ значеніе для компаніи

лишь постольку, поскольку положеніе рынка давало ей возможность пріобрѣтать такое количество товаровъ. Лишь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ 1674 г. по 1688 г. существовалъ такъ называемый Knappenhaus—складъ, который являлся посредникомъ между компаніей и кустарями. Кустари имѣли право сбывать сюда всѣ произведенные ими товары, причемъ, конечно, размѣры производства для каждаго изъ нихъ были точно опредѣлены, и тотчасъ же по доставленіи товара получали слѣдуемую за него плату; компанія же пріобрѣтала въ складѣ каждый разъ нужное ей количество издѣлій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производство и сбытъ дѣйствительно соотвѣтствовали другъ другу. Однако, какъ только въ 1686 году сбытъ компаніи сократился, рынокъ оказался переполненнымъ, размѣръ производства, дозволенный каждому кустарю, былъ значительно сокращенъ, и кустари были вынуждены искать скупщиковъ помимо компаніи, ибо доставляемый послѣдней заработокъ былъ недостаточенъ; Knappenhaus долженъ былъ прекратить свое существованіе. Однако, компанія не только не признавала за собой обязанности пріобрѣтать всѣ изготовленные кустарями товары, но не исполняла дѣйствительно принятаго на себя обязательства давать работу исключительно мастерамъ, жившимъ въ опредѣленномъ районѣ (Moderationsbezirk), которые, по существовавшему правилу, не могли сбывать товары помимо компаніи. Несмотря на то, что и этотъ районъ былъ очень значителенъ, компанія, опасаясь конкуренціи сосѣднихъ мѣстностей, скупала и тамъ товары, расширяя, такимъ образомъ, область пріобрѣтенія ею издѣлій на счетъ своихъ собственныхъ поставщиковъ изъ Moderationsbezirk'а. Вслѣдствіе этого, послѣдніе и въ обычное время, при благопріятныхъ условіяхъ рынка имѣли мало работы, а еще менѣе въ періоды застоя, которые повторялись довольно часто. „То обстоятельство, что ткачи были мало заняты и заработокъ ихъ былъ незначителенъ—говоритъ Трельтшъ—объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что на компанію работалъ слишкомъ обширный районъ, а съ другой стороны тѣмъ, что сбытъ ея былъ часто стѣсненъ". Но еще вреднѣе отзывались на матеріальномъ положеніи ткачей постоянныя колебанія въ производствѣ, происходившія въ теченіе года. Компанія пріобрѣтала ежемѣсячно не $8^1/_3$ проц. всего закупаемаго ею въ теченіе года количества товаровъ, что должно было бы имѣть мѣсто при правильномъ распредѣленіи покупокъ по мѣсяцамъ; а въ одни мѣсяцы она принимала гораздо больше товара, въ другіе—несравненно меньше, такъ что цифра пріобрѣтеній колебалась въ теченіе года между 13,9 и 3,4 проц. При этомъ наименѣе благопріятными для кустарей мѣсяцами

являлись не лѣтніе, когда кустари находили заработокъ въ сельскомъ хозяйствѣ, а наоборотъ зимніе мѣсяцы, декабрь и январь, когда сбытъ компаніи сокращался и она боялась покупать много товара на складъ.

Въ концѣ XVII вѣка и въ Базелѣ раздавались жалобы на отсутствіе работы. „Купцы сами виноваты въ томъ,—говорили мастера — что насъ такое множество; а между тѣмъ они же даютъ намъ мало работы и еще меньшую плату. Прежде мы едва успѣвали производить требуемое ими количество товаровъ, а теперь они не обращаютъ на насъ никакого вниманія и заставляютъ насъ умирать съ голоду отъ безработицы".

Въ англійской шерстяной промышленности періоды безработицы были обычнымъ явленіемъ, кустари работали въ теченіе года шесть, максимумъ—девять мѣсяцевъ. Уже съ начала XVI вѣка мы встрѣчаемъ въ источникахъ въ большомъ количествѣ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что уже тогда происходили частые кризисы въ шерстяной промышленности. Предложеніе шло впереди спроса и поэтому отъ времени до времени обнаруживалось перепроизводство и переполненіе рынка и наступалъ періодъ застоя; причемъ и здѣсь страдали рабочіе, ибо когда сукно лежало непроданнымъ, скупщики отказывали кустарямъ въ работѣ. Уже въ 1527 году, когда на иностранныхъ рынкахъ сократился спросъ на англійскіе товары, произошелъ кризисъ въ суконной промышленности. „Всѣ широкія сукна, каразеи и бумажныя ткани остаются у купцовъ на рукахъ. Вслѣдствіе этого, когда суконщики изъ Эссекса, Кента, Уильтшира, Суффолька и другихъ графствъ, гдѣ производится выдѣлка сукна, привезли сукно въ Лондонъ для продажи, то почти не нашлось купцовъ, которые согласились бы пріобрѣсти его. По этой причинѣ суконщики стали отказывать въ работѣ своимъ прядильщикамъ, чесальщикамъ, валяльщикамъ и другимъ категоріямъ рабочихъ, занятымъ въ суконной промышленности, что вызвало сильное неудовольствіе среди населенія, особенно въ Суффолькѣ". Первоначально послѣ прекращенія сбыта 40 скупщиковъ Суффолька, по настоянію герцога Норфольскаго, согласились попрежнему давать заказы кустарямъ, которымъ они уже было отказали въ работѣ. Но уже спустя два мѣсяца они заявили, что вынуждены прекратить производство, ибо въ Лондонѣ никто болѣе не пріобрѣтаетъ сукна. Кардиналъ Уольсей всячески старался заставить лондонскихъ купцовъ покупать сукно, предлагалъ имъ ссуды съ этой цѣлью и грозилъ тюрьмой въ случаѣ неисполненія его требованій; члены тайнаго совѣта разъѣзжали по графствамъ и пытались убѣдить суконщиковъ продолжать производство.

Но всѣ попытки были тщетны. А между тѣмъ въ Беркширѣ, Гемпширѣ и Уильтширѣ началось возстаніе безработныхъ ткачей. Лишь въ слѣдующемъ году, съ возстановленіемъ торговыхъ сношеній бѣдствіе прекратилось (Lohmann).

Въ 60-хъ годахъ XVI вѣка волненія изъ-за отсутствія сбыта товаровъ и безработицы повторились вновь. Но особенно сильны они были въ XVII вѣкѣ. Въ 1622 году вдругъ обнаружилось перепроизводство, оказалось, что сукно, произведенное въ девяти графствахъ, лежитъ въ Лондонѣ непроданнымъ. Скупщики въ этихъ графствахъ, конечно, пріостановили дальнѣйшее производство, а это вызвало безработицу, возстанія и грабежи, производимые голодными рабочими, и насилія надъ скупщиками съ цѣлью заставить ихъ пріобрѣтать изготовленные товары. Правительство въ изданномъ имъ указѣ признало необходимымъ заставить купцовъ, занимавшихся экспортомъ, покупать сукно, а скупщиковъ — давать работу кустарямъ, находя невозможнымъ существованіе такого порядка вещей, когда скупщики имѣютъ возможность отказывать населенію въ работѣ, чѣмъ лишаютъ рабочихъ средствъ существованія и вызываютъ безпорядки, направленные противъ правительства. Въ 1629 году произошелъ новый кризисъ, продолжавшійся въ теченіе цѣлаго десятилѣтія. Въ Эссексѣ, гдѣ начался кризисъ, огромная масса населенія, лишенная заработка, голодала и вызывающее настроеніе рабочихъ заставило мировыхъ судей потребовать у скупщиковъ, чтобы они обязательно продолжали производство. Но послѣдніе отвѣтили, что до тѣхъ поръ, пока лондонскіе купцы не станутъ вновь пріобрѣтать у нихъ сукна, они не въ состояніи доставлять мастерамъ заработка. Въ Суффолькѣ скупщики заявляли, что они успѣли уже истратить всѣ свои сбереженія на покупку товаровъ и если правительство не придетъ имъ на помощь, то они вынуждены будутъ отпустить своихъ рабочихъ. Въ другихъ графствахъ скупщики-предприниматели жаловались на враждебное настроеніе къ нимъ, господствующее среди рабочихъ, которымъ они все равно не въ состояніи помочь. Въ петиціи изъ Эссекса указывалось на то, что вслѣдствіе продолжительности кризиса, многіе самостоятельные мастера превратились въ простыхъ рабочихъ. Ломанъ (въ своей „Исторіи англійской шерстяной промышленности XV –XVIII ст“.) справедливо обращаетъ вниманіе на то, что эти факты, которые къ сожалѣнію обыкновенно упускаются изъ виду, свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ XVI—XVII ст. всякое колебаніе рынка пагубно отражалось на положеніи низшихъ и среднихъ классовъ населенія на протяженіи многихъ графствъ Соединеннаго Королевства.

Не менѣе любопытны свѣдѣнія относительно кризисовъ, происходившихъ во французской шелковой промышленности, въ особенности въ центрѣ ея—Ліонѣ. Съ самаго возникновенія этой промышленности въ XVI ст. наступали частые періоды застоя въ производствѣ шелковыхъ матерій, вслѣдствіе перемѣнъ въ модѣ (французы не любятъ носить долго одно и то же платье,—писалъ венеціанскій посланникъ въ 1546 году), а еще болѣе подъ вліяніемъ эдиктовъ о роскоши, запрещавшихъ носить шелковыя ткани. Генрихъ IV еще имѣлъ въ виду интересы ліонской промышленности и поэтому исключалъ шелкъ и т. под. вещи изъ числа запрещенныхъ предметовъ роскоши, но Людовикъ XIV, при которомъ возобновились эдикты о роскоши, объявилъ ношеніе бархата, парчи и галуна привилегіей членовъ королевской фамиліи. Вслѣдствіе этого въ XVII вѣкѣ безработица въ ліонской шелковой промышленности и связанныхъ съ ней промыслахъ усилилась. Въ 1665 году къ этому присоединились стѣсненія на англійскомъ рынкѣ и трауръ по испанскомъ королѣ Филиппѣ IV. Въ теченіе столѣтія 1689—1791 гг. насчитывается 18 кризисовъ въ ліонской шелковой промышленности, причемъ многіе изъ нихъ продолжаются по нѣсколько лѣтъ, такъ что на каждыя пять лѣтъ приходится свыше одного года застоя въ производствѣ. Кризисы охватываютъ нерѣдко и сосѣднія Ліону мѣстности или другія отрасли промышленности; они принимаютъ часто очень опасный характеръ: десятки тысячъ безработныхъ бродятъ голодные по городу, занимаясь попрошайничествомъ, тысячи станковъ стоятъ пустыми. Въ 1621 г. изъ 1698 станковъ не работало 350, т.-е. пятая часть, въ 1739 г. также пятая часть (1771 изъ 8331), а въ 1788 году уже свыше одной трети (5442 изъ 14777) всѣхъ станковъ стоятъ пустыми.

Послѣ 1708 года эдикты о роскоши не издаются болѣе; но перемѣны въ модахъ совершались еще чаще, особенно же пагубны для ліонской шелковой промышленности были тѣ случаи, когда королева французская, желая изображать пастушку, замѣняла шелковыя и бархатныя платья одѣяніями изъ бѣлаго индійскаго коленкора или изъ англійскихъ бумажныхъ тканей; придворныя дамы и дамы изъ другихъ круговъ подражали королевѣ и спросъ на ліонскія издѣлія значительно сокращался. Еще непріятнѣе для Ліона былъ частый трауръ при дворѣ: не только въ случаѣ болѣзни или смерти кого-либо изъ членовъ французской королевской фамиліи налагался трауръ, продолжавшійся полгода и даже годъ, но и послѣ смерти иностранныхъ королей и принцевъ устанавливался каждый разъ трауръ на нѣсколько недѣль. Ліонскіе мастера сильно роптали на это. Шесть

мѣсяцевъ траура послѣ смерти дофина,—говорили они —какой ужасъ! Да мы готовы были бы продолжить его на десять лѣтъ, если бы черное платье могло воскресить его. Но такъ вѣдь изъ-за того, что онъ умеръ отъ болѣзни, мы должны умирать отъ голода. Работы или хлѣба!—угрожающе прибавляли они. „На какомъ основаніи,—спрашивали они во время другого кризиса — смерть иностраннаго принца должна составлять для насъ настоящее несчастье, когда жизнь его не доставила намъ ровно никакой выгоды?“ (См. монографію Годара о ліонскихъ рабочихъ въ шелковой промышленности). Въ другихъ случаяхъ причиной кризиса являлся неурожай шелковичнаго червя и недостатокъ въ сыромъ матеріалѣ, какъ, напр., въ 1750 г., или же сокращеніе сбыта на иностранныхъ рынкахъ. Послѣднее случилось во время семилѣтней войны, а также въ 1771 г., во время первой русско-турецкой войны при Екатеринѣ II: Германія, Испанія, Англія уменьшили спросъ на шелковыя ткани, очевидно, въ ожиданіи европейской войны *).

Такимъ образомъ, нерѣдко высказываемое мнѣніе, будто бы кризисы являются отличительной чертой XIX вѣка, будто бы до появленія машинъ и мірового рынка кризисовъ не существовало, оказывается совершенно неправильнымъ: подобное предположеніе объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ промышленностью предыдущихъ столѣтій. Рѣзкія колебанія въ производствѣ происходили и до введенія машинъ, и до осуществленія принципа свободы торговли. Уже въ XVII—XVIII ст. періоды лихорадочнаго производства смѣнялись періодами полнаго застоя.

Поэтому-то мѣры, принимаемыя государствомъ для прекращенія наступившаго уже кризиса и даже для предупрежденія его, не могли приводить въ какимъ-либо результатамъ. Да и безработица, вызываемая этими колебаніями въ производствѣ, была бы не столь ужасна, если бы заработная плата въ другіе періоды стояла на болѣе высо-

*) Приведемъ еще нѣсколько фактовъ подобнаго же рода. Въ Парижѣ въ 1645 г. насчитывалось 76 типографій со 183 печатными станками, изъ коихъ, однако, не болѣе 80 станковъ находились постоянно въ работѣ; спустя сорокъ лѣтъ число печатныхъ станковъ возросло до 200, но работала всего четвертая часть. Въ Труа въ 1701 г. изъ 25 печатныхъ станковъ болѣе 10 не имѣли никакой работы. Въ одномъ изъ мемуаровъ, относящихся къ 1755 г., указывается на то, что изъ 700—800 парижскихъ рабочихъ печатнаго дѣла (подмастерьевъ—ихъ оффиціальное названіе) половина въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году не находитъ никакой работы. Въ Марсели въ производствѣ издѣлій изъ бумажной массы число рабочихъ (въ 1771 г.) сократилось съ 200 до 16, въ шляпочномъ промыслѣ оно упало (въ 1789 г.) съ 1200 до 500, причемъ изъ послѣднихъ 150 человѣкъ не имѣли работы. Вобанъ утверждаетъ, что ткачи, вслѣдствіе періодовъ безработицы, работаютъ въ среднемъ не болѣе 180 дней въ году.

комъ уровнѣ. Въ 1777 году, когда академія г. Ліона назначила для конкурса тему: „какъ доставить рабочимъ занятіе во время кризиса?“ одинъ изъ авторовъ, представившихъ изслѣдованія на заданную тему, справедливо указывалъ на то, что этого вопроса вовсе бы не существовало, если бы рабочіе получали достаточную плату въ тѣ періоды, когда есть спросъ на трудъ, что весь вопросъ разрѣшается повышеніемъ заработной платы до того уровня, при которомъ рабочій въ состояніи покрывать свои расходы и откладывать сбереженія.

Между тѣмъ государство не хотѣло принять во вниманіе этого простого соображенія и не только не содѣйствовало рабочему въ полученіи болѣе высокой платы, а, наоборотъ, какъ мы увидимъ дальше, всецѣло стояло на сторонѣ скупщиковъ и всячески старалось и прямымъ, и косвеннымъ путемъ понизить заработную плату. И только когда наступалъ кризисъ, появлялась безработица и начинались мятежи голодныхъ рабочихъ, государство якобы заботилось о рабочихъ, стараясь доставить имъ работу или прибѣгая къ различнымъ мѣрамъ благотворительности. Въ дѣйствительности оно и въ этихъ случаяхъ имѣло въ виду не столько интересы рабочихъ, сколько свои собственные, понимая, что во время голода и безработицы никакой государственный порядокъ немыслимъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Взаимныя отношенія между предпринимателями и рабочими.

Съ самаго возникновенія кустарной промышленности скупщики старались подчинить кустарей своей власти. Когда въ 1424 году 4 купца заключили договоръ съ любекскимъ янтарнымъ цехомъ, который состоялъ изъ 12 мастеровъ, эти послѣдніе обязались поставлять имъ весь товаръ, который будетъ изготовленъ ими въ ближайшіе два года. Если бы у нихъ оказались сверхъ этого продукты, то они должны быть сбыты на мѣстномъ рынкѣ, но не могутъ быть вывезены въ другіе города, ни въ Венецію или Нюрнбергъ, ни во Франкфуртъ или Кельнъ. Аугсбургскій купецъ Оттъ Руландъ даетъ заказы мастерамъ янтарнаго цеха въ Вѣнѣ и Зальцбургѣ въ 1449—1453 гг. Онъ какъ бы беретъ ихъ къ себѣ на службу на извѣстное время, и требуетъ, чтобы всѣ изготовляемые ими въ теченіе этого времени товары поступали къ нему; онъ даетъ имъ задатокъ впе-

редъ и ремесленники обязуются не работать ни на кого другого кромѣ него, словомъ, онъ всячески старается привести ихъ въ зависимость отъ себя.

Еще сильнѣе ограниченія, установленныя для мастеровъ въ итальянскихъ городахъ въ XV вѣкѣ. Здѣсь они имѣютъ не временный характеръ, какъ въ Германіи, а постоянный, ибо въ Италіи ремесло уже успѣло превратиться въ кустарную промышленность, тогда какъ въ ганзейскихъ городахъ въ XV вѣкѣ еще не было постоянной организаціи скупщиковъ; подобные заказы являлись еще исключеніемъ. Въ Венеціи существовало постановленіе, по которому купецъ не могъ быть одновременно и ткачемъ, а ткачъ не могъ заниматься торговлей. Въ 1422 году оно было измѣнено въ томъ смыслѣ, что ткачамъ шелковыхъ матерій, которые самостоятельно сбываютъ свои продукты, запрещалось работать на скупщиковъ или частныхъ лицъ; они не могли также держать учениковъ и подмастерьевъ, а должны были работать одни или при содѣйствіи членовъ семьи; кромѣ того, они обязаны были вступить въ цехъ въ качествѣ купцовъ. Иначе говоря, статутъ 1422 года различаетъ уже не купцовъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ, а скупщиковъ и кустарей: производить товары и сбывать ихъ самостоятельно, не имѣя права ни держать учениковъ и подмастерьевъ, ни работать по заказу частныхъ лицъ было для мастеровъ совершенно невозможно, воспользоваться этимъ постановленіемъ могли только скупщики, которые дѣйствительно занимались однимъ только сбытомъ; мастера же, работавшіе на скупщиковъ, лишались по этому статуту права сбыта своихъ издѣлій помимо скупщиковъ.

Подобное же постановленіе было издано въ Генуѣ въ 1432 году. Въ этомъ году былъ учрежденъ цехъ скупщиковъ шелковыхъ издѣлій. Статутомъ этого цеха устанавливалось, что впредь мастерамъ дозволяется работать лишь на скупщиковъ. Указывалось на утайку матеріала со стороны мастеровъ; путемъ запрещенія работы для другихъ лицъ это злоупотребленіе будетъ устранено. Вслѣдствіе этого, и здѣсь ткачи, производившіе ранѣе издѣлія изъ собственнаго шелка или полученнаго отъ частныхъ лицъ, лишались, какъ самостоятельнаго сбыта товаровъ, такъ и работы по заказу потребителя, т.-е. всецѣло отдавались въ руки скупщиковъ. Пизанскій статутъ 1305 г. запрещаетъ рабочимъ въ области шерстяной промышленности исполнять заказы кого бы то ни было кромѣ мастеровъ, съ которыми они вошли въ соглашеніе и отъ которыхъ получили задатки.

Точно также во флорентинской шерстяной промышленности уже

въ XIV вѣкѣ было запрещено кустарямъ, въ особенности ткачамъ, которые составляли важнѣйшую часть рабочихъ, работать для кого бы то ни было помимо лицъ, входящихъ въ составъ цеха скупщиковъ; ткачи не могутъ ни работать на собственный счетъ, ни обрабатывать матеріалъ, полученный отъ другихъ лицъ, не принадлежащихъ къ цеху. Не только матеріалъ мастеръ получалъ отъ скупщика, но нерѣдко и инструменты, именно ткацкій станокъ; онъ обязывался отработать за полученный станокъ, а до тѣхъ поръ — никому не продавать и не отдавать его на прокатъ, и по требованію скупщика, который остается собственникомъ станка, возвратить его во всякое время. Результатомъ этого являлось то, что въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній между скупщикомъ и кустаремъ, если послѣдній, напр., отказывался работать за установленную скупщикомъ плату, онъ лишался необходимаго ему орудія производства, которое просто отнималось у него скупщикомъ, а слѣдовательно, лишался и возможности продолжать производство. Не лучше было положеніе кустаря и въ томъ случаѣ, если онъ обладалъ ткацкимъ станкомъ, но вынужденъ былъ заложить или продать его скупщику, чтобы получить сразу какую-либо сумму на собственное пропитаніе; и въ этомъ случаѣ скупщикъ могъ въ любое время потребовать у него станокъ и оставить его безъ работы. „Вслѣдствіе этого,—говоритъ Доренъ въ своемъ „Изслѣдованіи о флорентинской шерстяной промышленности XIV—XIV ст“.—имѣя собственное хозяйство и работая у себя на дому, ткачъ все-таки является рабочимъ, вполнѣ зависимымъ отъ того или другого капиталиста; юридически онъ въ правѣ продать свою рабочую силу любому скупщику, но фактически онъ потерялъ свою свободу“ *).

Въ 1667 году въ лионской шелковой промышленности торговцы шелковыми издѣліями были приняты въ составъ ткацкаго цеха и этимъ добились равноправія съ мастерами, производившими шелковыя матеріи, бархатъ, парчу и т. п. Однако, этимъ скупщики не удовлетворились. Въ тотъ же статутъ 1667 года были внесены постановленія, которыми мастера-производители низводились на степень подмастерьевъ и совершенно отдавались во власть мастеровъ-скупщиковъ. Регламентомъ 1667 года — говоритъ Годаръ — мастера

*) Изъ опубликованныхъ Эспинасомъ документовъ, относящихся къ промышленной дѣятельности суконщика г. Дуэ (во Фландріи) Jehan Boine Broke (начала XIV вѣка) можно усмотрѣть, что работавше на него мастера находились въ полной зависимости отъ него не только вслѣдствіе полученной впередъ платы, но и по той причинѣ, что они вынуждены были жить въ принадлежащихъ ему домахъ—они всегда были у него въ долгу за квартиру и онъ имѣлъ возможность въ любое время не только лишить ихъ работы, но и выселить изъ своего дома.

работающіе на скупщика, приравнивались къ подмастерьямъ: какъ и послѣдніе, они лишались права отказываться отъ работы на скупщика, не предупредивъ его объ этомъ мѣсяцемъ раньше, не окончивъ начатой работы и не возвративъ полученнаго задатка. Послѣднее могъ сдѣлать за мастера, въ случаѣ его несостоятельности, новый скупщикъ, который ему давалъ заказы. Но если сумма была значительна, трудно было найти скупщика, который бы согласился на это, и мастеръ-кустарь рисковалъ остаться въ теченіе продолжительнаго времени безъ работы; выбирая изъ двухъ золъ меньшее, онъ продолжалъ работать на того же скупщика даже на невыгодныхъ для себя условіяхъ. Тотъ же статутъ содержалъ слѣдующее постановленіе: мастеръ, который даетъ работу другому мастеру, подвергается штрафу въ 60 ливровъ, если онъ не удостовѣрился въ томъ, остался ли этимъ мастеромъ доволенъ тотъ, на котораго онъ раньше работалъ. „Такимъ образомъ,—жаловались мастера—стоитъ только, чтобы мастеръ-производитель не понравился скупщику, на котораго онъ работаетъ, и онъ лишается работы на продолжительное время; мастеръ никогда не можетъ разсчитывать получить заработокъ, если онъ не умѣетъ покорностью и низкопоклонничествомъ добиться милости у своего хозяина“.

Уже въ 1667 году, слѣдовательно, мастера находились во власти скупщиковъ. Мастеру оставался одинъ только исходъ—сбывать товары на собственный счетъ въ томъ случаѣ, когда онъ не сумѣлъ поладить со скупщикомъ и не получилъ отъ него соотвѣтствующаго свидѣтельства; когда онъ былъ въ долгу у скупщика, онъ конечно не имѣлъ и этого выхода. Но и правомъ производства на собственный счетъ мастеръ-производитель обладалъ не долго: мастера-скупщики всячески старались лишить его этого права. Въ 1707 году мастера были раздѣлены на два класса: на лицъ, работающихъ за собственный счетъ или заказывающихъ работу другимъ, и лицъ, работающихъ исключительно на другихъ и не пользующихся правомъ самостоятельнаго сбыта товаровъ. Для того, чтобы войти въ число первыхъ, надо было уплатить сначала двѣнадцать, а четыре года спустя уже триста ливровъ,—сумму огромную для того времени; малосостоятельные мастера-производители совершенно не въ состояніи были добыть такую массу денегъ. А статутъ 1712 года различаетъ уже три категоріи, именно: мастеровъ-скупщиковъ, которые сами не въ правѣ производить товаровъ, мастеровъ, работающихъ на собственный счетъ, и, наконецъ, мастеровъ-кустарей. Первыхъ насчитывалось 200 человѣкъ; количество самостоятельныхъ мастеровъ—говорится въ статутѣ—колеблется изо-дня

въ день, ибо какъ только наступаютъ какія-либо невыгодныя для нихъ обстоятельства, они сейчасъ же становятся кустарями. Послѣднихъ, наконецъ, 3—4 тысячи, такъ что на каждаго скупщика приходится около 15—20 человѣкъ, нѣкоторые же изъ нихъ даютъ заказы цѣлой сотнѣ рабочихъ. Какъ мы видимъ, скупщикамъ удалось и сократить конкуренцію въ своей средѣ, и подчинить себѣ мастеровъ-ткачей, которые первоначально были равноправны и даже пользовались извѣстными преимуществами предъ ними.

Въ статутѣ 1744 года встрѣчаются тѣ же три категоріи членовъ цеха, но для первой категоріи—для скупщиковъ, вступительный взносъ увеличенъ съ 300 до 800 ливровъ, а для второй—для самостоятельныхъ мастеровъ, онъ установленъ въ 200 ливр.; при этомъ послѣдніе не могутъ имѣть болѣе двухъ ткацкихъ станковъ. Это были новыя ограниченія для мастеровъ, которыя еще болѣе усилили монополію скупщиковъ: 800 ливровъ была такая крупная сумма, которая преграждала доступъ въ среду скупщиковъ, а взносъ въ размѣрѣ 200 ливровъ лишалъ кустарей возможности перейти въ категорію самостоятельныхъ мастеровъ; впрочемъ, невозможность держать болѣе двухъ станковъ была столь невыгодна (кустари имѣли обыкновенно 4 станка), что отнимала всякую охоту стать самостоятельнымъ мастеромъ. Что касается остальныхъ мѣръ закрѣпощенія кустарей, то лишь право не отпускать рабочаго до возвращенія полученнаго задатка или уплаты его новымъ хозяиномъ кустаря, было нѣсколько ограничено. Задатокъ, который могъ получать мастеръ, былъ ограниченъ сначала 300, а затѣмъ 500 ливр., и кромѣ того скупщикъ могъ удержать за долги не болѣе $^1/_8$ заработной платы. Аттестаты же, выдаваемые скупщиками, несмотря на протестъ рабочихъ, сохранились и впослѣдствіи. Съ 1702 года существовало еще одно постановленіе въ угоду предпринимателямъ и въ ущербъ рабочимъ: мастеръ не можетъ одновременно работать на двухъ скупщиковъ безъ письменно выраженнаго согласія того скупщика, отъ котораго онъ получилъ раньше заказъ, причемъ не указано, что должно произойти въ случаѣ отказа выдать такое разрѣшеніе. Въ 1744 году это постановленіе подтверждается вновь.

Въ Ліонѣ, какъ мы видимъ, скупщики достигаютъ того, что кустари лишаются возможности самостоятельно сбывать свои издѣлія на рынкѣ. Борьбы изъ-за права кустарей сбывать произведенныя ими ткани другимъ скупщикамъ, не входящимъ въ составъ цеха, мы въ Ліонѣ не замѣчаемъ. Да ея и не могло быть, ибо съ начала XVII вѣка былъ провозглашенъ принципъ, по которому торговать шелковыми тканями могли только лица, принадлежащія къ цеху ткачей. Поэтому-

то купцы и были приняты въ составъ цеха въ 1667 году. Иное дѣло въ Германіи. Здѣсь мы находимъ обыкновенно не одну корпорацію, а двѣ: скупщики не только фактически, но и формально вполнѣ отдѣлились отъ рабочихъ. Поэтому здѣсь для достиженія монопольнаго положенія, для возможности надлежащей эксплуатаціи кустарей-рабочихъ, имъ необходимо было не только стѣснить доступъ въ свою среду и воспрепятствовать кустарямъ самостоятельно сбывать произведенные ими продукты, но и заставить ихъ сбывать свои издѣлія исключительно данной корпораціи скупщиковъ, а не какимъ-либо инымъ организаціямъ скупщиковъ или отдѣльнымъ купцамъ помимо данной корпораціи.

Въ Германіи скупщики дѣйствительно добиваются этого права вездѣ и повсюду. Постановленіе относительно запрещенія сбыта товаровъ, помимо корпораціи скупщиковъ, мы встрѣчаемъ въ игрушечномъ производствѣ Мейнингена, гдѣ купцы составляютъ организацію, состоящую изъ 26 поименно указанныхъ фирмъ Зоннеберга и 4 фирмъ, находящихся въ окрестныхъ селахъ, и гдѣ они обладаютъ исключительной монополіей сбыта всѣхъ произведенныхъ кустарями издѣлій; они руководствуются принципомъ свободной конкуренціи для рабочихъ и принципомъ монополіи для купцовъ. Мы встрѣчаемъ его въ чулочномъ производствѣ Апольды и Эрлангена (Баварія): мастеръ можетъ войти въ составъ корпораціи скупщиковъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ состояніи давать заказы на 12 станковъ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ сбывать собственныя издѣлія лишь обладая такимъ имуществомъ, которое давало бы ему возможность держать на складѣ между одной ярмаркой и другой 20—40 дюжинъ чулокъ. Если же мастеръ не удовлетворяетъ ни тому, ни другому условію (что было наиболѣе частымъ явленіемъ, ибо для выполненія этихъ условій требовался значительный капиталъ), то онъ можетъ только работать на скупщиковъ и притомъ исключительно для мѣстной корпораціи ихъ. Мы встрѣчаемъ это постановленіе далѣе въ Моравіи, гдѣ основанная въ 1592 году компанія суконщиковъ не допускаетъ продажи произведенныхъ кустарями издѣлій другимъ лицамъ; въ Эльзасѣ, гдѣ нѣсколько купцовъ обладаютъ привилегіей исключительнаго сбыта ситцевыхъ или полуситцевыхъ матерій, изготовляемыхъ въ Маркирхѣ и Зиренцѣ и на всемъ пространствѣ между Страсбургомъ и горами, отдѣляющими Франшконте отъ Эльзаса; наконецъ, въ Саксоніи и Вюртембергѣ.

Въ 1764 году въ санксонскомъ Фогтландѣ—какъ видно изъ монографіи Бейна („Industrie des sächsischen Voigtlandes“)—установлена, съ одной стороны, обязанность скупщиковъ принимать весь

произведенный кустарями продуктъ (въ другихъ мѣстахъ этого постановленія, какъ мы увидимъ ниже, не существовало), а съ другой — обязанность прядильщиковъ и ткачей сбывать всѣ свои произведенія корпораціи скупщиковъ: они не могутъ ни продавать ихъ другимъ скупщикамъ, ни самостоятельно торговать ими. Корпорація мѣстныхъ скупщиковъ обладала, слѣдовательно, монополіей въ области сбыта бумажныхъ издѣлій, а для того, чтобы въ составъ этой корпораціи не могли войти ни кустари, ни посторонніе купцы, было установлено (еще въ 1618 году), что только жители Плауена могутъ торговать бумажными издѣліями, а въ статутѣ 1663 года прибавлено, что въ корпорацію скупщиковъ принимаются (какъ и въ чулочномъ производствѣ Эрлангена и Апольды) только тѣ лица, которыя въ состояніи держать, въ случаѣ необходимости, извѣстное количество товаровъ у себя на складѣ и доставлять на лейпцигскую ярмарку для продажи не менѣе 600 штукъ товара. Въ 1715 году это послѣднее требованіе было замѣнено другимъ: для вступленія въ корпорацію купцовъ необходимо обладать имуществомъ въ размѣрѣ 100 гульденовъ, впослѣдствіи (съ 50-хъ годовъ) въ размѣрѣ 500—600 талеровъ, а съ 1764 года уплатить, кромѣ того, и вступительный взносъ въ 50 талеровъ.

Купцамъ г. Кальва (Вюртембергъ) уже въ концѣ XVI вѣка удалось вытѣснить иностранныхъ предпринимателей и занять преобладающее положеніе въ этой мѣстности. Преимущество среди нихъ принадлежало тѣмъ, которые одновременно съ торговлей занимались и красильнымъ промысломъ, ибо, какъ мы видѣли выше, изъ красильщиковъ вышли первые скупщики. Но при установленіи заработной платы кустарей красильщики вступали въ соглашеніе съ прочими купцами для устраненія конкуренціи на рынкѣ труда. Вскорѣ, именно въ началѣ XVII вѣка, имъ удалось добиться и другой выгоды, лишить мастеровъ права заниматься красильнымъ промысломъ. Такъ какъ на ярмарки доставлялись только крашеныя матеріи, то мастера очевидно находились отнынѣ въ зависимости отъ скупщиковъ-красильщиковъ, которымъ вынуждены были сбывать всѣ свои издѣлія: сами они не имѣли болѣе возможности торговать своими издѣліями. Такимъ образомъ, уже въ первой половинѣ XVII вѣка власть скупщиковъ надъ кустарями была значительна; но еще болѣе она усилилась, начиная съ 1650 года, когда была основана корпорація скупщиковъ, которая представляла собою полное товарищество, хотя и называлась до 1665 года красильнымъ цехомъ. Съ этихъ поръ монопольное положеніе корпораціи скупщиковъ вполнѣ упрочилось.

Прежде всего она пріобрѣла исключительное право торговли всѣми

тѣми сортами матеріи, которые являлись наиболѣе ходячими на рынкѣ; другимъ купцамъ Вюртемберга и мастерамъ была запрещена торговля этими издѣліями. Далѣе, кустари, производившіе матерію, были лишены права входить въ сношенія съ красильщиками, не принадлежащими къ компаніи скупщиковъ г. Кальва; имъ было запрещено сбывать свои издѣлія другимъ купцамъ, проживающимъ въ этой мѣстности; наконецъ, ихъ право сбыта собственныхъ произведеній всячески сокращалось, пока оно не было совершенно уничтожено въ 1658 году. Кустари были обязаны предлагать всѣ свои издѣлія компаніи, и лишь тѣ, которыя она отказалась принять, они могли продавать поштучно или аршинами внутри страны или заграницу. Съ 1705 года компанія пріобрѣла право накладывать штемпель на непринятые ею товары, и только этими штемпелеванными матеріями могли торговать мастера. „Вслѣдствіе этого—говоритъ Трельтшъ—ткачи, жившіе на большомъ разстояніи отъ г. Кальва, были вынуждены нести туда товаръ даже въ томъ случаѣ, если они были увѣрены, что онъ не будетъ принятъ компаніей. При отвратительномъ состояніи дорогъ это влекло за собой потерю, по крайней мѣрѣ, цѣлаго дня, къ которой въ случаѣ отказа присоединялась еще потеря времени до окончательнаго сбыта товара; многіе на обратномъ пути пропивали вырученныя тяжелымъ трудомъ деньги; наконецъ, необходимость этой процедуры вынуждала нерѣдко кустаря довольствоваться меньшей платой, лишь бы избѣжать болѣе значительныхъ неудобствъ. Далѣе, штемпель, наложенный на непринятый компаніей товаръ, разсматривался повсюду какъ позорное клеймо. Съ ѣдкой ироніей ткачи называли этотъ штемпель „voulez-vous“ указывая этимъ на его значеніе. Штемпелеванный кусокъ матеріи терялъ часть своей стоимости. Наконецъ, очень существеннымъ обстоятельствомъ являлось то, что ткачамъ дозволялось лишь продавать свои издѣлія на мѣстѣ, но запрещалось пересылать ихъ въ другія мѣста. Это запрещеніе лишало ихъ возможности использовать надлежащимъ образомъ право сбыта собственныхъ издѣлій“.

Подобнымъ же образомъ компанія стѣсняла и сбытъ пряжи. Прядильщицамъ, жившимъ въ округѣ Кальва (Moderationsbezirk), запрещалось сбывать свою пряжу мастерамъ черезъ границу; онѣ должны были продавать ее ткачамъ, работавшимъ для компаніи, и только въ случаѣ отсутствія спроса со стороны послѣднихъ могли, съ разрѣшенія администраціи, доставлять пряжу другимъ лицамъ. Въ своемъ округѣ компанія не допускала никакого другого предпріятія, которое производило бы шерстяныя издѣлія. Она желала сохранить за собой полную монополію въ Moderationsbezirk'ѣ (20 кв. миль)

и устанавливать условія труда, не считаясь съ какой бы то ни было конкуренціей. И этого она вполнѣ достигла. Кустари-рабочіе находились въ полной фактической и юридической зависимости отъ компаніи. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ они набирались смѣлости открыто возставать противъ дѣйствій компаніи; часто все ограничивалось пассивнымъ противодѣйствіемъ. Бо́льшая же часть населенія до того свыклась со своимъ положеніемъ, до того привыкла къ своей участи и до того лишена была энергіи, что вовсе и не думала о протестѣ и сносила терпѣливо свое ярмо, не помышляя даже о возможности улучшенія своей судьбы.

Въ такомъ же положеніи находились кустари и въ другой, не менѣе важной отрасли промышленности—производствѣ металлическихъ издѣлій. Такъ, въ ножевомъ производствѣ Золингена весь XVIII вѣкъ наполненъ борьбою изъ-за заработной платы. Мастера постоянно жалуются на купцовъ. Мастеръ долженъ былъ „смотрѣть купцу въ глаза, плясать подъ его дудку“; въ противномъ случаѣ купецъ лишалъ его куска хлѣба и записывалъ на „черную доску“. Если кустарь требовалъ въ судебномъ порядкѣ причитающейся ему платы, то купецъ сообщалъ объ этомъ другимъ купцамъ и убѣждалъ ихъ не давать этому мастеру работы. Да и жалобы кустарей были безцѣльны: купцы захватили въ свои руки должности фогтовъ и ратмановъ, заправляли ремеслами и чинили судъ и расправу. Въ желѣзодѣлательномъ производствѣ Зигена (Вестфалія) съ конца XVI вѣка право торговли желѣзными товарами принадлежало исключительно купцамъ, вышедшимъ изъ среды мастеровъ, занимавшихся конечными процессами производства (рейдтмейстеровъ). Борьба между ними и кузнецами-рабочими продолжалась еще цѣлое столѣтіе, и соглашеніемъ 1621 года послѣднимъ временно удалось добиться лучшихъ условій труда и заработной платы; но всѣ ихъ усилія оказались въ результатѣ безполезными: спустя нѣсколько лѣтъ соглашеніе потеряло свое значеніе и съ конца XVII вѣка монопольное положеніе скупщиковъ вполнѣ упрочилось. Кустари являлись совершенно зависимыми отъ нихъ рабочими

Такимъ образомъ, капиталисты-предприниматели повсюду сумѣли создать себѣ монопольное положеніе по отношенію къ кустарямъ-рабочимъ. Они раздѣлили страну на районы, и въ каждомъ районѣ господствовала опредѣленная корпорація скупщиковъ, отъ которой зависѣло все мѣстное населеніе. Конкуренція устранялась прежде всего тѣмъ, что всѣ произведенія поступали въ руки корпораціи скупщиковъ и не могли сбываться помимо нея; далѣе, тѣмъ, что не допускалось соединеніе торговли и промысла въ однѣхъ рукахъ, и,

наконецъ, тѣмъ, что вступленіе въ корпорацію скупщиковъ ставилось въ зависимость отъ обладанія значительнымъ для того времени капиталомъ.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ, обусловливавшимъ очерченный нами образъ дѣйствій скупщиковъ, являлось положеніе рынка сбыта, паденіе цѣнъ на промышленныя издѣлія, вслѣдствіе появленія конкуренціи на рынкѣ. Мы видѣли выше, какъ сильно понизились цѣны на фабрикаты сравнительно съ цѣнами на сырье, и уменьшилась та часть цѣны, изъ которой покрывались заработная плата и прибыль. Но скупщики не желали допустить пониженія прибыли и то, что они потеряли на потребителѣ, старались наверстать на рабочемъ. „Въ кустарной промышленности—говоритъ Швидландъ—торговцу приходится бороться съ конкуренціей на рынкѣ сбыта, и онъ сокращаетъ плату производителя товаровъ для того, чтобы посредствомъ пониженія цѣны продуктовъ расширить свои обороты. Кустарю же, производящему товары, тѣмъ труднѣе бороться съ стремленіемъ купца къ уменьшенію издержекъ производства, чѣмъ болѣе сильна конкуренція среди купцовъ при сбытѣ промышленныхъ издѣлій. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда купцы данной мѣстности выступали на рынкѣ въ качествѣ организованнаго цѣлаго, что бывало далеко не всегда *), имъ трудно было удержать условленную заранѣе цѣну, ибо, кромѣ нихъ, на рынокъ являлись купцы изъ другихъ мѣстъ, такъ что невозможно было избѣжать конкуренціи. Такой рынокъ, напр., какъ лейпцигская ярмарка, посѣщался купцами, пріѣзжавшими со всѣхъ концовъ Европы. А коль скоро часть купцовъ начинала

*) Въ хлопчатобумажной промышленности саксонскаго Фогтланда было постановлено, что каждый торговецъ въ правѣ возить на ярмарку не болѣе извѣстнаго количества товаровъ и обязанъ придерживаться опредѣленной цѣны. Однако, это не соблюдалось не только тогда, когда число купцовъ было значительно, но и впослѣдствіи, когда доступъ въ купеческую корпорацію былъ сильно стѣсненъ. Позже скупщики г. Плауена стали сообща устанавливать минимумъ цѣны сбываемыхъ товаровъ передъ каждой лейпцигской ярмаркой, предоставляя, однако, каждому продавать ихъ по болѣе высокой цѣнѣ. Но и это постановленіе выполнялось недолго, вскорѣ пониженіе цѣнъ снова началось. Каждый купецъ старался предупредить остальныхъ, каждый городъ старался побить другіе города, и на минимальную цѣну никто не обращалъ болѣе вниманія. Поэтому цѣна на полосатый муслинъ значительно понизилась въ то самое время, какъ цѣна сырья возросла на 20 проц. Многіе скупщики прямо заявляли что они отказываются придерживаться установленнаго минимума, ибо они исходили изъ новаго принципа—продавать товары дешево, но зато въ большомъ количествѣ (ср. выше, стр. 40 прим.) Но вслѣдствіе этого имъ приходилось понижать плату кустарямъ, такъ что въ результатѣ все-таки страдали рабочіе. Попытка другихъ членовъ купеческой корпораціи заставить всѣхъ скупщиковъ подчиниться установленному минимуму, посредствомъ утвержденія его правительствомъ въ качествѣ обязательной цѣны, также не увѣнчалась успѣхомъ.

сбивать цѣну, вся организація распадалась, ибо отдѣльные члены ея уже не считали возможнымъ держаться условленной цѣны, понижая цѣну все болѣе и болѣе. И это паденіе цѣнъ отражалось на кустаряхъ-рабочихъ *).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Мѣропріятія государства съ цѣлью пониженія заработной платы.

При сильной конкуренціи среди рабочихъ, съ одной стороны, при монопольномъ положеніи предпринимателей, съ другой, заработная плата въ промышленности XVI — XVIII ст. не могла быть высока. Однако, заработная плата опредѣлялась не однимъ взаимоотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, не одной силой предпринимателей и рабочихъ на рынкѣ труда. Большое вліяніе на высоту заработной платы имѣло и государство, устанавливавшее ее прямо или косвенно, либо непосредственно опредѣляя высоту ея, либо утверждая соглашенія относительно платы, происходившія между предпринимателями и рабочими. Пуфендорфъ („De officio hominis et civis“), писавшій во второй половинѣ XVII вѣка, справедливо указываетъ на то, что только въ естественномъ состояніи, гдѣ господствуетъ полная свобода дѣйствій, цѣна и заработная плата опредѣляются исключительно договоромъ, заключаемымъ сторонами, тогда какъ въ (современномъ ему) государствѣ моментами, вліяющими на высоту цѣны и заработной платы, являются также законы и административныя распоряженія правительства.

Какую же цѣль преслѣдовало государство, вмѣшиваясь въ установленіе заработной платы? На это намъ даетъ отвѣтъ экономическая литература XVII и XVIII ст. Грегори Кингъ („Natural and Political Observations“), сочиненія котораго относятся ко

*) Въ чулочномъ производствѣ Эрлангена, напр., скупщики сильнѣйшимъ образомъ конкурировали другъ съ другомъ и сбивали цѣну на товары, а затѣмъ вознаграждали себя за низкую цѣну на заработной платѣ, уплачиваемой кустарямъ. Точно также конкуренція среди купцовъ, сбывавшихъ золингенскіе ножи, преимущественно въ Голландіи (въ XVII—XVIII ст.), привела къ всеобщему паденію цѣнъ на ножевой товаръ; скупщики же старались наверстать свою прибыль на качествѣ товара (давая рабочимъ худшій матеріалъ) и на заработной платѣ.

второй половинѣ XVII вѣка, раздѣляетъ все населеніе на двѣ категоріи: первая увеличиваетъ богатство страны, вторая уменьшаетъ его. Къ первой группѣ относятся дворяне и чиновники, землевладѣльцы, арендаторы, промышленники и купцы; ко второй группѣ—рабочіе и пауперы, матросы, солдаты и броляги (лица безъ опредѣленныхъ занятій). Рабочіе поставлены рядомъ съ пауперами (сидѣльцами работныхъ домовъ) и почти-что приравнены къ нимъ. Они не увеличиваютъ богатствъ страны, а уменьшаютъ ихъ, „ѣдятъ хлѣбъ работодателя“. Другіе писатели періода, предшествующаго Адаму Смиту, хотя и не придерживаются столь крайнихъ воззрѣній, но все-таки и ихъ отношеніе къ рабочему классу не можетъ быть названо доброжелательнымъ. Они настаиваютъ не на низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ ради пониженія заработной платы, какъ это нерѣдко утверждаютъ, а, наоборотъ, на высокихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, ибо послѣднія заставляютъ людей больше работать для собственнаго пропитанія, слѣдовательно, усиливаютъ предложеніе труда и этимъ вызываютъ уменьшеніе заработной платы. Такъ, Вильямъ Петти („Political Arithmetic“, 1631) находитъ, что удлиненіе рабочаго дня, сокращеніе промежутковъ для отдыха во время работы, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и вообще затрудненіе добыванія средствъ пропитанія для населенія необходимо въ цѣляхъ экономическаго прогресса страны. Вильямъ Темпль („Essay on the Trade of Ireland“, 1673) указываетъ на желательность введенія налога на хлѣбъ въ Ирландіи: при дешевизнѣ средствъ пропитанія промышленность не можетъ процвѣтать, ибо благодаря этой дешевизнѣ предложеніе труда уменьшается; слѣдовательно, возрастаетъ заработная плата, что очевидно невыгодно для промышленности. Оба они, и Петти и Темпль, ссылаются на голландскихъ писателей, въ особенности на Жана де-Витта, настаивающаго на необходимости пониженія заработной платы государствомъ.

Точно также и Джонъ Гаутонъ („Improvement of Husbandry and Trade“, 1683) является сторонникомъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ онѣ вызываютъ пониженіе заработной платы и дѣлаютъ рабочихъ покорными слугами предпринимателей. Анонимный авторъ сочиненія „Consideration on Taxes“ 1765 года высказывается за повышеніе цѣнъ на пищевые продукты мѣрами правительства и притомъ настолько, чтобы шестидневная работа доставляла рабочему не болѣе того, что безусловно необходимо для поддержанія жизни. Далѣе, онъ требуетъ установленія максимальной заработной платы, выше которой никто не въ правѣ платить, и минимальнаго рабочаго дня въ 14 часовъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сокра-

щенъ. Наконецъ, и Артуръ Юнгъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ настаиваетъ на необходимости установленія правительствомъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и низкой заработной платы въ интересахъ развитія англійской торговли и промышленности *). Купцы г. Манчестера—говоритъ онъ—утверждаютъ, что при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ суконный промыселъ долженъ погибнуть.

Писатели противоположнаго направленія, относящіеся дружелюбно къ рабочимъ, какъ, напр., Чайльдъ, Вандерлинтъ, Постлеуайтъ, Фостеръ,—высказываются противъ искусственнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ и пониженія заработной платы мѣрами правительства, такъ какъ надежда на болѣе высокую плату является лучшимъ стимуломъ къ труду, и чѣмъ больше надежды на увеличеніе заработка и на улучшеніе матеріальныхъ условій, тѣмъ больше прилежаніе рабочаго, тѣмъ охотнѣе онъ трудится. Однако, какъ указываетъ Шульце-Геверницъ („Крупное производство“), у котораго мы заимствуемъ эти данныя, первое направленіе, враждебное рабочимъ, было преобладающимъ вплоть до Адама Смита, и писатели второго направленія ограничивались обыкновенно общими разсужденіями, приводя гораздо меньше фактическаго матеріала въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ, чѣмъ ихъ противники.

При такихъ обстоятельствахъ становится понятнымъ, почему Адамъ Смитъ („Богатство народовъ“, 1776) задаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать улучшеніе въ условіяхъ жизни рабочаго класса благополучіемъ или несчастіемъ для страны, почему онъ находитъ нужнымъ доказывать, что улучшеніе положенія рабочихъ выгодно для страны. Не можетъ быть признано—говоритъ онъ—процвѣтающимъ и счастливымъ то общество, бо́льшая часть котораго находится въ бѣдности и нищетѣ. Кромѣ того, самая справедливость требуетъ, чтобы тѣ, которые кормятъ, одѣваютъ и доставляютъ жилище всему обществу, получали такую часть произведеній своего собственнаго труда, которая достаточна для доставленія имъ удовлетворительной пищи, одежды и жилища“. Эти слова Адама Смита показались странными уже Бланки въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, который сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе къ нимъ. „Почтенный докторъ Смитъ считаетъ себя почти обязаннымъ доказывать, что благосостояніе рабочихъ классовъ не составляетъ особеннаго зла. Насту-

*) Другіе указываютъ на то, что пониженіе заработной платы въ шерстяной промышленности было бы счастьемъ и благодѣяніемъ для страны и не составляло бы несправедливости по отношенію къ бѣднымъ (рабочимъ), оно было бы прекраснымъ средствомъ для развитія англійской торговли и для повышенія рентъ.

питъ время, когда всѣ усилія правительства будутъ направлены преимущественно къ доставленію благосостоянія этимъ классамъ".

Еще болѣе приводятъ въ удивленіе слова Адама Смита современнаго читателя: съ какой стати Адаму Смиту понадобилось останавливаться на подобномъ вопросѣ, не возбуждающемъ въ настоящее время никакого сомнѣнія? Онъ даже склоненъ поставить это въ вину автору, который очевидно допускалъ, что по этому вопросу могутъ существовать два мнѣнія. Но если имѣть въ виду, что въ эпоху Адама Смита этотъ вопросъ, дѣйствительно, являлся очень спорнымъ и рѣшался обыкновенно въ неблагопріятномъ для рабочаго населенія смыслѣ, тогда станетъ понятнымъ, что Адаму Смиту пришлось употребить все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить своихъ многочисленныхъ противниковъ и заставить ихъ отказаться отъ ложнаго взгляда.

Практика вполнѣ соотвѣтствовала господствовавшей теоріи. Закономъ Елисаветы 1563 года предписывалось мировымъ судьямъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и магистратамъ (шерифамъ, белифамъ) въ городахъ ежегодно, спустя шесть недѣль послѣ Пасхи, устанавливать и ограничивать (declaration and limitation) заработную плату прислуги, рабочихъ и ремесленниковъ, причемъ мировымъ судьямъ предоставлялось опредѣлять плату какъ тѣхъ рабочихъ, ремесленниковъ, подмастерьевъ и учениковъ, плата которыхъ установлена прежними статутами или законами, такъ и тѣхъ, плата которыхъ ранѣе не опредѣлялась. § 11 того же закона грозилъ 10 днями тюремнаго заключенія и 5 ф. ст. штрафа всякому предпринимателю, дающему выше установленной мировыми судьями платы, и 21 днемъ заключенія рабочему, берущему больше установленной платы. Наоборотъ, предлагать и получать ниже опредѣленной судьями платы никому не возбранялось; по крайней мѣрѣ, наказанія за это никакого не полагалось.

И, дѣйствительно, заработная плата, опредѣляемая мировыми судьями, признавалась максимальной; въ ихъ опредѣленіяхъ говорится: рабочій или мастеръ долженъ получать не болѣе, чѣмъ столько-то. Дѣйствительная плата была, по вычисленіямъ Роджерса, всегда выше той, которая устанавливалась мировыми судьями, хотя точно опредѣлить разницу между той и другой очень трудно: Роджерсъ вычисляетъ среднюю заработную плату для всей Англіи; плата же, установленная мировыми судьями, извѣстна лишь для того или другого графства. Однако, уже изъ такого сопоставленія, сдѣланнаго Роджерсомъ, видно, что дѣйствительная плата была, во всякомъ случаѣ, нѣсколько выше предписанной мировыми судьями. Повидимому, это именно имѣлъ въ виду Адамъ Смитъ, говоря, что „всегда, когда

законъ старался установить заработную плату рабочаго, онъ желалъ скорѣе понизить ее, чѣмъ повысить..., однако, не достигалъ своей цѣли, и ему никогда не удавалось понизить плату рабочихъ до установленнаго имъ уровня, потому что онъ не въ силахъ былъ воспрепятствовать имъ получать большую плату благодаря конкуренціи, господствующей среди лицъ, нанимающихъ рабочихъ".

Этимъ же объясняется и то обстоятельство, что рабочіе не высказывали никакого сожалѣнія по поводу того, что обычай установленія заработной платы вышелъ изъ употребленія въ XVIII вѣкѣ, и даже были довольны происшедшей перемѣной. Поскольку же они еще въ послѣдней четверти XVIII вѣка требовали опредѣленія платы мировыми судьями, это объяснялось — какъ указываетъ Цвидинекъ — тѣмъ, что „въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разъ установленная плата сохранилась безъ измѣненій въ теченіе многихъ десятилѣтій, въ продолженіе 70 и болѣе лѣтъ, и вслѣдствіе сильнѣйшаго вздорожанія хлѣба, начиная съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка, рабочій уже не въ состояніи былъ существовать при этой платѣ" *). А между тѣмъ предприниматель опирался при заключеніи рабочаго договора на плату, установленную мировымъ судьей, и поэтому рабочій имѣлъ всѣ основанія настаивать на томъ, чтобы эта плата была измѣнена.

Законъ 1563 года, повидимому, не распространялся на рабочихъ суконной промышленности, по крайней мѣрѣ, не примѣнялся къ нимъ, ибо въ 1597 году было разъяснено, въ предупрежденіе недоразумѣній, что мировые судьи должны устанавливать заработную плату и для рабочихъ въ этой отрасли производства. Въ законѣ 1603 года къ этому было прибавлено: если суконщикъ-предприниматель (clothier) даетъ ткачамъ, прядильщикамъ и другимъ рабочимъ и работницамъ плату ниже установленной, то онъ подвергается штрафу въ 10 шиллинговъ. Такимъ образомъ, рабочіе въ суконной промышленности были поставлены въ исключительно благопріятное положеніе; для нихъ максимальная плата являлась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и минимальной **).

---

*) Въ первой половинѣ XVIII вѣка—какъ указываетъ Кэннингэмъ—нормировка заработной платы мировыми судьями происходитъ еще довольно часто, хотя во многихъ случаяхъ они ограничиваются подтвержденіемъ прежнихъ постановленій, не измѣняя платы, несмотря на вздорожаніе пищевыхъ продуктовъ.

**) Въ соотвѣтствующемъ законодательномъ актѣ для Шотландіи 1617 г. мировымъ судьямъ поручается заботиться о томъ, чтобы плата не была ни выше, ни ниже установленной. Наоборотъ, въ статутѣ для Новой Англіи 1633 года запрещалось давать лишь болѣе высокую плату, именно болѣе 14 пенс. и болѣе 2 шилл., смотря по тому, получалъ ли рабочій пищу отъ предприни-

Въ этомъ же законѣ мы находимъ, однако, еще одно любопытное постановленіе, изъ котораго видно, какое значеніе могла имѣть для рабочихъ даже минимальная плата, нормированная мировыми судьями. Законъ 1603 года запрещаетъ скупщику, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и мировымъ судьей, принимать участіе въ установленіи заработной платы для ткачей, валяльщиковъ, прядильщиковъ и другихъ мастеровъ, работающихъ въ суконной промышленности. Однако, какъ указываетъ Фредерикъ Эденъ, писавшій въ концѣ XVIII вѣка, это постановленіе не соблюдалось. „Важнымъ недостаткомъ статута Елисаветы — говоритъ онъ — является то, что, расширивъ власть судей и поручивъ имъ нормировку платы для рабочихъ и работницъ въ различныхъ отрасляхъ производства, онъ значительно усилилъ власть предпринимателей (master-manufacturers) надъ рабочими. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Англіи, гдѣ эти лица, благодаря своему богатству, имѣютъ возможность пріобрѣсти званіе мирового судьи, рабочіе несомнѣнно находятся въ полной зависимости отъ своихъ работодателей“. Въ законахъ, начиная съ 1708 года, постоянно указывается и на то, что только тѣ мировые судьи могутъ рѣшать споры между предпринимателями и рабочими, которые не принадлежатъ къ числу скупщиковъ и не заинтересованы какимъ-либо инымъ образомъ въ суконной промышленности. Изъ того, что это постановленіе повторяется многократно, видно, что и оно не исполнялось, что и здѣсь, какъ и при установленіи заработной платы, скупщики были судьями въ собственномъ дѣлѣ *).

Какъ указываетъ Ломанъ, мировые судьи въ Англіи хотя и назначались центральнымъ правительствомъ, но изъ лицъ, живущихъ въ той же мѣстности, причемъ въ XVI—XVIII ст., когда торговцы шерстью и суконщики заняли важное соціальное положеніе, мировые судьи назначались въ большомъ количествѣ изъ числа скупщиковъ-предпринимателей. Поэтому-то плата, устанавливаемая ими, была обыкновенно ниже той, которая уплачивалась въ дѣйствительности, какъ мы это видѣли выше. Поэтому и положеніе рабочихъ въ су-

---

мателя или нѣтъ; причемъ въ слѣдующемъ году было прибавлено, что наказывается лишь тотъ, кто требовалъ слишкомъ много, но не тотъ, кто уплатилъ больше дозволеннаго (Cunningham). Въ Англіи максимальная плата устанавливалась и впослѣдствіи Такъ, законъ 1768 года запрещаетъ подъ страхомъ высокой пени всякому мастеру-портному въ Лондонѣ и его окрестностяхъ платить своимъ рабочимъ, а послѣднимъ брать болѣе 2 шилл. 7 пенс. въ день, за исключеніемъ случаевъ общественнаго траура (Ад. Смитъ).

*) Нѣчто подобное происходило въ Англіи и въ началѣ XIX вѣка, когда вводилось фабричное законодательство. Мировые судьи, которые разрѣшали споры между фабрикантами и рабочими, состояли во многихъ случаяхъ изъ фабрикантовъ, хотя законъ требовалъ, чтобы фабриканты въ такихъ случаяхъ устраняли себя отъ рѣшенія дѣла.

конной промышленности было еще менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе ихъ въ другихъ отрасляхъ производства, хотя для первыхъ устанавливаемая плата и являлась минимальной: для рабочихъ въ суконной промышленности плату опредѣляли ихъ же хозяева-скупщики, тогда какъ для всѣхъ остальныхъ рабочихъ плата нормировалась все-таки въ большинствѣ случаевъ предпринимателями другихъ отраслей производства.

Во Франціи также во многихъ случаяхъ государство (либо центральное правительство, либо мѣстныя власти) устанавливаютъ высоту заработной платы, причемъ и здѣсь опредѣляется максимумъ платы. Такъ, въ 1687 г. постановлено, что плата для строительныхъ рабочихъ въ Парижѣ должна устанавливаться ежегодно, и запрещается требовать болѣе высокой платы подъ страхомъ тюремнаго заключенія или штрафа. Въ XVI вѣкѣ плата парижскихъ наборщиковъ опредѣляется государствомъ и также является максимальной; плата ліонскихъ наборщиковъ нормируется сенешалемъ. Въ другихъ случаяхъ государство не столько имѣло въ виду интересы предпринимателей, сколько старалось предотвратить колебанія въ заработной платѣ. Примѣръ послѣдняго рода мы находимъ въ шелковой промышленности г. Тулузы. Въ статутѣ XVI вѣка, устанавливавшемъ плату, указывается на то, что цѣлью этого мѣропріятія является предупредить пониженіе заработной платы мастеровъ при сокращеніи сбыта бархатныхъ матерій и повышеніе ея при бойкомъ ходѣ промышленности: въ послѣднемъ случаѣ рабочіе могутъ столь сильно повысить плату, что скупщики вынуждены будутъ увеличить цѣну фабриката; вотъ это-то повышеніе цѣны государство и желаетъ предотвратить. Въ XVIII вѣкѣ „цеховые статуты лишь въ рѣдкихъ случаяхъ устанавливали плату,—говоритъ Левассеръ—но заработная плата и притомъ максимальная плата часто опредѣлялась ордоннансами короля или муниципалитетовъ; подобныя мѣры въ то время никому не казались ненормальными. Какъ лица, получавшія плату выше установленнаго уровня, такъ и тѣ, которыя уплачивали или обѣщали ее, подвергались штрафамъ, доходившимъ въ послѣднемъ случаѣ до нѣсколькихъ тысячъ ливровъ. Что такого рода постановленія дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствовали тогдашнимъ воззрѣніямъ, видно, напр., изъ того, что интендантъ Лангедока Баленвильо въ 1786 году выражаетъ свое удовольствіе по поводу распространенія промышленности въ селахъ, такъ какъ благодаря соединенію промысловъ съ земледѣліемъ заработная плата держится на низкомъ уровнѣ. А Биго де-Сентъ-Кроа въ своемъ сочиненіи: „Mémoire sur les corporations“ признаетъ необходимымъ ограниченіе за-

работной платы и цѣны продуктовъ: все что можетъ быть сбережено, — говоритъ онъ—составляетъ выигрышъ для всякаго человѣка (потребителя), а также для предпринимателя.

Еще любопытнѣе мысли, высказываемыя прусскимъ фабричнымъ директоромъ и членомъ королевской мануфактурной комиссіи Майе, изложенныя имъ въ „Mémoire sur les manufactures de Lyon“ въ 1786 году. Силу ліонской промышленности и основную причину того, что ліонскія издѣлія продаются по дешевой цѣнѣ, онъ усматриваетъ „въ низкой заработной платѣ, а это послѣднее обстоятельство вызывается слѣдующими двумя причинами: трудолюбіемъ и умѣренностью ліонскаго рабочаго“. „Для того, чтобы мануфактуры процвѣтали,—говоритъ Майе—необходимо, чтобы рабочій всегда имѣлъ лишь ровно столько, сколько ему нужно на пропитаніе и одежду, но никогда не болѣе этого. Слишкомъ хорошее матеріальное положеніе усыпляетъ дѣятельность, развиваетъ бездѣліе и другіе связанные съ нимъ пороки. Чѣмъ лучше благосостояніе рабочаго, тѣмъ труднѣе его заставить работать, и тѣмъ большую онъ требуетъ плату. А разъ повысившись, заработная плата продолжаетъ и впослѣдствіи возрастать. Это потокъ, который уничтожаетъ всѣ находящіяся на его пути преграды. Поэтому для фабрикантовъ крайне важно держать рабочихъ въ такомъ положеніи, чтобы они постоянно нуждались въ работѣ. Они никогда не должны забывать того, что низкая заработная плата не только выгодна сама по себѣ, но и потому, что при низкой платѣ рабочій болѣе трудолюбивъ, болѣе скроменъ, болѣе покоренъ (цит. у Godart, „L'ouvrier en soie“). Мы находимъ здѣсь много общаго съ тѣмъ, что высказывалось англійскими писателями этой эпохи. И тутъ, и тамъ указывается на то, что заработная плата должна находиться на такомъ уровнѣ, при которомъ рабочій имѣетъ возможность удовлетворять лишь самыя необходимыя потребности, такъ какъ иначе власть предпринимателя надъ нимъ уменьшается, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорожаютъ и производимые имъ товары, слѣдовательно, затрудняется конкуренція на рынкѣ.

Подобныхъ же взглядовъ придерживались и въ Австріи. По поводу установленія государствомъ платы для прядильщиковъ Марія-Терезія писала слѣдующее: „Я вполнѣ одобряю прекрасное намѣреніе торговаго совѣта понизить заработную плату на нѣкоторыхъ мануфактурахъ для того, чтобы этимъ путемъ удешевить товары; хотя въ Вѣнѣ въ настоящее время трудно будетъ провести эту мѣру, въ виду усиливающейся дороговизны средствъ продовольствія, въ особенности послѣ того, какъ рабочіе получали въ теченіе про-

должительнаго времени высокую плату“ (цит. у Beer, „Oest. Volkswirtsch. unter Maria-Theresia“). Президентъ торговаго совѣта, осматривавшій въ 1762 году иголочную мануфактуру въ Надельбургѣ, находилъ, что плохой сбытъ ея издѣлій вызывается ихъ дороговизной, которая, въ свою очередь, является послѣдствіемъ „дорогой платы“, ибо рабочіе въ теченіе нѣсколькихъ дней зарабатываютъ столько, что они въ состояніи совсѣмъ не работать остальные дни.

Наконецъ, и въ Пруссіи „въ правящихъ кругахъ развилось убѣжденіе, что удешевленіе производства и расширеніе рынка сбыта можетъ быть достигнуто преимущественно путемъ пониженія рабочей платы“. Въ лучшую пору своего существованія—говоритъ Молчановскій—цехи имѣли въ виду обезпечить мастерамъ приличный заработокъ, не давая платѣ (или, вѣрнѣе, цѣнѣ продукта) упасть ниже опредѣленнаго уровня. Фридрихъ II, наоборотъ, употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы понизить заработную плату въ производствахъ, предназначенныхъ для иностраннаго сбыта и, такимъ образомъ, завладѣть заграничными рынками.

Что касается другихъ странъ, то во многихъ случаяхъ мы не находимъ никакого прямого вмѣшательства государства въ установленіе заработной платы: въ Базелѣ, въ Эльзасѣ, въ Саксоніи оно ограничивается запрещеніемъ скупщикамъ, подъ страхомъ наказанія, давать болѣе обычной платы и этимъ путемъ переманивать къ себѣ болѣе искусныхъ рабочихъ. Тамъ же, гдѣ государство принимало участіе въ установленіи платы, какъ, напримѣръ, въ Вюртембергѣ, оно едва ли стояло на сторонѣ рабочихъ. Въ 1621 г. скупщикамъ г. Кальва было запрещено самостоятельно, безъ участія властей, опредѣлять плату кустарей. Съ этихъ поръ одностороннее опредѣленіе платы скупщиками замѣнилось соглашеніемъ между обѣими сторонами при участіи администраціи. Мѣстные чиновники руководили совѣщаніемъ, и установленная такимъ путемъ плата утверждалась мѣстной властью. Этотъ способъ практиковался до начала XVIII вѣка, когда администрація перестала участвовать въ установленіи платы; послѣдняя являлась результатомъ соглашенія между скупщиками и рабочими, которое происходило два раза въ годъ, причемъ цѣна съѣстныхъ припасовъ совершенно не принималась во вниманіе. Для прядильщиковъ же съ конца XVI вѣка опредѣлялась статутами максимальная плата, хотя вслѣдствіе большого спроса на пряжу платилось обыкновенно нѣсколько больше установленнаго размѣра. Сомнительно, однако, чтобы участіе администраціи въ установленіи платы могло доставлять существенную выгоду ра-

бочему населенію. Надо имѣть въ виду, что кальвская компанія торговли шерстяными издѣліями основана была при содѣйствіи и поощреніи со стороны государства и послѣднее всегда держалось того мнѣнія, что процвѣтаніе компаніи должно стоять на первомъ планѣ, и что оно, во всякомъ случаѣ, важнѣе, чѣмъ охрана интересовъ рабочихъ. Считая компанію „ein konsiderables Kleinod des Landes“, правительство мало заботилось о ея рабочихъ, и нарушеніямъ принятыхъ на себя компаніей обязательствъ по отношенію къ рабочимъ придавало мало значенія. Къ этому присоединялись еще другія невыгодныя для рабочихъ обстоятельства. Правительство находилось въ нѣкоторой зависимости отъ компаніи, дѣлая у нея займы на значительныя для того времени суммы: въ 1731—1732 гг. долгъ правительства компаніи равнялся 16.500 гульд., долгъ герцога Карла въ 1762 г. 20.000 гульд. Далѣе, мѣстныя власти находились въ очень близкихъ, отчасти даже родственныхъ отношеніяхъ къ членамъ компаніи и стояли всецѣло на сторонѣ послѣдней; поступавшія къ нимъ жалобы отъ рабочихъ были совершенно напрасны, ибо чиновники получали ежегодно „подарки“ отъ компаніи въ вознагражденіе „за свои труды“. Высшая же администрація отчасти была сама заинтересована въ прибыляхъ компаніи, принимая въ ней участіе своими капиталами, отчасти находилась на жалованіи у компаніи. При этихъ условіяхъ понятно, что предприниматели являлись полновластными хозяевами, и эксплуатація рабочаго населенія при содѣйствіи властей должна была принять грандіозные размѣры (Трельтшъ).

Мы видѣли выше, что положеніе рабочихъ на рынкѣ труда было крайне неблагопріятно; подъ вліяніемъ мѣропріятій государства оно становилось еще болѣе невыгоднымъ, въ особенности поскольку устанавливалась максимальная заработная плата. Заработная плата опредѣляется борьбой между предпринимателями и рабочими на рынкѣ труда. Но такая борьба происходитъ всегда въ извѣстныхъ предѣлахъ: максимальная граница заработной платы опредѣляется тѣмъ минимумомъ прибыли, который долженъ оставаться предпринимателю для того, чтобы онъ имѣлъ интересъ вести предпріятіе; минимальная граница опредѣляется тѣмъ минимумомъ средствъ, который необходимъ для существованія рабочаго и его семьи. Заработная плата всегда находится между этими двумя предѣлами, если имѣть въ виду, конечно, продолжительные періоды, ибо въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій она можетъ выходить за эти предѣлы. Вслѣдствіе установленія максимальной платы государствомъ одна изъ границъ заработной платы, именно высшая граница искусственно по-

нижалась, тогда какъ другая, минимальная граница не измѣнялась. Государство обыкновенно не понижало существующей платы, а превращало въ максимальную плату ту, которая господствовала въ данное время, и затѣмъ уже сохраняло ее въ теченіе многихъ десятилѣтій, не давая ей повыситься, между тѣмъ какъ все остальное, всѣ товары возрастали въ цѣнѣ. Установленіе максимальной платы приводило, слѣдовательно, къ тому, что въ то время, какъ цѣнность денегъ въ XVI—XVII ст. сильно упала, и всѣ товары значительно вздорожали, заработная плата не измѣнилась, или, вѣрнѣе, хотя номинальная плата и нѣсколько возросла (ибо, какъ мы видѣли, дѣйствительная плата обыкновенно нѣсколько превышала установленную), но далеко не повысилась въ томъ размѣрѣ, какъ это должно было бы произойти въ виду паденія цѣнности денегъ; слѣдовательно, реальная плата, выражающая покупную способность рабочихъ, значительно понизилась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Уменьшеніе заработной платы въ XVI—XVIII ст.—Расплата товарами.—Продолжительность рабочаго дня.—Стремленіе къ распространенію труда женщинъ и дѣтей.

Дѣйствительно, въ XVI—XVIII ст. реальная заработная плата сильно упала. По исчисленіямъ Вибе, въ XVI и XVII ст. денежная плата въ Эльзасѣ и во Франціи возросла на 30 — 40 проц., между тѣмъ какъ цѣны товаровъ повысились въ среднемъ на 100 проц., въ Англіи денежная плата увеличилась на 100 проц., а уровень цѣнъ — на 150 проц. Къ сожалѣнію, данныя, сообщаемыя Вибе, относятся преимущественно къ поденщикамъ и рабочимъ въ строительныхъ промыслахъ; но, какъ онъ указываетъ, подобныя же измѣненія произошли и въ заработной платѣ промышленныхъ рабочихъ. Вибе устанавливаетъ бюджетъ рабочихъ для различныхъ періодовъ, принимая во вниманіе измѣненіе въ цѣнахъ потребляемыхъ ими продуктовъ, и на основаніи этого выводитъ слѣдующія цифры. Принимая реальную плату 1467 — 1500 гг. за 100, получаемъ слѣдующую плату строительныхъ рабочихъ въ Мюнстерѣ: въ 1501—1520 гг. 80, въ 1521—1550 гг. 87, въ 1551—1560 гг. 78; плата поденныхъ рабочихъ въ тѣ же періоды равняется 111, 78 и 92. Въ Эльзасѣ средняя заработная

плата (взявъ 1451—1500 гг. за 100) составляетъ въ 1501—1525 гг. 106, въ 1526—1550 гг. 81, въ 1551—1575 гг. 55, въ 1576 — 1600 гг. 52, въ 1601 — 1650 гг. 40, въ 1651—1700 гг. 45; въ Англіи она равняется въ среднемъ: въ 1501—1520 гг. 88, 1521—1550 гг. 70, въ 1551—1570 гг. 57, въ 1571 — 1602 гг. 47, въ 1603 — 1652 гг. 40 и въ 1654—1702 гг. 47. „Такимъ образомъ, — прибавляетъ онъ, — реальная плата начала понижаться уже въ началѣ XVI вѣка, и это уменьшеніе достигло къ срединѣ столѣтія значительныхъ размѣровъ. Но лишь во второй половинѣ XVI вѣка сокращеніе покупательной способности рабочихъ стало опаснымъ. Въ теченіе XVII вѣка денежная плата значительно повысилась, но этимъ лишь предотвращалось дальнѣйшее паденіе реальной платы. Къ концу XVII вѣка послѣдняя составляла не болѣе половины той реальной платы, которую рабочіе получали въ концѣ среднихъ вѣковъ".

Роджерсъ беретъ за исходную точку реальную плату англійскихъ рабочихъ въ 1495 году и сравниваетъ съ ней плату слѣдующихъ столѣтій. Оказывается, что то количество хлѣба, которое нужно было ремесленнику для прокормленія своей семьи въ теченіе года, онъ пріобрѣталъ въ 1495 году на плату, получаемую имъ въ теченіе десяти недѣль, такъ что весь заработокъ остальныхъ 42 недѣль могъ затрачиваться на удовлетвореніе другихъ потребностей. Между тѣмъ то же количество хлѣба ремесленникъ вырабатывалъ въ 1533 году въ 14—15 недѣль, въ 1564 году въ 20 недѣль, въ 1593 году въ 40 недѣль, въ 1610 и въ 1653 году въ 43 недѣли, въ 1684 году въ 48 недѣль, а въ 1725 году всего его заработка не хватало на пріобрѣтеніе одного только необходимаго ему количества хлѣба. Во второй четверти XVIII вѣка реальная плата значительно повысилась, ибо и денежная плата возросла, и цѣны на хлѣбъ понизились одновременно, однако, съ 60-хъ годовъ хлѣбныя цѣны стали снова повышаться сильнѣйшимъ образомъ и, несмотря на увеличеніе денежной платы, къ концу XVIII вѣка реальная плата настолько понизилась, что рабочіе не въ состояніи были существовать безъ поддержки со стороны органовъ призрѣнія бѣдныхъ.

Пониженіе реальной платы, вслѣдствіе недостаточнаго возрастанія денежной, происходитъ и въ Вюртембергѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка годовая заработная плата кустарей въ шерстяной промышленности соотвѣтствуетъ 25 (въ 1663 г.) и даже 33 шефел. полбы (въ 1674 г.); между тѣмъ въ первой половинѣ XVIII вѣка она равняется всего 20 (въ 1727 г) и даже 17—19 шеф.

(въ 1754 г.). Въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка реальная плата значительно повышается, доходя до 26 и даже 35 шеф., но уже въ 1774 г. падаетъ на 14 — 20 шеф., т.-е. до уровня 30 — 50-хъ годовъ, а въ 90-хъ годахъ она составляетъ всего 10 и даже 6 шеф.

Денежная плата французскаго (промышленнаго) рабочаго (на современныя деньги) составляетъ по д'Авенелю: въ средневѣковый періодъ—900 фр., въ началѣ XVI вѣка—1230 фр., въ 1576—1625 гг.—750 фр., въ 1626—1675 гг.—562—580 фр., въ 1676—1700 гг.—516 фр.; она нѣсколько повышается въ теченіе второй четверти XVIII вѣка и падаетъ снова въ третьей четверти до 576 фр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, понижается и покупная способность денегъ. Принимая современную покупную силу денегъ за единицу, д'Авенель получаетъ для средневѣковаго періода (до 1450 г.) 3 — $4^1/_2$, а для второй половины XV вѣка — 6, но затѣмъ идетъ непрерывное паденіе покупной силы денегъ: въ теченіе XVI вѣка она составляетъ по четвертямъ вѣка 5, 4, 3 и $2^1/_2$ и въ XVII ст.—3, $2^1/_2$ 2, $2^1/_3$, немного выше покупная способность денегъ въ первую половину XVIII вѣка ($2^3/_4$ и 3), во второй же половинѣ она снова падаетъ до низшаго уровня (который занимала въ 1651—1700 гг.) — $2^1/_3$ и 2.

Такимъ образомъ, и размѣры денежной платы сильно понизились, и покупная способность ея упала, реальная плата, слѣдовательно, сократилась вдвойнѣ. Въ то время, какъ вторая половина XV вѣка во Франціи—какъ и въ Англіи—является періодомъ особенно благопріятнымъ для рабочаго населенія, въ XVI вѣкѣ, въ особенности во второй половинѣ его, въ большей части XVII ст. и во второй половинѣ XVIII ст. условія жизни рабочаго были весьма печальны. Д'Авенель приводитъ различныя данныя относительно денежной поштучной платы (выраженной въ современныхъ деньгахъ), которыя особенно интересны, такъ какъ въ кустарной промышленности заработная плата имѣла именно поштучный характеръ. Въ то время, какъ денежная плата за пряжу килограмма пеньки, льна или пакли въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка равнялась 2 фр. 35—4 фр. 20, она сто лѣтъ спустя не превышала 1 фр. 25—2 фр. 10; въ концѣ царствованія Людовика XIV за пряжу пакли уплачивалось 1 фр. 10, за пряденье льна $1^1/_2$ фр., и тотъ же уровень плата сохранила вплоть до конца XVIII вѣка. Въ производствѣ тканей изъ этихъ матеріаловъ плата (за метръ простого холста) понижается съ 70 см. во второй половинѣ XV вѣка до 60 см. въ началѣ XVI вѣка, 40 см. во второй четверти его

и 30 см. въ третьей четверти; затѣмъ она вновь возрастаетъ на 40 см. въ концѣ XVI ст. и на 50 см. въ теченіе XVII вѣка, не достигая все же уровня начала XVI вѣка, а въ концѣ XVIII вѣка снова падаетъ до 30 — 40 см. За изготовленіе холста болѣе высокаго качества ткачъ получалъ за метръ въ XV вѣкѣ 1 — 1,05 фр., въ половинѣ XVI см. 90 см., въ концѣ этого вѣка 75 см., а въ 1790 г. не болѣе 60 см. Только прядильщикъ шерсти оплачивался лучше: въ 1449 г. плата (за килограммъ шерсти) составляла 90 см., въ 1492 г. 1 фр. 80 см., въ первой четверти XVI вѣка 1 фр. 20 см., въ 1567 г. 1 фр. 60 см., въ 1675 г. 2 фр. и столько же въ XVIII вѣкѣ. Это—прибавляетъ д'Авенель — одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ заработная плата возросла въ XVII — XVIII ст. Однако, если имѣть въ виду сильное паденіе покупной силы денегъ, то окажется, что и здѣсь реальная плата въ лучшемъ случаѣ сохранила свой прежній размѣръ.

Заработная плата еще и потому должна была понизиться въ XVI—XVIII ст., что трудъ составлялъ источникъ прибыли не только для скупщика-предпринимателя, но и для его помощниковъ-факторовъ, которые нерѣдко являлись посредниками между нимъ и его многочисленными и разбросанными на значительномъ пространствѣ рабочими. Эти факторы распредѣляли матеріалъ и заказы между кустарями, а изготовленныя послѣдними издѣлія доставляли предпринимателю. При этомъ въ ихъ пользу перепадала значительная часть продукта, ибо они „немилосердно эксплуатировали кустарей, вычитывая изъ заранѣе условленной платы по 10—20, по 40 и даже по 80 проц.“. Въ Плауенѣ въ началѣ XVII вѣка ихъ прибыль равнялась 6 грошен. съ каждыхъ 10 гульденовъ, кромѣ особой платы, получаемой отъ предпринимателя, которая также была значительна. „Эти люди—говоритъ Шмоллеръ—всегда пользуются большою властью надъ населеніемъ, эксплуатація рабочихъ факторами-посредниками явленіе далеко не рѣдкое; населеніе вынуждено подкупать ихъ подарками, яйцами, курами, чтобы имѣть работу, и чтобы получать доброкачественный матеріалъ“.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что условленная плата, какъ она ни была низка, все-таки превышала обыкновенно дѣйствительную плату, ибо плата выдавалась нерѣдко въ формѣ товаровъ, въ которыхъ кустари вовсе не нуждались, и которые они вынуждены были сбывать торговцамъ, теряя на этомъ болѣе или менѣе значительную сумму. „Англійскій скупщикъ конца XV вѣка—говоритъ Охенковскій,—уплачивающій мастеру товарами

и притомъ, какъ видно изъ закона 1464 года, товарами совершенно ненужными послѣднему, представляется намъ мелкимъ торгашемъ, который извлекаетъ свою прибыль не изъ выгодныхъ условій рынка, а при помощи операцій сомнительнаго свойства. Еще въ недавнее время расплата товарами была сильно распространена, но въ разсматриваемый періодъ этотъ способъ расплаты, какъ и обманы при раздачѣ матеріала, имѣли гораздо большее значеніе". Любопытно, что запрещеніе расплаты товарами повторяется въ Англіи въ 1511 году, но спустя три года оно теряетъ свою силу, ибо законъ 1511 года былъ изданъ лишь на три года, когда же онъ былъ возобновленъ въ 1514 году, объ этомъ запрещеніи уже не было ни слова. Оно снова появилось лишь двѣсти лѣтъ спустя, въ 1701 году, такъ что въ періодъ наибольшаго развитія кустарной промышленности расплата товарами нисколько не возбранялась.

Въ нюрнбергскомъ статутѣ, относящемся къ срединѣ XVI вѣка, говорится, что купцы должны платить мастерамъ чистой монетой, а не товарами въ родѣ вина, телѣгъ, хромыхъ лошадей, испорченныхъ денегъ или иныхъ предметовъ, которые засчитываются въ плату выше ихъ дѣйствительной стоимости. Купцы не въ правѣ также задерживать плату въ теченіе продолжительнаго времени или вычитать проценты изъ заработной платы, а обязаны уплачивать ее по четвертямъ года или, самое позднее, по полугодіямъ (!), чтобы мастера въ состояніи были пріобрѣтать все необходимое имъ для жизни. Въ ножевомъ производствѣ Рулы всѣ мастера въ одинъ голосъ жаловались на эксплуатацію скупщиковъ, которые платятъ имъ не деньгами, а сталью и желѣзомъ и другими матеріалами, а также съѣстными припасами, засчитывая ихъ по высокимъ цѣнамъ; правительство пробовало-было бороться съ этими злоупотребленіями, но всѣ мѣры оказались безуспѣшными: благодаря монопольному положенію скупщиковъ, запрещенія оставались мертвой буквой. Точно также въ Золингенѣ и въ Эрлангенѣ расплата товарами практиковалась въ широкихъ размѣрахъ.

Кальвская компанія въ XVII вѣкѣ заставляла ткачей брать вмѣсто денегъ сало (для натиранія шерсти) и въ особенности крашеныя матеріи низкихъ сортовъ. Въ теченіе $3\frac{1}{2}$ лѣтъ она такимъ путемъ сбыла матерій на сумму свыше 30 тысячъ гульденовъ, что составляетъ 10 проц. уплаченной за это время заработной платы. Ткачи вынуждены были сбывать эти матеріи съ убыткомъ для себя трактирщикамъ и пекарямъ, которые, въ свою очередь, продавали ихъ другимъ лицамъ, и, въ концѣ концовъ, компанія пріобрѣтала ихъ вновь съ барышомъ. Расплата этими товарами производилась лишь

въ теченіе одного періода, зато расплата шерстью практиковалась вплоть до половины XVIII вѣка, причемъ тѣмъ мастерамъ, которые отказывались принимать шерсть, дѣлался вычетъ изъ установленной платы Правительство разрѣшало скупщикамъ выручать прибыль въ размѣрѣ одного, а впослѣдствіи и двухъ крейцеровъ съ каждаго фунта сбываемой такимъ путемъ шерсти. Въ дѣйствительности, однако, компанія извлекала гораздо большую прибыль: 4—5 крейцеровъ на фунтѣ шерсти. Расплата съ мастерами производилась въ XVII вѣкѣ компаніей лишь послѣ того, какъ товары были проданы на рынкѣ; если же мастера требовали плату до этого срока, то компанія дѣлала изъ нея вычетъ. Въ XVIII вѣкѣ половина заработной платы выдавалась сейчасъ же, т.-е. при пріемѣ товаровъ, другая половина—впослѣдствіи.

И въ другихъ вопросахъ взгляды теоретиковъ и дѣйствительность шли рука-объ-руку. Экономисты (см. выше) настаивали на необходимости 14-тичасового рабочаго дня, на сокращеніи промежутковъ во время работы. Законъ Елисаветы 1562 года дѣйствительно опредѣлялъ рабочій день въ 14—15 час., причемъ допускалъ перерывы въ общемъ не свыше $2^1/_2$ час., наименьшую же обязательную продолжительность перерывовъ законъ не опредѣлялъ; слѣдовательно, онъ устанавливалъ минимальный рабочій день. Въ двухъ другихъ англійскихъ законахъ, изданныхъ въ 1721 и 1767 годахъ для лондонскихъ портныхъ, рабочій день опредѣленъ въ 13—14 часовъ (съ перерывомъ въ одинъ часъ), за что полагается поденная плата въ 1 шилл. 8 пенс. (по закону 1721 г.) и въ 2 шилл. $7^1/_2$ пенс. (по закону 1767 г.). Если подмастерье соглашается дольше работать, то онъ получаетъ добавочное вознагражденіе. И здѣсь, слѣдовательно, установленъ максимумъ платы и минимальный рабочій день *).

Подобный же характеръ имѣетъ постановленіе сукноструговъ г. Мюнстера въ началѣ XVII в. (1607 г.). Рабочій день опредѣляется въ 14 часовъ; но это относится лишь къ тому времени, за которое уплачивается плата по времени и не допускается поштучная плата; ибо далѣе въ статутѣ говорится: „если бы мастеру понадобилась спѣшная работа, онъ можетъ заставить подмастерьевъ за приличную плату работать и до утренняго колокола, раздающа-

*) Въ одной англійской брошюрѣ, вышедшей въ 1747 году, приводятся данныя о продолжительности рабочаго времени въ 118 предпріятіяхъ Лондона, изъ нея видно, что въ 100 изъ 118 предпріятій работали отъ 6 час. утра до 8—9 час. вечера, т.-е. 14—15 часовъ въ сутки (цит. у Webb, «Labour in the longest reign»)

гося въ 5 часовъ утра, равно какъ и послѣ вечерняго звона въ 6 часовъ вечера".

Во Франціи (см. Levasseur, Boissonade, Godart и др.) мы находимъ въ XVI—XVIII ст. тотъ же рабочій день въ 14 и болѣе часовъ, который господствовалъ въ средніе вѣка. Такъ, типографскіе рабочіе въ Парижѣ работали 14 часовъ въ сутки, оловянники 15 часовъ, переплетчики 16 часовъ; требованіе послѣднихъ о сокращеніи работы до 14 часовъ въ сутки оставлено безъ вниманія. Въ Версалѣ рабочій день цеха желѣзниковъ продолжался съ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера съ перерывомъ на два часа. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочій день былъ нѣсколько короче, 12—13 часовъ, но одновременно съ этимъ мы встрѣчаемъ рабочій день въ 16 часовъ и болѣе. Парижскій цехъ футлярщиковъ, цехъ перчаточниковъ, цехъ, изготовляющій карты, всѣ они проводятъ не менѣе 16 часовъ за работой (XVI ст.); ткачи въ Пуатье и ножевщики въ Шательро работаютъ съ 6 час. утра до 9 час. вечера; позже имъ запрещается работать, однако, не безусловно, ибо „въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства", они могутъ продолжать производство и послѣ 9 часовъ вечера. Такими случаями признаются у парижскихъ портныхъ не только работа для членовъ королевской фамиліи, но и шитье свадебныхъ одеждъ, далѣе окончаніе начатой работы и передѣлка уже готоваго платья—во всѣхъ этихъ случаяхъ можно работать не только ночью, но и въ праздничные дни. Ночная работа была обычной и у сапожниковъ. Въ другихъ цехахъ даже ученики обязаны были работать позже 10 часовъ вечера, если являлось опасеніе, что начатая работа, вслѣдствіе остановки, можетъ испортиться. Въ ліонской шелковой промышленности рабочій день равняется 18 часамъ и болѣе, причемъ перерывъ не долженъ продолжаться болѣе $^1/_4$ часа каждый разъ, а рабочій день типографскихъ наборщиковъ начинался въ 2 часа утра и оканчивался лишь въ 8—9 часовъ вечера.

Еще болѣе, чѣмъ къ удлиненію рабочаго дня, и теоретики и практики въ XVII—XVIII ст. стремятся къ возможно широкому примѣненію въ промышленности труда женщинъ и малолѣтнихъ. Роланъ де-ла-Платьеръ, другъ народа и демократъ, какъ его называетъ Жоресъ, возмущается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ліонской промышленности цеховыми регламентами не допускается женскій трудъ (изъ опасенія конкуренціи женщинъ цеховымъ рабочимъ). Онъ находитъ, что женщины работаютъ лучше и болѣе усидчиво и болѣе пригодны для производства предметовъ роскоши, нежели мужчины, что онѣ болѣе спокойны, не склонны

къ волненіямъ и забастовкамъ, удовлетворяются меньшимъ и соглашаются работать за меньшую плату. Извѣстный австрійскій камералистъ XVII вѣка Гернигкъ приводитъ кружевное производство Аннеберга какъ примѣръ достойный подражанія: на пространствѣ 8—10 миль въ этой отрасли промышленности свыше 10 тысячъ женщинъ и дѣтей, зарабатывающихъ въ недѣлю по 12—16 грошеновъ; даже уменьшивъ плату до 10 грошеновъ, получается огромная сумма въ 350 тысячъ гульденовъ годового заработка. Это производство не составляло, однако, исключенія; то, чего желалъ Гернигкъ, мы находимъ повсюду, гдѣ существовала кустарная промышленность, производившая для обширнаго рынка. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ мы видѣли выше, женщины составляютъ значительную часть рабочихъ, изготовляющихъ продукты для скупщиковъ, и въ ихъ лицѣ скупщикъ часто пріобрѣталъ сильное оружіе въ борьбѣ съ цеховой монополіей.

Такимъ образомъ, Гернигкъ считаетъ необходимымъ участіе въ промышленности не только женщинъ, но и дѣтей. Другой не менѣе крупный камералистъ этой эпохи Юсти находитъ, что дѣтей слѣдуетъ пріучать къ труду съ самаго ранняго возраста, что „имѣются сотни всевозможныхъ видовъ труда, для которыхъ дѣти пригодны уже съ 5—6-лѣтняго возраста; въ этомъ случаѣ трудъ какъ бы становится второй ихъ природой, и бездѣлье имъ совершенно не извѣстно“. Онъ указываетъ на то, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ торговля и промышленность развиваются, какъ въ Англіи и Голландіи, дѣти работаютъ съ 4—6 лѣтъ, тогда какъ въ другихъ государствахъ, гдѣ нѣтъ склонности къ полезному труду, они занимаются играми и бездѣліемъ.

Юсти является здѣсь выразителемъ общераспространеннаго взгляда. Марксъ жестоко ошибался, утверждая, что примѣненіе дѣтскаго труда до появленія машинъ составляло явленіе исключительное *). „Лучшіе люди, наиболѣе ревностные филантропы XVII—XVIII ст.,—говоритъ Готейнъ— дѣйствуютъ въ этомъ направленіи, всячески содѣйствуютъ распространенію труда малолѣтнихъ“.—„Какой наивной радостью преисполнялись люди XVIII вѣка, когда имъ удавалось доставлять дѣтямъ полезную работу въ возможно раннемъ возрастѣ: конгрессъ, засѣдавшій въ Раштадтѣ въ 1714 году по поводу заключенія мира, рѣшилъ устроить прядильню для бѣдныхъ дѣтей—она должна была наилучшимъ образомъ увѣковѣчить дѣя-

*) См. также ниже, послѣднюю главу (положеніе рабочихъ на мануфактурахъ).

тельность конгресса" (Геркнеръ). „Удлиненіе рабочаго дня—говоритъ Видфельдтъ въ своей „Исторіи берлинской промышленности"—въ XVIII вѣкѣ всячески поощрялось, примѣненіе дешеваго женскаго и дѣтскаго труда въ промышленности считалось явленіемъ отраднымъ".

Фридрихъ Великій покровительствовалъ распространенію труда женщинъ и малолѣтнихъ и находилъ примѣненіе его столь важнымъ, что во время своего пребыванія въ Силезіи въ 1766 году онъ заявилъ тамошнимъ скупщикамъ, что пришлетъ имъ тысячу дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ для употребленія ихъ въ пряжѣ холста. Онъ былъ возмущенъ, когда скупщики отказались отъ его предложенія. Марія-Терезія (см. Mises, „Gesch. der oesterr. Fabrikgesetzgeb."— „Zeitschr. für Volkswirtschaft". 1905) также признавала чрезвычайно важнымъ пользованіе праздным и дешевымъ трудомъ женщинъ, дѣтей и стариковъ въ области промышленности. Поэтому школа должна быть въ то же время и мастерской, гдѣ дѣти обучаются пряденью, вязанью, ткачеству. Многіе родители не въ состояніи посылать дѣтей въ школу, ибо не могутъ обойтись безъ ихъ помощи въ хозяйствѣ; но положеніе совершенно измѣняется, если тѣ же дѣти приносятъ изъ школы заработанныя ими промышленнымъ трудомъ деньги. Пользованіе дѣтскимъ трудомъ не должно, однако, начинаться слишкомъ поздно, ибо мальчикъ или дѣвочка, начинающіе работать въ 14 лѣтъ, не произведутъ и половины того, что двое другихъ дѣтей равныхъ способностей и силы, но начавшіе работать уже съ 6 лѣтъ. И въ Австріи, какъ и въ Германіи и Франціи, дѣйствительно дѣти работали съ самаго ранняго возраста.

Въ Англіи въ эпоху развитія домашней (кустарной) промышленности точно также „наивно думали, что съ примѣненіемъ дѣтскаго труда улучшится матеріальное положеніе населенія". Скупщики, добивавшіеся протекціонныхъ пошлинъ на сбываемые ими товары, ссылались на то, что данная отрасль промышленности доставляетъ заработокъ женщинамъ и дѣтямъ; даже шестилѣтнія дѣти — говорили они—будутъ добывать себѣ пропитаніе. Дѣйствительно, въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда машинъ еще не было, въ хлопчатобумажной промышленности, въ шелковой промышленности, въ производствѣ парусовъ, въ бирмингемскомъ промыслѣ металлическихъ издѣлій—какъ указываетъ Гельдъ—работали дѣти 5—7 лѣтняго возраста, какъ только они становились сколько-нибудь пригодными для этого. Извѣстный изобрѣтатель прядильной машины Джорджъ Кромптонъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое дѣтство. „Едва я сталъ ходить, какъ меня заставили работать въ бумаготкацкомъ производствѣ. Пряжу моя мать клала въ глубокую коричневую

лохань, куда вливалась мыльная вода. Затѣмъ она загибала мнѣ платье и ставила меня въ лохань, чтобы я отбивалъ ногами пряжу. Воду она каждый разъ прибавляла, послѣ чего я вновь приступалъ къ работѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока лохань не наполнялась настолько водой, что я уже не въ состояніи былъ стоять въ ней. Тогда мать придвигала къ ней стулъ, за спинку котораго я держался".

Хотя, такимъ образомъ, эксплуатація дѣтскаго труда составляла явленіе общераспространенное въ кустарной промышленности, считавшееся вполнѣ естественнымъ въ тѣ времена, но англичанинъ Уаррантонъ, писавшій въ 1677 году, находилъ примѣненіе труда малолѣтнихъ, очевидно, еще недостаточнымъ, указывая въ качествѣ примѣра, достойнаго подражанія на „промышленныя школы", которыя онъ видѣлъ въ Германіи, гдѣ двѣсти дѣвочекъ подъ надзоромъ мастерицы, безъ остановки, при полномъ молчаніи пряли шерсть, подвергаясь наказанію за плохую или недостаточно скорую работу. „Въ этой странѣ,—прибавляетъ онъ,—кто имѣетъ больше дѣтей, тотъ и живетъ лучше, тогда какъ у насъ, чѣмъ ихъ больше, тѣмъ бѣднѣе человѣкъ; тамъ дѣти обогащаютъ отца, здѣсь они доводятъ до нищеты". Болѣе оптимистически смотрѣлъ на дѣло писавшій 50 лѣтъ спустя (въ 20-хъ годахъ XVIII ст.) Даніэль Дефоэ. Онъ приходитъ въ восхищеніе отъ трудолюбія, которымъ отличается населеніе въ Галифаксѣ: „женщины и дѣти расчесываютъ шерсть или прядутъ; всѣ работаютъ, отъ мала до велика; не видно ни нищихъ, ни праздношатающихся; съ пятилѣтняго возраста всякій въ состояніи снискивать себѣ пропитаніе".

Любопытно, что подобными восторженными описаніями благосостоянія ткачей Дефоэ вызвалъ у писателей XIX вѣка идиллическія изображенія добраго стараго времени, когда еще господствовала кустарная форма производства, чтобы тѣмъ ярче оттѣнить мрачную картину фабричной жизни XIX вѣка съ ея эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда! На самомъ дѣлѣ послѣдняя является, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ фактовъ, наиболѣе характерной для періода XVII—XVIII ст. Широкое примѣненіе въ промышленности труда малолѣтнихъ (дальше мы увидимъ, что это происходило не только въ кустарной промышленности, но и въ централизованныхъ мануфактурахъ) считалось необходимымъ въ тѣ времена не только потому, что дѣти своимъ трудомъ доставляли матеріальную помощь родителямъ, заработокъ которыхъ (см. выше) былъ весьма низокъ, но и въ цѣляхъ развитія самой промышленности. Съ одной стороны, работая съ малолѣтства, дѣти пріобрѣтали на-

выкъ и воспитывалось промышленное рабочее населеніе; съ другой—промышленность пользовалась трудомъ, который иначе, какъ и трудъ женщинъ и стариковъ, оставался бы неиспользованъ, пропадалъ бы даромъ. Въ-третьихъ, устранялась праздность въ населеніи — мать всѣхъ пороковъ. Наконецъ, промышленники этимъ путемъ, какъ и благодаря труду женщинъ и стариковъ, пріобрѣтали дешевую рабочую силу, а это, въ свою очередь, сокращало издержки производства и давало возможность произведеніямъ національной промышленности конкурировать съ иностранными товарами. Конечно, трудъ съ ранняго возраста отражался вредно на физическомъ и умственномъ развитіи дѣтей, лишалъ ихъ возможности обучаться грамотѣ, набрать необходимыя для работы силы; но на это въ то время обращали мало вниманія—столь же мало, какъ на отсутствіе водопроводовъ и освѣщенія въ городахъ, какъ на то, что нечистоты сваливались на улицахъ и площадяхъ, являясь разсадниками эпидемій чумы и тифа (см. Кулишера, „Лекціи ист. экономич. быта“, стр. 254 и сл.).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Общее положеніе рабочихъ въ кустарной промышленности.

Скупщики-предприниматели извлекали большую прибыль изъ труда кустарей, между тѣмъ какъ положеніе послѣднихъ было весьма тяжелое. „Несправедливое отношеніе предпринимателей къ рабочимъ — говоритъ Ломанъ („Engl. Wollen-Gewerbe im XV—XVIII Jahr“) — было, хотя и не единственной, но несомнѣнно главной причиной того, что нужда и отчаяніе вызвали среди рабочихъ англійской шерстяной промышленности рѣшительное противодѣйствіе, которое угрожало опасностью не только предпринимателямъ, но и общественному спокойствію, чѣмъ только и можно оправдать тѣ жестокія мѣры, къ которымъ прибѣгало государство по отношенію къ рабочимъ. Законы, изданные государствомъ, направлены, во-первыхъ, противъ подлоговъ и обмановъ, производимыхъ рабочими по отношенію къ имуществу скупщиковъ въ видѣ полученныхъ для обработки матеріаловъ и полуфабрикатовъ; далѣе, противъ организацій рабочихъ, возникшихъ съ цѣлью достиженія болѣе выгодныхъ условій труда и заработной платы и для осуществленія изданныхъ въ инте-

ресахъ рабочихъ, но не примѣняемыхъ на практикѣ, законовъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, противъ насильственныхъ дѣйствій и преступленій, къ которымъ прибѣгали рабочіе, когда всѣ остальныя мѣры оказывались безуспѣшными".

„Рабочіе флорентинской промышленности—читаемъ у Дорена—были лишены всякихъ законныхъ средствъ къ улучшенію своего матеріальнаго и соціальнаго положенія. А положеніе это было въ общемъ очень печальное. Лишь высшій слой рабочаго населенія пользовался нѣкоторымъ благосостояніемъ. Огромное большинство жило изо-дня въ день и въ любое время могло очутиться на улицѣ съ протянутой рукой. Избытокъ въ рабочихъ рукахъ, вызываемый постояннымъ притокомъ населенія изъ селъ въ города, а также переселеніемъ ткачей изъ Германіи и Нидерландовъ, приводилъ къ тому, что плата никогда не могла подняться выше Existenzminimum'а, кромѣ тѣхъ случаевъ, конечно, когда крупныя соціальныя катастрофы, въ родѣ Черной смерти, производили переворотъ во всѣхъ условіяхъ жизни". Единственнымъ способомъ борьбы при такихъ условіяхъ—указываетъ онъ далѣе—могло быть лишь грубое насиліе, возстаніе, которое должно было сломить силу капитала. Уже каждый отдѣльный предприниматель былъ экономически гораздо сильнѣе отдѣльнаго рабочаго; „когда же рабочему приходилось бороться съ цѣлой организаціей предпринимателей, когда жалобы рабочихъ разсматривались судомъ, состоящимъ изъ предпринимателей, и малѣйшая попытка съ ихъ стороны, направленная къ улучшенію своего положенія, наказывалась продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ,—тогда борьба становилась слишкомъ неравной, и лишь сила, заключающаяся въ массахъ, физическая сила могла хотя бы временно измѣнить условія жизни рабочаго населенія. Такая временная перемѣна произошла во Флоренціи въ 1378 году, послѣ возстанія Чіомпи, которое, подобно возстанію 1345 года, было вызвано чисто-экономическими причинами: борьбою промышленнаго пролетаріата изъ-за своихъ матеріальныхъ интересовъ.

Каково было положеніе генуэзскихъ рабочихъ въ шелковой промышленности, можно усмотрѣть изъ того обстоятельства, что въ 1447 году 30 ткачей (вѣроятно, половина всѣхъ ткачей) было освобождено, вслѣдствіе бѣдности, отъ уплаты податей. Между тѣмъ, вкладъ цеха скупщиковъ (въ этой отрасли производства) въ банкѣ св. Георгія, независимо отъ имущества отдѣльныхъ членовъ, равнялся въ 1460 году 2.253 фунтамъ, въ 1478 г. 3.171 ф., въ 1482 г. 4.818 ф. и въ 1488 г. 5.718 ф.

Не лучше, чѣмъ въ Англіи и итальянскихъ городахъ, было

матеріальное положеніе рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи и Франціи. „Съ глубокой завистью и злобой — говоритъ Нюблингъ—смотрѣло большинство ткачей, какъ ульмскіе скупщики обогащались все болѣе и болѣе, какъ возрастала земельная собственность, какъ увеличивалось количество замковъ и усадебъ, которыя они пріобрѣтали на доходы отъ сбыта хлопчатобумажныхъ издѣлій, доходы, полученные безъ большого труда, въ то время какъ они, ткачи, проводили всю свою жизнь за станкомъ, несли на себѣ всѣ тягости производства и сбыта и все-таки въ концѣ года должны были благодарить Бога, если имъ удавалось прокормить себя и свою семью". Въ силезской полотняной промышленности прибыль скупщиковъ была, повидимому, достаточно велика, ибо многіе изъ нихъ разбогатѣли на сбытѣ полотна. Въ эпоху завоеванія Силезіи Фридрихомъ Великимъ въ четырехъ городахъ: Гиршбергѣ, Шмидебергѣ, Ландесгутѣ и Грейфенбергѣ насчитывалось 110 очень состоятельныхъ купцовъ, торговавшихъ полотномъ и пряжей. Въ то же время заработокъ ткачей и прядильщиковъ не превышалъ того минимума, который необходимъ для того, чтобы не умереть съ голоду. Въ началѣ XVIII вѣка ткачъ зарабатывалъ едва 5 грош. въ день, а прядильщикъ всего нѣсколько пфенниговъ, и едва ли ихъ заработокъ былъ больше въ предыдущія столѣтія (Zimmerman, „Blüte und Verfall des Leinengew. in Schlesien").

Въ Вюртембергѣ во второй половинѣ XVIII вѣка минимальные расходы семьи, состоящей изъ мужа и жены, равнялись 115—120 гульд. въ годъ, расходы семьи изъ пяти членовъ (въ томъ числѣ трое дѣтей моложе 14 лѣтъ) составляли 190—200 гульденовъ. Между тѣмъ, годовой заработокъ ткача не превышалъ 75, 60 и даже 50 гульд.; остальные члены семьи зарабатывали максимумъ 20—25 гульд., такъ что въ общемъ доходъ составлялъ не болѣе 100 гульд. И даже если его увеличить, то и тогда останется значительное разстояніе между тѣмъ, что заработано, и тѣмъ, что нужно было для семьи. „Какъ же покрывался этотъ огромный дефицитъ?— спрашиваетъ Трельтшъ. Во-первыхъ, посредствомъ дальнѣйшаго сокращенія расходовъ, именно расходовъ на одежду и пропитаніе: во-вторыхъ, путемъ частной и общественной благотворительности, и, наконецъ, въ-третьихъ, нищенствомъ. Можно себѣ представить, каково было соотношеніе между доходами и расходами въ годы дороговизны, когда расходы увеличивались, заработокъ же не возрасталъ!"

Насколько скупщики-предприниматели виновны были въ томъ, что ихъ рабочіе голодали, мы поймемъ только тогда, когда про-

чтемъ сообщенія современниковъ (хотя и нѣсколько преувеличенныя), что уже въ началѣ XVII вѣка многіе купцы успѣли въ теченіе 10—18 лѣтъ заработать по 20, 30, 50 и даже по 100 тысячъ гульденовъ. Были такіе, которые въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣли капиталъ въ 100 тысячъ. Мы точно знаемъ, что капиталъ одного изъ участниковъ Кальвской компаніи почти удвоился въ теченіе 7 лѣтъ, хотя едва ли всѣ дивиденды и проценты капитализировались. „Подводя итоги изслѣдованію о капиталѣ и прибыли компаніи, — читаемъ у Трельтша—мы прежде всего приходимъ къ тому выводу, что прибыль была значительно больше, чѣмъ до сихъ поръ думали. Нашъ взглядъ на отношеніе скупщиковъ къ кустарямъ долженъ измѣниться подъ вліяніемъ этихъ цифръ и не къ выгодѣ компаніи. Въ цифрахъ ясно выражается причина тѣхъ явленій, которыя путешественники XVIII вѣка могли наблюдать лишь съ внѣшней стороны въ видѣ описываемаго ими богатства и роскоши въ г. Кальвѣ. Классъ предпринимателей совершенно измѣнился въ теченіе столѣтія; онъ получилъ совсѣмъ новый соціальный обликъ. Въ началѣ XVIII вѣка капиталъ въ 5 тысячъ гульденовъ былъ рѣдкостью, послѣ тридцатилѣтней войны капиталъ каждаго умиравшаго или выходившаго изъ состава компаніи участника составлялъ не менѣе 22 тысячъ гульд., въ большинствѣ случаевъ даже болѣе 30 тысячъ, хотя компанія уже не въ состояніи была пользоваться всѣми сбереженіями. Для того, чтобы понимать, насколько блестяще было положеніе компаніи, необходимо также имѣть въ виду, что доходы участниковъ ея не ограничивались прибылью“; къ послѣдней присоединялись проценты на вклады, плата за различныя операціи коммерческаго характера и т. п. Доходъ каждаго участника равнялся въ среднемъ 2—$2^1/_2$ тысячамъ гульд., не считая его дохода отъ другихъ операцій, отъ земельныхъ участковъ и т. п. А $2^1/_2$ тысячи составляли для того времени сумму прямо-таки огромную. Учитель гимназіи въ Штуттгартѣ получалъ 390 гульд. въ годъ, вюртембергскій пасторъ—отъ 260 до 520 гульд., кромѣ доходовъ въ натурѣ, важные чиновники—отъ 1—$1^1/_2$ тысячъ гульд.; 3 тысячи гульд. считалось министерскимъ жалованьемъ. „Понятно, почему предприниматели смотрѣли сверху внизъ на все чиновничество“.

Подобную же параллель между положеніемъ рабочихъ и положеніемъ предпринимателей мы можемъ провести по отношенію къ ліонской шелковой промышленности. Съ одной стороны, намъ извѣстно, что среди очень богатыхъ купцовъ г. Ліона въ 1677 году насчитывалось 17 купцовъ, торгующихъ шелковыми матеріями, но лишь 15 суконщиковъ и 14 торговцевъ пряностями и бакалейными

товарами; среди другихъ корпорацій очень богатыхъ членовъ было еще меньше. Въ 1789 году скупщики сами заявляютъ, что ихъ четыреста человѣкъ, и что они владѣютъ движимой и недвижимой собственностью въ 60 милліоновъ. Съ другой стороны, изъ различныхъ бюджетовъ рабочихъ, составленныхъ въ концѣ XVIII вѣка, видно, что разница между ихъ доходами и расходами была очень значительна: дефицитъ составлялъ 506, 356, 249 ливр. и даже по самому умѣренному вычисленію 53 ливра, причемъ расходы въ случаѣ болѣзни, сокращеніе доходовъ, вслѣдствіе часто повторявшихся періодовъ безработицы, не приняты во вниманіе. Эти дефициты, по словамъ Годара, свидѣтельствуютъ о выносливости рабочихъ, объ ихъ умѣніи покоряться своей участи; „благодаря ихъ экономіи, простотѣ образа жизни и нравовъ, они существовали, въ то время какъ самыя умѣренныя вычисленія указывали на то, что они должны были умереть съ голоду. Аббатъ Бертолонъ, котораго нельзя упрекнуть во враждебномъ отношеніи къ скупщикамъ, писалъ въ 1787 году, что трудъ рабочихъ въ шелковой промышленности крайне изнурителенъ, что они работаютъ по 18 часовъ въ день и не доживаютъ до преклонныхъ лѣтъ; они живутъ въ помѣщеніяхъ, лишенныхъ воздуха и наполненныхъ міазмами, ѣдятъ не для того, чтобы жить, а чтобы не умереть съ голоду. „Кто-то сказалъ,— заключаетъ онъ,—что такихъ мануфактуръ, какъ въ Ліонѣ, нигдѣ невозможно устроить, ибо для этого нужно было бы отыскать людей, которые бы не ѣли и не спали, какъ въ Ліонѣ“ (цит. у Годара).

Буассонадъ указываетъ на то печальное положеніе, въ которомъ находилось промышленное населеніе въ Пуату. Въ такомъ промышленномъ центрѣ, какъ Сенъ-Маиксъ, насчитывалась въ 1740 г. сотня скупщиковъ, которые имѣли капиталъ въ 30 тысячъ и менѣе; все же остальное населеніе, занятое производствомъ тканей — чесальщики, прядильщики и ткачи всякаго возраста находились въ состояніи, близкомъ къ полной нищетѣ. Въ Бретани въ XVIII ст.— говоритъ Сэ—вся буржуазія занималась чрезвычайно выгоднымъ промысломъ—пріобрѣтеніемъ у крестьянъ холста и продажей его оптомъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Либо они сами разъѣзжали по деревнямъ для закупки холста, либо посылали своихъ факторовъ. Во всякомъ случаѣ, ссужая пряжей или деньгами сельское населеніе, купцы держали послѣднее въ полной зависимости. Плата была низка, кустари бѣдствовали и голодали, среди нихъ свирѣпствовала тяжелая эпидемія лихорадки. Левассеръ, въ свою очередь, указываетъ на то, что французскіе рабочіе XVIII вѣка терпѣливо переносили свои страданія, цѣлыя поколѣнія прозябали и умирали, не имѣя надежды

на лучшее будущее, даже не помышляя о немъ; и эти страданія остались бы скрытыми отъ глазъ потомства, если бы историки не подняли завѣсы и не нарисовали яркой картины жизни народа въ прошлыя столѣтія.

Дѣйствительность, такимъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствовала желаніямъ государства и представителей науки *). Современные нѣмецкіе историки-экономисты выставляютъ полицейское государство XVII—XVIII ст. въ видѣ довольно безпристрастнаго судьи, имѣющаго въ виду нужды и выгоды промышленности, какъ они ихъ понимали, и не обнаруживающаго особаго пристрастія ни къ предпринимателямъ ни къ рабочимъ, между тѣмъ какъ приводимыя ими же весьма многочисленныя фактическія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что государство отожествляло интересы промышленности съ интересами предпринимателей **). Едва ли не наиболѣе яркимъ представителемъ этого направленія является Шмоллеръ, утверждающій въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Jahrbuch für Gesetzgebung“ etc. T. XI, что цѣль статутовъ, изданныхъ въ области кустарной промышленности XVII—XVIII ст., состояла не только въ регламентаціи техники производства и организаціи сбыта, но и въ устраненіи соціальныхъ несправедливостей: они должны были защищать кустарей отъ произвола предпринимателей. Шмоллеръ называетъ эти статуты чѣмъ-то среднимъ между старымъ цеховымъ правомъ и современнымъ фабричнымъ законодательствомъ. Намъ нѣтъ надобности доказывать, насколько невѣрно это воззрѣніе. Многочисленные факты, приведенные нами выше изъ различныхъ мѣстностей и отраслей промышленности, начиная отъ постановленій, запрещающихъ кустарямъ работать на собственный счетъ и сбывать свои издѣлія помимо корпораціи скупщиковъ, и кончая непосредственнымъ

---

*) На такой же точкѣ зрѣнія стояли и представители религіи. Кальвинъ утверждалъ, что «народъ», т.-е. рабочіе и ремесленники, только до тѣхъ поръ, пока они остаются въ бѣдности, послушны Богу. А пуритане учили, что религіозность рабочаго заключается не во внѣшнемъ исповѣдании вѣры, а въ добросовѣстномъ выполненіи своихъ обязанностей «Интересы Бога и интересы предпринимателя — прибавляетъ къ этому Максъ Веберъ здѣсь весьма близко соприкасались.. Религіозный аскетизмъ доставлялъ предпринимателю трезвыхъ, добросовѣстныхъ и очень трудолюбивыхъ рабочихъ, разсматривавшихъ свой трудъ, какъ угодное Богу дѣло.. Капитализмъ же въ первую эпоху своего развитія нуждался въ рабочихъ, которые давали бы себя эксплуатировать не за страхъ, а за совѣсть».

**) Сторонники государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь въ цѣляхъ защиты болѣе слабыхъ отъ болѣе сильныхъ не могутъ допустить, что государство (да еще прусское государство!) въ прежнія столѣтія поступало какъ-разъ наоборотъ, тѣмъ болѣе, что это государство они себѣ всегда предоставляютъ въ видѣ современнаго прусскаго государства, а не прусскаго государства того времени.

установленіемъ максимальной платы—сами говорятъ за себя. Регламенты кустарной промышленности XVI—XVIII ст. составляютъ полную противоположность фабричному законодательству XIX вѣка: фабричные законы изданы въ интересахъ рабочаго населенія, кустарные регламенты направлены противъ кустарей. Разница между кустарными регламентами и цеховыми уставами въ этомъ отношеніи, конечно, есть: цеховые уставы преслѣдуютъ выгоды мастеровъ, являющихся самостоятельными ремесленниками и наравнѣ со своими подмастерьями занимающимися производствомъ товаровъ, тогда какъ регламенты XVII—XVIII ст. охраняютъ интересы купцовъ („буржуазіи", „капиталистовъ"), ничего общаго съ производствомъ и съ классомъ рабочихъ не имѣющихъ.

Но иначе это и быть не могло: въ средневѣковыхъ городахъ власть находилась въ рукахъ самостоятельныхъ цеховыхъ мастеровъ, въ послѣдующія столѣтія носителями ея являлись купцы-предприниматели, вышедшіе, какъ мы видѣли выше *), главнымъ образомъ, изъ среды тѣхъ же цеховыхъ ремесленниковъ. Одно является лишь необходимымъ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ другого. Марксъ вполнѣ правильно характеризуетъ „историческое возникновеніе капиталистическаго производства" въ XV—XVIII ст. „При своемъ появленіи на сцену—говоритъ онъ—буржуазія нуждается въ государственной власти и, дѣйствительно, пользуется ею для „регулированія" заработной платы, т.-е. для того, чтобы втиснуть ее въ предѣлы, соотвѣтствующіе желаніямъ наживы, для удлиненія рабочаго дня и, наконецъ, для того, чтобы удержать самого рабочаго въ нормальной степени зависимости. Это существенный моментъ такъ назыв. первоначальнаго накопленія **).

Однако, Марксъ выставляетъ это содѣйствіе государства предпринимателю въ борьбѣ его съ рабочимъ какъ нѣчто совершенно новое, впервые появившееся въ XV—XVI ст. съ возникновеніемъ „капитала". Онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что и въ предыдущій періодъ городъ стоялъ всегда на сторонѣ цеховыхъ мастеровъ, а не подмастерьевъ-рабочихъ, находившихся въ полной зависимости отъ своихъ хозяевъ. Какъ мы видѣли выше (см. гл. I),

*) См. выше, стр. 43 и сл.

**) «Установленіе нормальнаго рабочаго дня,—говоритъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ—есть результатъ многовѣковой борьбы между капиталистомъ и рабочимъ. Но въ исторіи этой борьбы обнаруживаются два противоположныхъ теченія. Стоитъ сравнить, напр., англійское фабричное законодательство настоящаго времени съ англійскими рабочими статутами, начиная съ XIV ст. вплоть до половины XVIII Въ то время, какъ современное фабричное законодательство принудительно сокращаетъ рабочій день, эти статуты стремятся къ принудительному удлиненію его».

таможенный протекціонизмъ XVI—XVIII ст. не есть что-либо новое, противоположное предшествующему періоду, а лишь продолженіе протекціонной политики среднихъ вѣковъ, съ той только разницей, что покровительство оказывается не мѣстнымъ городскимъ промысламъ, а всей промышленности государства. Точно также покровительство, оказываемое государствомъ XVI—XVIII ст. торговымъ компаніямъ и ассоціаціямъ скупщиковъ, замѣняетъ собою лишь покровительство средневѣкового города мѣстнымъ купеческимъ гильдіямъ и цеховымъ ремесленникамъ. Цеховые мастера, а не ихъ подмастерья являются выразителями городского ремесла, купцы („мануфактуристы“), а не ихъ рабочіе, разсматриваются какъ носители идеи національной торговли въ эпоху меркантилизма.

Б. Централизованныя мануфактуры въ XVII—XVIII ст.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Понятіе мануфактуры прежде и теперь. — Централизованныя мануфактуры, устроенныя иностранцами.

Рядомъ съ кустарной формой производства мы встрѣчаемъ въ XVII—XVIII ст. и мануфактурную: болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ соединяется въ опредѣленномъ зданіи подъ надзоромъ предпринимателя. Таково современное понятіе мануфактуры, установившееся, по крайней мѣрѣ, со времени Маркса. Но совершенно иное значеніе имѣло слово „мануфактура“ въ XVII—XVIII ст. Писатели того времени подразумѣвали подъ мануфактурой не извѣстную форму предпріятія, извѣстный способъ производства, а промышленность вообще, независимо отъ той или другой формы производства: суконная мануфактура означала суконная промышленность, причемъ она могла имѣть и ремесленный и кустарный характеръ.

Въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово и Бехеръ въ 1668 г., совѣтуя развивать шелковыя, шерстяныя и полотняныя мануфактуры въ странѣ, и Шредеръ, ставя въ 1686 г. вопросъ, о какихъ мануфактурахъ долженъ особенно заботиться государь, и Гернигкъ, находя, что купцы ничего не смыслятъ въ мануфактурахъ, причемъ мануфактуристовъ онъ отожествляетъ со скупщиками. Лаффема указываетъ на недостатки въ производствѣ французскихъ мануфактуръ, а генеральные штаты 1614 г. настаиваютъ на необходимости введенія во Франціи иностранныхъ мануфактуръ — и здѣсь мануфактура обозначаетъ не что иное, какъ промышленность. Такой же смыслъ имѣетъ и въ Англіи слово manufacture, обозначая всякаго рода промышленность, начиная отъ ремесленной и вплоть до фабричной — еще Юръ называетъ свою книгу о фабричномъ производствѣ „философіей мануфактуръ“.

Между мануфактурой и фабрикой не проводится никакого различія: Мозеръ и Бергіусъ прямо указываютъ на то, что оба выраженія синонимы. Фабрикантомъ называется всякій промышленникъ— не только скупщикъ-предприниматель, но и самостоятельный ремесленникъ, и кустарь, работающій на скупщика. По терминологіи Юсти, фабрики или мануфактуры бываютъ трехъ родовъ: первая категорія составляетъ какъ то, что мы называемъ кустарной промышленностью, такъ и то, что понимается подъ централизованной мануфактурой; вторая категорія—то же, но при коллективной формѣ предпріятія (компанія), въ третью категорію мануфактуръ или фабрикъ выдѣлено ремесло. Такое пониманіе мануфактуры и фабрики являлось въ то время господствующимъ. Ліонская шелковая промышленность, которая производилась исключительно кустарнымъ способомъ, была извѣстна по всей Европѣ подъ названіемъ „la grande fabrique“. Quamdiu regnabit luxus, tamdiu fabrica subsistet—подписано подъ однимъ изъ рисунковъ, относящихся къ ліонской шелковой промышленности. Процвѣтаніе фабрики требуетъ, чтобы ремесленники сбывали свои издѣлія исключительно компаніи купцовъ, послѣдніе же принимали у нихъ товары по справедливой цѣнѣ и не притѣсняли ихъ—читаемъ въ статутахъ, относящихся къ саксонской хлопчатобумажной промышленности, гдѣ кустари производили товары на скупщиковъ. Если же дѣлается различіе между мануфактурой и фабрикой, то опять-таки не въ смыслѣ разныхъ формъ производства, а лишь въ качествѣ различныхъ отраслей промышленности: фабриками называются тѣ промыслы, гдѣ работа происходитъ при помощи огня и молота, т.-е. металлургическая промышленность, тогда какъ мануфактурой обозначается производство шерстяныхъ, льняныхъ, хлопчатобумажныхъ, шелковыхъ издѣлій, т.-е. текстильная промышленность. Такое различіе проводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Юсти. Зонненфельсъ же (1771 г.) указываетъ на то, что „пуритане“ (англичане?) говорятъ „о мануфактурахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда молотъ и огонь не примѣняются въ производствѣ, напр., суконная мануфактура, ситцевая мануфактура; когда же необходимы эти приспособленія, то они употребляютъ слово „фабрика“: стальная фабрика, латунная фабрика. Однако—прибавляетъ онъ—языкъ почти совсѣмъ уничтожилъ это различіе; понятіе фабрики получило болѣе широкій смыслъ, мы говоримъ ежедневно о суконной фабрикѣ, ситцевой фабрикѣ“. Лишь въ видѣ исключенія Лампрехтъ въ 1797 г. (и еще раньше, въ XVII ст., авторъ „Entdeckte Goldgrube in der Accise“) опредѣляетъ въ качествѣ характерной черты фабрики зданіе (обшир-

ное зданіе, мастерскую), въ которомъ соединены рабочіе. Такой смыслъ „фабрика“ должна была постепенно получить, такъ какъ металлургическая промышленность, которая обозначалась этимъ терминомъ, производилась, вслѣдствіе техническихъ условій (примѣненіе „огня и молота“), раньше, чѣмъ какая-либо иная въ централизованныхъ мастерскихъ *).

Между тѣмъ, въ дѣйствительности фабрикъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ въ настоящее время, до конца XIX вѣка (въ Англіи до 80-хъ годовъ XVIII вѣка) вовсе не существовало. Для фабрики недостаточно одной централизаціи производства въ общей мастерской и подъ руководствомъ предпринимателя; это составляетъ особенность мануфактуры. Нужно нѣчто большее: пользованіе машинами и двигателями, примѣненіе раціональныхъ химическихъ процессовъ производства. Мануфактура всего этого не знаетъ; способъ производства ручной, ни машины, ни сложные аппараты не употребляются. Въ этомъ отношеніи нельзя провести различія между мануфактурной и кустарной промышленностью. Разница заключается лишь въ томъ, что рабочіе не разбросаны по домамъ и не работаютъ каждый у себя по своему разумѣнію, а соединены вмѣстѣ въ одномъ и томъ же зданіи, подъ надзоромъ однихъ и тѣхъ же лицъ, которыя руководятъ не только коммерческой, но и технической стороной дѣла; а результатомъ этихъ двухъ моментовъ является уже однообразная техника производства, возможность болѣе или менѣе широкаго раздѣленія труда между рабочими. Между кустарной мастерской и мануфактурой съ внѣшней стороны много сходства: и здѣсь, и тамъ нерѣдко 6—10 человѣкъ рабочихъ, не болѣе, производятъ совмѣстно подъ надзоромъ одного лица, съ той только разницей, что въ первомъ случаѣ они называются подмастерьями, во второмъ—рабочими. Но, всматриваясь глубже, мы находимъ и болѣе существенныя различія: кустарная мастерская производитъ обыкновенно лишь нѣкоторые процессы производства, лишь отдѣльныя части продукта, почему здѣсь раздѣленіе труда крайне ограничено, тогда какъ мануфактура, по крайней мѣрѣ, въ ея развитомъ видѣ, соединяетъ въ себѣ цѣлый рядъ отдѣльныхъ операцій, совмѣщая въ себѣ въ качествѣ отдѣленій нѣсколько кустарныхъ мастерскихъ различной спеціальности. Но еще важнѣе другая черта мануфактуры. Во главѣ ея стоитъ не мастеръ, произво-

*) Въ этомъ смыслѣ у насъ и до сихъ поръ употребляются слова: мануфактурная промышленность, мануфактурные товары, мануфактурный магазинъ, обозначая обработку волокнистыхъ веществъ, издѣлія этой промышленности, лавку, гдѣ они продаются.

дящій на скупщика и вполнѣ зависящій отъ него, а самостоятельный предприниматель-капиталистъ, тотъ самый скупщикъ, который теперь превратился въ промышленнаго предпринимателя, принявъ на себя завѣдываніе процессомъ производства.

Первыя мануфактуры и возникли такимъ образомъ, что въ страну переселялся предприниматель съ извѣстнымъ количествомъ рабочихъ, они селились вмѣстѣ въ особомъ отведенномъ имъ зданіи, которое являлось вначалѣ и жилымъ помѣщеніемъ, и соединенными усиліями приступали къ производству товаровъ. Совмѣстнымъ жительствомъ мастеровъ различныхъ спеціальностей и обусловливалось, главнымъ образомъ, возникновеніе мануфактуры, а не кустарной формы производства. Мы разсмотрѣли выше цѣлый рядъ новыхъ категорій рабочаго населенія, вновь появившихся въ производствѣ промышленныхъ издѣлій въ XVI—XVIII ст. и тѣмъ нарушившихъ монополію цеховъ: это были сельскіе жители, женщины и дѣти, привилегированные городскіе ремесленники и кустари и, наконецъ, иностранные мастера. Всѣ эти элементы являлись конкурентами цеховымъ мастерамъ и естественно возбуждали ненависть и вражду со стороны послѣднихъ, которые смотрѣли на нихъ, какъ на лицъ, нарушавшихъ ихъ исконныя права и привилегіи, не дѣлая различія между мастерами, получившими привилегію и придворными ремесленниками, съ одной стороны, и тѣми, которые не пріобрѣли никакого права на занятіе промысломъ,—съ другой. И тѣ, и другіе получали позорную кличку: „Pfuscher, Störer, Bönhase, Chambrelan“ и т. п. Нападенія цеховыхъ мастеровъ на привилегированныхъ ремесленниковъ, сопровождавшіяся насиліями и уничтоженіемъ инструментовъ и производимыхъ товаровъ, составляютъ въ XVI—XVIII ст. явленіе далеко не рѣдкое. Въ такихъ случаяхъ единственнымъ исходомъ являлось предоставленіе мастерамъ, не входившимъ въ составъ цеха, опредѣленнаго зданія, гдѣ они имѣли бы возможность укрыться отъ взоровъ цеха и спокойно заниматься своимъ промысломъ; для того, чтобы ихъ вполнѣ защитить отъ насилій, зданіе носило королевскій или герцогскій гербъ и называлось королевской или княжеской мануфактурой, т.-е. промышленнымъ заведеніемъ, по терминологіи того времени, независимо отъ формы предпріятія. Однако, постепенно оно обращалось дѣйствительно въ мануфактуру въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово въ настоящее время. Разрозненные мастера, благодаря совмѣстному жительству, приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ; продуктъ, который ранѣе переходилъ отъ кустаря, совершавшаго первые процессы производства, къ скуп-

щику или посреднику-фактору, а затѣмъ уже передавался другому кустарю для продолженія производства, теперь шелъ непосредственно изъ рукъ въ руки, отъ одного мастера къ слѣдующему. Въ другихъ случаяхъ, когда производство не составляло одного непрерывнаго процесса, а продуктъ составлялся изъ различныхъ частей, изготовленныхъ мастерами различныхъ спеціальностей, теперь при совмѣстномъ жительствѣ ихъ всѣ эти части собирались тутъ же мастеромъ, дававшимъ продукту окончательную отдѣлку. Не менѣе важны, наконецъ, и тѣ мануфактуры, которыя возникли благодаря тому, что мастера одной и той же спеціальности селились вмѣстѣ и распредѣляли между собою различныя функціи при производствѣ товара.

Какъ бы то ни было, но вражда со стороны цеховыхъ мастеровъ являлась, повидимому, главной причиной возникновенія первыхъ мануфактуръ. XVI—XVII ст. періодъ широкаго переселенія промышленныхъ элементовъ населенія. Итальянцы переселяются въ Швейцарію, Францію и Австрію, голландцы—во Францію и Англію, гугеноты—въ Пруссію, прирейнскія страны, Швейцарію, Австрію, Нидерланды. Правительства тѣхъ странъ, гдѣ они появляются, не только не ставятъ имъ никакихъ препятствій, но, наоборотъ, сами вызываютъ новыхъ переселенцевъ, оказываютъ имъ всякія льготы, стараются дать имъ возможность свободно заниматься своими промыслами. Да это и понятно: вѣдь всѣ эти купцы и мастера приносили съ собою новую, болѣе усовершенствованную технику производства, болѣе утонченный вкусъ, они вызывали новыя потребности въ странѣ и создавали средства для ихъ удовлетворенія; ихъ издѣлія были изящнѣе, прочнѣе туземныхъ. Все это должно было дать сильный толчокъ промышленности, усилить денежное обращеніе въ странѣ, какъ говорили въ тѣ времена, при томъ условіи, конечно, если новымъ переселенцамъ давалась возможность проявить свои способности, свое искусство во всей его полнотѣ. Между тѣмъ, со стороны цеховыхъ мастеровъ они, кромѣ непріязни, ничего встрѣтить не могли; если вражда послѣднихъ по отношенію къ привилегированнымъ мастерамъ вообще была очень велика, то можно себѣ представить, какъ они относились къ иностранцамъ, которые вѣдь вообще не допускались въ цехи, не могли заниматься промыслами. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранцы вводили совершенно новыя отрасли промышленности, напр., производство табаку, зеркалъ, мыла. Но онѣ были исключеніями. Обыкновенно иностранные купцы и мастера либо производили извѣстныя уже раньше издѣлія, но только лучшаго качества, какъ,

напр., въ области производства шляпъ, дубленія кожъ, въ хлопчатобумажной и полотняной промышленности, либо хотя и выдѣлывали новые продукты, но изъ матеріаловъ, уже ранѣе извѣстныхъ, какъ, напр., въ области шерстяной промышленности, такъ что приходили и здѣсь въ столкновеніе съ привилегіями цеховъ. Во Франціи и до переселенія венеціанцевъ производились болѣе грубыя сорта кружевъ, а въ Пруссіи эмигранты выдѣлывали изъ шерсти чулки, ковры, перчатки, платье; саржа, коломянка, крепъ, камлотъ и цѣлый рядъ другихъ тканей составляли лишь новыя сорта издѣлій, изготовлявшіяся изъ той же шерсти, изъ того же льна. Ясно, что для того, чтобы привилегіи, полученныя иностранцами, не оставались мертвой буквой, чтобы они дѣйствительно имѣли возможность развивать промышленность страны, правительство должно было защитить ихъ отъ насильственныхъ дѣйствій цеховыхъ мастеровъ, дать имъ помѣщенія, гдѣ они могли бы поселиться и работать. И, дѣйствительно, во всѣхъ странахъ иностранные промышленники вмѣстѣ съ денежными ссудами получаютъ и зданія для устройства мастерскихъ, въ которыхъ они, вмѣстѣ съ тѣмъ, и живутъ. Обыкновенно на этихъ зданіяхъ красуется государственный гербъ, т.-е. зданіе привилегированное, пользуется иммунитетомъ.

Возникновеніе первыхъ мануфактуръ во Франціи подтверждаетъ выставленное нами предположеніе. Въ началѣ XVII вѣка была сооружена луврская галлерея, которая должна была служить убѣжищемъ для лицъ, не входившихъ въ составъ цеховъ. „Мы велѣли устроить зданіе такимъ образомъ,—говорится въ королевскомъ указѣ 1607 года—чтобы въ немъ могли удобно поселиться лучшіе ремесленники и мастера, и могли бы заниматься какъ живописью, ваяньемъ, выдѣлкой золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, производствомъ часовъ, шлифованіемъ драгоцѣнныхъ камней, такъ и различными другими искусствами, работая какъ для нашего двора, такъ и для нашихъ подданныхъ“. Изъ указа слѣдующаго года мы узнаемъ, что въ Луврѣ жили также мастера, производившіе холодное оружіе, столярныя издѣлія, духи, трубы для фонтановъ, физическіе инструменты, ковры и восточныя издѣлія и т. п. Тѣмъ самымъ, что они жили въ Луврѣ, всѣ они освобождались отъ надзора цеховъ, находились подъ покровительствомъ короля. Никто не могъ имъ препятствовать работать на публику и брать къ себѣ учениковъ и, несмотря на всѣ протесты цеховъ, они преспокойно производили и сбывали свои товары. Цеховые мастера вынуждены были ограничиться заявленіемъ, что ни одинъ порядочный мастеръ не

станетъ работать въ Луврѣ, на что никто, конечно, не обращалъ вниманія *).

Изъ собранія отдѣльныхъ, независимо другъ отъ друга работающихъ мастеровъ, луврская галлерея постепенно превратилась въ обширную, основанную на раздѣленіи (расчлененіи) труда мануфактуру, производившую всевозможные предметы роскоши. Полстолѣтія спустя послѣ основанія Лувра, количество мастеровъ, жившихъ въ немъ, значительно возросло, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе талантливые и умѣлые выдѣлились изъ среды прочихъ и стали во главѣ производства, доставляя остальнымъ модели для работы, направляя и руководя ихъ дѣятельностью. Образовались мастерскія ковровыя, оружейныя, ювелирныя, мебельныя. Одной изъ мастерскихъ завѣдывалъ Андре-Шарль Буль, эбенистъ, рѣзчикъ по металлу и позолотчикъ. Въ его мастерской стояло восемнадцать станковъ для производства издѣлій изъ чернаго дерева, два столярныхъ станка; тамъ же работали пильщики, бронзовщики и мастера, собиравшіе отдѣльныя части и дававшіе имъ окончательную отдѣлку. Вмѣстѣ съ Булемъ за ходомъ работъ надзирали его четыре сына. Такимъ образомъ, одна его мастерская представляла собою цѣлую мануфактуру, которая изготовляла всевозможную мебель изъ дерева и бронзы, какъ, напр., корпуса для часовъ, столы, бюро изъ мозаики, съ мѣдными инкрустаціями на черепахѣ, изъ цвѣтного дерева, книжные шкафы съ зеркальными стеклами, люстры, преспанье, комоды съ бронзовыми украшеніями и т. п. (Левассеръ).

Подобнымъ же образомъ возникла и другая не менѣе извѣстная мануфактура, также производившая предметы роскоши—мануфактура Гобеленовъ. Ковровое производство существовало во Франціи и до XVII вѣка, но лишь въ зачаточномъ состояніи, и большая часть продуктовъ привозилась изъ Нидерландовъ. Лишь Генрихъ IV рѣшилъ перенести фламандское ковровое производство на французскую почву, и съ этой цѣлью въ 1599 году запретилъ ввозъ ковровъ, изготовленныхъ за границей, и одновременно съ этимъ далъ двумъ фламандцамъ привилегію выдѣлки ковровыхъ издѣлій, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, а рабочихъ ихъ, также

*) Непріязненное отношеніе къ иностранцамъ—говоритъ д'Авенель—было обычнымъ въ прежніе вѣка, и стремленіе къ недопущенію иностранныхъ рабочихъ не возникло въ наше время. Однако, существеннымъ палліативомъ въ этомъ отношеніи являлась луврская галлерея, гдѣ могли заниматься промыслами лица любой національности. Публика, гулявшая по этой галлереѣ, длиною въ 700 футовъ, встрѣчала много итальянцевъ и фламандцевъ на порогѣ ихъ мастерскихъ. На вывѣскахъ были изображены имена голландскихъ гранильщиковъ и фабрикантовъ турецкихъ ковровъ.

фламандцевъ, освободилъ отъ всякихъ податей. Появленіе конкурентовъ въ лицѣ иностранныхъ предпринимателей и рабочихъ вызвало сильное возбужденіе среди парижскихъ мастеровъ, занимавшихся ковровымъ промысломъ, которые стали протестовать противъ допущенія иностранцевъ. Однако, протестъ не имѣлъ успѣха: фламандцы были приняты подъ покровительство короля и получили отъ него по 100 тысячъ фр., причемъ обязались производить работу на 80 станкахъ, изъ коихъ 60 должно было находиться въ Парижѣ. Они жили первоначально въ различныхъ частяхъ города, но затѣмъ имъ было предоставлено зданіе, принадлежавшее фамиліи Гобеленовъ. Ихъ мастерскія и положили основаніе королевской гобеленовой мануфактурѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка Гобелены представляли собою большую мануфактуру, во главѣ которой стоялъ художникъ Лебренъ, и при которой состояло нѣсколько живописцевъ, скульпторовъ, граверовъ и т. д. Какъ и въ Луврѣ, здѣсь производились всевозможные предметы роскоши, комнатнаго убранства, ковры, люстры, вазы, издѣлія изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, изъ краснаго дерева, черепахи и мозаики. Мануфактура насчитывала 250 рабочихъ, которые распредѣлялись на нѣсколько отдѣленій, причемъ какъ лица, руководившія производствомъ, такъ и рабочіе были почти исключительно иностранцы-фламандцы, голландцы и итальянцы.

Гобеленовая мануфактура находилась въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсель, а до перехода туда фламандскіе выходцы жили въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ; въ Сентъ-Антуанъ была устроена и первая зеркальная мануфактура, въ предмѣстьѣ Сенъ-Жерменъ—ковровыя мануфактуры. Вообще въ предмѣстьяхъ Парижа возникъ въ теченіе XVII вѣка цѣлый рядъ мануфактуръ кожевенныхъ, слесарныхъ, перчаточныхъ; онѣ соединяли въ себѣ производство нѣсколькихъ сортовъ издѣлій, которые по цеховымъ статутамъ принадлежали различнымъ цехамъ, и имѣли нерѣдко свыше 15 человѣкъ рабочихъ, что въ тѣ времена и въ этихъ отрасляхъ производства составляло значительное количество. Предмѣстья (Lieux privilegiés) съ давнихъ поръ пользовались особыми привилегіями (остатки феодальнаго строя) и не подчинялись надзору городскихъ цеховъ, въ силу этого они являлись убѣжищемъ для всѣхъ тѣхъ, кто скрывался отъ цеховыхъ властей и желалъ свободно заниматься промысломъ. Соединеніе мастеровъ разныхъ спеціальностей въ этихъ кварталахъ создало здѣсь рядъ мануфактуръ, основанныхъ на болѣе или менѣе значительномъ раздѣленіи труда. Одной изъ первыхъ мануфактуръ была и Савоннери. Дюпонъ и Лурдо поселились въ

1627 году въ странноприимномъ домѣ, учрежденномъ въ 1615 году Маріей Медичи, и образовали мануфактуру для производства ковровъ и восточныхъ издѣлій изъ золота, серебра, шелка и шерсти.

Первая австрійская мануфактура — „Manufacturhaus auf dem Tabor“ (въ Вѣнѣ) была основана въ 1676 году согласно проекту Бехера. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій—лабораторіи для производства алхимическихъ опытовъ, мастерской для выдѣлки майолики, аптеки, мастерской для производства шелковыхъ издѣлій на трехъ ленточныхъ станкахъ и другой для изготовленія шерстяныхъ тканей, заведенія для выдѣлки венеціанскаго стекла и для плавки золота и серебра. Въ такомъ видѣ мануфактура—относились къ ней весьма враждебно—просуществовала, впрочемъ, недолго, и не извѣстно даже, были ли вообще открыты и пущены въ ходъ всѣ ея отдѣленія. Въ 1683 г. зданіе сгорѣло, и рѣшено было построить новое. Бехера замѣнилъ Шредеръ. Шредеръ усматривалъ главную цѣль мануфактуры въ томъ, чтобы она смягчала злоупотребленія, связанныя съ цеховымъ строемъ. Мануфактура должна была явиться убѣжищемъ для всѣхъ ремесленниковъ, не входившихъ въ составъ цеховъ, кто бы эти ремесленники ни были. Онъ находилъ, что для этого мануфактура вовсе не нуждается въ особой привилегіи; достаточно того, чтобы мастерамъ, работающимъ тамъ, предоставлялось право брать къ себѣ учениковъ и обучать ихъ безпрепятственно; выучившись ремеслу, они, независимо отъ числа лѣтъ ученія, пріобрѣтаютъ званіе мастера и освобождаются отъ обязанности странствованія. Но для того, чтобы поселившіеся въ мануфактурѣ мастера могли безпрепятственно работать, мануфактура должна носить названіе „das hoffbefreite Haus“, подобно тому, какъ привилегированные мастера называются „hoffbefreit“ и подлежатъ юрисдикціи гофмаршала, ибо въ противномъ случаѣ городъ и цехи будутъ ставить ей всякія препятствія, и некому будетъ защитить ее. Такимъ образомъ, Шредеръ, собственно говоря, никакой мануфактуры и не имѣлъ въ виду, а просто, подобно Генриху IV во Франціи, желалъ создать убѣжище для мастеровъ, преслѣдуемыхъ цехами. Однако, зданіе, повидимому, не было выстроено вновь, и мануфактура прекратила свое существованіе *). (См. Максъ Адлеръ и Гатшекъ).

*) И впослѣдствіи цехи весьма враждебно относились къ мануфактурамъ. Въ патентѣ 1713 г. на устройство зеркальной фабрики запрещается обижать рабочихъ ея, или высылать ихъ, къ какой бы они ни принадлежали національности. Городъ Линцъ не дозволяетъ даже жителямъ сдавать квартиры рабочимъ тамошней мануфактуры.

Есть основанія предполагать, что подобнымъ же образомъ возникли мануфактуры и въ другихъ странахъ, что и тамъ желали создать лишь мануфактуры въ томъ смыслѣ, какъ это слово употреблялось въ XVII—XVIII ст., т.-е. промышленныя заведенія вообще, новыя отрасли производства, и лишь въ силу необходимости, вслѣдствіе препятствій, создаваемыхъ цеховымъ строемъ, мастерамъ, въ особенности иностранцамъ, приходилось предоставлять особыя зданія, принадлежащія правительству и находящіяся подъ его защитой, гдѣ и образовывались постепенно централизованныя мануфактуры. Въ Нидерландахъ до конца XVII вѣка мануфактурныя предпріятія появлялись лишь въ видѣ исключенія, поскольку же они возникали, они относились—что особенно любопытно—къ новымъ отраслямъ производства, возникли въ области зеркальной и шелковой промышленности, и притомъ устраивались исключительно иностранцами—испанцами, итальянцами, англичанами, которые стояли совершенно внѣ цеховъ, пользуясь особыми привилегіями производства. Господствующей же являлась кустарная промышленность, имѣвшая цеховую организацію.

Но послѣ отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году и еще за нѣсколько лѣтъ до этого въ Нидерланды стали переселяться тысячи французскихъ эмигрантовъ; все это были купцы, ремесленники, рабочіе, приносившіе съ собою коммерческія способности, утонченный вкусъ и значительные капиталы. Между тѣмъ, мѣста для нихъ въ цеховой организаціи не было: для того, чтобы быть принятымъ въ цехъ, нужно было пріобрѣсти право гражданства, произвести пробную работу и уплатить вступительный взносъ. Кромѣ того, и вступивъ въ цехъ, мастеръ не могъ имѣть свыше опредѣленнаго количества помощниковъ и инструментовъ, такъ что для его дѣятельности ставились тѣсныя рамки. Между тѣмъ, города желали воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что могли дать иностранцы въ смыслѣ развитія промышленности, введенія новыхъ отраслей производства. Нужно было, слѣдовательно, освободить ихъ отъ всякихъ ограниченій. И это было сдѣлано: появились мануфактуры, гдѣ они могли совершенно свободно заниматься производствомъ шелковыхъ, полушелковыхъ и бархатныхъ издѣлій, шляпъ и кожанаго товара, не обращая вниманія ни на какія постановленія цеховъ: мануфактура защищала ихъ отъ всякихъ притязаній со стороны цеховъ.

И въ Пруссіи иностранцы, выходцы изъ Франціи, Пфальца, Лотарингіи, переселявшіеся съ конца XVII вѣка купцы и мастера, сталкивались съ цеховымъ режимомъ, который мѣшалъ имъ заниматься промыслами. Однако, какъ мы видѣли выше, привилегіи на

занятіе ремесломъ лицамъ, не принадлежащимъ къ цеху, выдавались въ это время въ большомъ количествѣ, и выходцы надѣлялись званіемъ мастера, какъ бы уже въ силу одного своего появленія въ странѣ, а по отношенію къ новымъ отраслямъ производства, которыя вводились впервые въ странѣ, было признано, что онѣ суть промыслы не-цеховые, хотя совершенно новыхъ производствъ, которыя совсѣмъ не конкурировали бы съ цеховыми промыслами, почти не было. Поэтому вражда мѣстныхъ жителей къ иностранцамъ была велика, да и не удивительно, разъ дѣло доходило до того, что въ силу привилегій послѣднихъ прямо ограничивались права прусскихъ мастеровъ. Иностраннымъ предпринимателямъ оказывалось всевозможное содѣйствіе: они освобождались отъ податей, получали ссуды, имъ предоставлялись зданія для устройства мануфактуръ. Многіе изъ нихъ не заводили, однако, никакихъ мануфактуръ, а пользовались лишь своимъ привилегированнымъ положеніемъ и скупали товары у кустарей или, набивъ карманъ казенными субсидіями, бросали потомъ начатое дѣло. Въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, иностранные предприниматели добросовѣстно устраивали мануфактуры въ казенныхъ зданіяхъ, и въ этихъ случаяхъ мануфактурная форма производства имѣла для нихъ большое значеніе. Цеховые статуты не играли для нихъ никакой роли, ибо у себя на мануфактурѣ они были полновластными господами. Они обладали правомъ iurisdictionis domesticae надъ своими рабочими, правомъ лишать ихъ работы по своему усмотрѣнію, будутъ ли то цеховые или не-цеховые рабочіе, короче говоря, могли дѣлать все, что имъ угодно было, не обращая вниманія на цеховыя власти и постановленія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мануфактуры съ несвободнымъ трудомъ.

Еще ярче выражено случайное, вызванное совмѣстнымъ мѣстожительствомъ производителей, возникновеніе второй категоріи централизованныхъ мануфактуръ, тѣхъ, которыя устраивались въ домахъ призрѣнія, работныхъ домахъ, тюрьмахъ и т. п. заведеніяхъ. Въ XVII—XVIII ст. въ этихъ заведеніяхъ повсемѣстно учреждались мастерскія. Сироты и подкидыши часто также работали въ этихъ мастерскихъ, причемъ воспитательные дома были нерѣдко соединены съ исправительными заведеніями и домами для умали-

шенныхъ. Такъ, извѣстный сиротскій пріютъ въ Пфорцгеймѣ, въ которомъ дѣти занимались пряденьемъ, былъ соединенъ съ домомъ для умалишенныхъ и исправительной тюрьмой. Это было заведеніе для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, безумныхъ, воспитательный пріютъ и смирительный домъ одновременно. Въ Регенсбургѣ часть сиротскаго пріюта была отдана подъ исправительную тюрьму, сидѣльцы послѣдней занимались: мужчины—пиленьемъ бразильскаго дерева, женщины—пряденьемъ. Въ Брауншвейгѣ и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ работный домъ, исправительное заведеніе, сиротскій пріютъ были соединены вмѣстѣ. Такое же соединенное заведеніе существовало въ Лейпцигѣ: et improbis coercendis et quos deseruit sanae mentis usura custodiendis—гласила характерная надпись надъ воротами.

Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ были устроены мастерскія. Въ исправительномъ домѣ въ Брейзахѣ сидѣльцы занимались пряденьемъ пеньки и льна, въ Магдебургѣ они трепали, чесали и пряли шерсть, въ Берлинѣ сидѣльцы работнаго дома (нищіе, бродяги, женщины, лѣчившіяся въ Charité, нищія дѣти) должны были прясть шерсть; въ 1775 году ихъ насчитывалось 192 мужчинъ, 300 женщинъ, 42 мальчика и 71 дѣвочка. Амстердамскій мужской исправительный пріютъ даже прямо назывался „Rasphuis“, женскій—„Spinhuis“ (netoria domus): въ первомъ производилось пиленье красильнаго дерева, во второмъ—пряденье. Въ Любекѣ и Гамбургѣ спеціальныя тюрьмы для воровъ — рецидивистовъ и проститутокъ также назывались прядильными домами. И въ томъ, и въ другомъ городѣ существовалъ, кромѣ того, соединенный работный домъ, гдѣ производились преимущественно текстильныя издѣлія. Мальчики и женщины въ данцигскомъ заведеніи обязаны были прясть, наматывать и чесать бомбазинъ.

Подобнымъ же образомъ и въ Австріи въ XVIII вѣкѣ были повсюду въ работныхъ домахъ устроены мастерскія для изготовленія текстильныхъ издѣлій; въ Силезіи, Каринтіи, Моравіи были учреждены прядильни; кромѣ того, арестанты, бродяги, нищенствующія дѣти обучались пряденью, ткачеству, вышиванію, и всѣ они обязаны были работать. Во многихъ мѣстностяхъ Австріи и до сихъ поръ тюрьмы именуются „прядильнями“,—указаніе на то, въ чемъ дѣятельность тюремныхъ сидѣльцевъ заключалась въ прежнія времена.

При Кольберѣ, какъ и ранѣе, въ началѣ XVII вѣка, сидѣльцы исправительныхъ домовъ и дѣти въ сиротскихъ пріютахъ во Франціи занимались вязаньемъ чулокъ и пряденьемъ. Всѣхъ работоспособныхъ нищихъ сажали въ дома призрѣнія и заставляли работать; въ нѣсколькихъ работныхъ домахъ они занимались полировкой зер-

калъ, изготовляемыхъ на королевской мануфактурѣ. Въ XVIII вѣкѣ мы находимъ цѣлый рядъ домовъ призрѣнія, въ которыхъ устроены различныя мануфактуры: въ однихъ—чулочно-вязальныя (Парижъ, Седанъ, Мецъ, Валансьенъ, Марсель) въ другихъ—суконныя (Парижъ, Бове, Ліонъ, Дижонъ), въ Ле-Пюи — для производства одѣялъ, которыя экспортировались въ Америку. Въ Валансьенѣ дѣти въ сиротскомъ пріютѣ выдѣлывали кружева, въ люневильскомъ сиротскомъ домѣ они занимались ткачествомъ. Въ Лиллѣ, въ виду недостатка въ бумажной пряжѣ, пряденье хлопка для скупщиковъ было введено въ сиротскомъ пріютѣ и въ тюрьмѣ. Цеховые мастера во многихъ мѣстахъ сильно возмущались этой конкуренціей и пробовали протестовать, но безуспѣшно.

„Работоспособнымъ нищимъ — гласитъ англійскій законъ 1601 года—должна быть доставлена работа, и, слѣдовательно, необходимо пріобрѣсти для домовъ призрѣнія запасы льна, пеньки, шерсти, нитокъ, желѣза и другихъ матеріаловъ.“

Цѣлью устройства смирительныхъ и работныхъ домовъ являлось преимущественно заставить бродягъ заниматься полезнымъ трудомъ. Въ Амстердамѣ при учрежденіи исправительнаго дома для женщинъ руководствовались слѣдующими соображеніями. Въ 1596 году городской совѣтъ, по предложенію лицъ, завѣдывавшихъ призрѣніемъ бѣдныхъ, и шеффеновъ, обсуждалъ вопросъ относительно подходящаго мѣста для прядильни, гдѣ молодыя дѣвушки и другія лица, пріучающіяся къ нищенству и бездѣлію, занимались бы пряденьемъ шерсти и могли бы зарабатывать себѣ пропитаніе. Такъ какъ нѣсколько скупщиковъ шерстяныхъ издѣлій предложили выгодныя условія (очевидно для закупки производимой исправительнымъ домомъ пряжи), то совѣтъ призналъ учрежденіе такого заведенія „очень добрымъ и христіанскимъ дѣломъ“ и предложилъ бургомистру осуществить этотъ проектъ. Въ слѣдующемъ году и было устроено заведеніе въ стѣнахъ прежняго женскаго монастыря. Въ 1686 г. Великій Курфюрстъ издалъ эдиктъ относительно устройства „исправительныхъ, прядильныхъ и мануфактурныхъ заведеній“, куда должны помѣщаться, если нужно, силой всѣ безработные и ихъ дѣти. Какъ видно изъ введенія къ эдикту, онъ имѣлъ въ виду этимъ путемъ, съ одной стороны, содѣйствовать развитію суконной промышленности, а съ другой — пріучить лѣнивыхъ къ труду. Населеніе англійскихъ работныхъ домовъ также состояло изъ всевозможныхъ бродячихъ элементовъ, какъ-то: рабочихъ, не находившихъ работы или отказывавшихся исполнять ее по установленной мировымъ судьей платѣ, нищенствующихъ студентовъ, лицъ,

не имѣвшихъ ни земли, ни денегъ, ни дозволеннаго занятія, нищенствующихъ моряковъ, разсказывавшихъ о томъ, что ихъ судно потерпѣло крушеніе, но не имѣвшихъ соотвѣтствующаго удостовѣренія, далѣе шулеровъ, фокусниковъ, гадальщиковъ, вожаковъ медвѣдей и т. п.

Сидѣльцы работныхъ и исправительныхъ домовъ состояли, такимъ образомъ, преимущественно изъ лицъ, не находившихъ себѣ работы въ области ремесла или кустарной промышленности, или не желавшихъ приложить свой трудъ въ этихъ областяхъ производства. На мануфактуры, устроенныя иностранцами, они не желали идти; стоило большого труда заставить населеніе (въ особенности сельское) посѣщать вновь учрежденныя предпріятія; въ работѣ на мануфактурахъ оно усматривало занятіе низменнаго свойства, по сравненію съ цеховыми промыслами*). Но то же самое населеніе, которое отказывалось отъ работы (или не находило ея), не трудно было принудить къ этому, хватая безработныхъ какъ бродягъ и сажая ихъ въ устроенные для этого дома-мануфактуры. Въ 1721 г. было рѣшено устроить по близости отъ Граца суконную мануфактуру (она называется „фабрикой“). Въ составленномъ мѣстной коммерческой палатой проектѣ указывалось на то, что сотни людей голодаютъ и проводятъ время въ бездѣльѣ, становясь въ тягость населенію. Съ этой цѣлью необходимо учредить „суконную фабрику, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна быть работнымъ домомъ“. Нищихъ, способныхъ къ работѣ,—говорится въ этомъ проектѣ—имѣется великое множество, въ качествѣ директора найденъ человѣкъ, хорошо знакомый съ производствомъ сукна и обладающій извѣстнымъ капиталомъ, который въ состояніи найти и необходимыхъ мастеровъ и подмастерьевъ. Для начала слѣдуетъ производить не болѣе 1000 штукъ солдатскаго сукна въ годъ, ибо не извѣстно, какъ организуется сбытъ, и съ этой цѣлью понадобится около 150—200 рабочихъ. Нужно, слѣдовательно, „переловить и арестовать“ такое количество нищихъ, бродящихъ по улицамъ г. Граца. Этимъ путемъ не только будутъ добыты рабочія силы для мануфактуры, но и очищенъ городъ отъ нищихъ, ибо отъ страха всѣ остальные разбѣгутся изъ города, и жители обязаны будутъ мануфактурѣ благодарностью или, точнѣе, обязаны будутъ за это доставить необходимый для веденія мануфактуры капиталъ, внося въ пользу мануфактуры то, что они раньше тратили въ качествѣ подаянія нищимъ. Бехеръ находитъ полезнымъ не только ловить нищен-

*) См. ниже, стр. 140.

ствующихъ для устройства мануфактуръ и для освобожденія страны отъ нищихъ, но даже привлекать нищихъ изъ другихъ странъ, въ цѣляхъ развитія промышленности. Очевидно, на первомъ планѣ у него стоятъ не мѣры общественнаго призрѣнія, а учрежденіе мануфактуръ, и съ этой цѣлью онъ признаетъ нужнымъ ловить нищихъ и сажать ихъ въ работные дома-мануфактуры.

Дѣйствительно,— какъ указываетъ Максъ Адлеръ („Oesterr. Gewerbepolit"),—рабочій персоналъ мануфактуръ состоялъ преимущественно изъ несвободныхъ элементовъ, которые потеряли гражданскую правоспособность или не успѣли еще пріобрѣсти ее, рабочими являлись преступники, бродяги, нищіе и сироты*). Адлеръ въ данномъ случаѣ отожествляетъ работные и исправительные дома съ промышленными предпріятіями и поступаетъ вполнѣ правильно. По отношенію къ разсматриваемой эпохѣ XVII—XVIII ст. необходимо совершенно отрѣшиться отъ современной точки зрѣнія на принудительную работу въ тюрьмахъ и признать исправительныя заведенія особой и притомъ важной категоріей мануфактуръ, рядомъ съ двумя другими группами ихъ—мануфактурами, устроенными иностранцами и работавшими преимущественно при помощи иноземныхъ рабочихъ, и немногочисленными мануфактурами, возникшими органически, главнымъ образомъ, изъ кустарныхъ предпріятій.

Въ Эрфуртѣ, гдѣ также пріютъ для бездомныхъ бѣдняковъ и ихъ дѣтей былъ соединенъ съ исправительнымъ заведеніемъ для преступниковъ и для профессіональныхъ нищихъ, мы находимъ—по словамъ Horn'a („Erfurts Stadtverfassung")—„фабрику шерстяныхъ чулокъ и шапокъ". „Завѣдующій этимъ заведеніемъ былъ въ сущности фабрикантомъ. Правда, инструменты пріобрѣтались на казенный счетъ, но онъ доставлялъ на свой счетъ матеріалъ и пищу для принудительно посаженныхъ въ заведеніе лицъ; бѣднымъ же, добровольно туда сѣвшимъ, онъ обязанъ былъ, кромѣ того, уплачивать еженедѣльно 1 грош.; въ пользу завѣдывающаго поступала вся вырученная отъ продажи произведенныхъ издѣлій сумма. На пріобрѣтеніе постельнаго бѣлья, на топливо и освѣщеніе онъ получалъ ежегодно 1.000 талеровъ изъ городской кассы по призрѣнію бѣдныхъ".

Первыя мануфактуры—говоритъ Геерингъ („Basels Handel und Industrie")—были учреждены въ сиротскихъ и исправительныхъ домахъ. Такъ это было и въ Базелѣ. Еще въ 1581 г. Стефано Пел-

*) Лампрехтъ также обращаетъ вниманіе на то, что рабочіе нѣмецкихъ (централизованныхъ) мануфактуръ состояли первоначально изъ бродячаго населенія.

лизари проектировалъ устройство мануфактуры, на которой могли бы найти себѣ пропитаніе преимущественно бѣдныя дѣти, но вслѣдствіе противодѣйствія со стороны цеховъ, которые усматривали въ этомъ нарушеніе своихъ правъ, онъ не добился разрѣшенія. 80 лѣтъ спустя, его проектъ былъ осуществленъ самимъ городомъ, который не обратилъ вниманія на цеховыя привилегіи. Въ 1665—1669 гг. городской совѣтъ учредилъ „исправительный и сиротскій домъ“, сидѣльцы котораго занимались текстильнымъ производствомъ. Сначала была устроена позументная мастерская, а затѣмъ мастерская для изготовленія „разнаго простого, сѣраго, чернаго и бѣлаго сукна по дешевой цѣнѣ, подъ руководствомъ чесальщика и ткача шерстяныхъ матерій Іоганна Шнейдера“. Цехи были безсильны устранить такую конкуренцію. Въ 1713 г. они заявили протестъ противъ устроенной въ сиротскомъ пріютѣ мануфактуры („фабрики“), но получили слѣдующій отвѣтъ: „когда государство предпринимаетъ что-либо ad pias causas, то цехи могли бы держать языкъ за зубами“.

Такимъ образомъ, учрежденіе мануфактуръ, пользовавшихся принудительнымъ трудомъ, вызывалось не только трудностью заставить населеніе добровольно идти на мануфактуры, но и необходимостью выдерживать сильную борьбу съ цехами, въ случаѣ учрежденія мануфактуръ частными лицами и при помощи свободныхъ рабочихъ. И то, и другое затрудненіе устранялось, когда та же мануфактура носила фирму „рабочаго дома“. Въ этомъ случаѣ она, наоборотъ, могла еще пользоваться исключительными привилегіями. Въ Бременѣ борьба ткацкаго цеха съ работнымъ домомъ, гдѣ производились текстильныя издѣлія, была столь же безплодна, какъ и въ Базелѣ. Въ Амстердамскомъ исправительномъ заведеніи для мужчинъ производился плюшъ, атласъ и шерстяныя издѣлія. Кромѣ кого, сидѣльцы занимались распиливаніемъ всевозможныхъ сортовъ трасильнаго дерева, какъ-то: бразильскаго, кампешеваго, сандалеваго, бѣлаго и краснаго и т. п. дерева, привозимаго изъ тропическихъ странъ и употребляемаго какъ для крашенія, такъ и въ медикаменты. При этомъ уже въ 1599 году распиливаніе красильнаго дерева было объявлено городомъ монополіей исправительнаго дома, а въ 1602 году, въ виду того, что нѣкій Петръ Янтцъ устроилъ по близости отъ города вѣтряную мельницу для пиленья дерева; эта привилегія была распространена на всю Голландію и Западную Фрисландію. Для того, чтобы привилегія не нарушалась, было постановлено въ 1660 году, что никто не въ правѣ заказывать распилку дерева въ другихъ мѣстностяхъ или

привозить оттуда распиленное дерево. Исправительный домъ получалъ заказы отъ купцовъ, которые доставляли ему матеріалъ; здѣсь онъ обрабатывался, распиливался, разрѣзывался или размалывался за опредѣленную поштучную плату. Во главѣ всей мануфактуры стояли два ткача, завѣдывавшіе мастерскими по обработкѣ шерсти и шелка, и одинъ мастеръ, руководившій пиленьемъ дерева *).

И въ другихъ исправительныхъ, работныхъ и сиротскихъ домахъ находимъ обыкновенно правильно организованныя предпріятія, раздѣляющіяся на нѣсколько мастерскихъ, во главѣ съ мастерами-спеціалистами въ данной отрасли производства, съ извѣстнымъ раздѣленіемъ труда. Такъ, напр., въ Гамбургѣ (и въ Любекѣ), гдѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сидѣльцы заведенія состояли преимущественно изъ нищихъ и бродягъ, была устроена и прядильная и ткацкая мастерскія, и тамъ же происходило и расчесываньe шерсти; кромѣ того, здѣсь изготовлялись фитили для артиллерійскихъ орудій, а съ 1689 г. и холстъ для парусовъ. Курфюрстъ Бранденбургскій Іоахимъ II велѣлъ даже выписать изъ Гамбурга и изъ Голландіи мастеровъ, которые руководили бы производствомъ, устраиваемымъ имъ (въ 1608 г.) въ исправительномъ домѣ для работоспособныхъ взрослыхъ и дѣтей, занимающихся нищенствомъ. Кольберъ—говоритъ Де-Силлель,—желалъ, чтобы дома призрѣнія для нищихъ были настоящими мануфактурами и пользовались всѣми привилегіями, предоставленными послѣднимъ. Онъ не ограничивался дарованьемъ всѣмъ открываемымъ заведеніямъ права устраивать мануфактуры, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самъ указывалъ, какой характеръ онѣ должны имѣть; такъ, въ Труа Кольберъ велѣлъ учредить въ домѣ призрѣнія такую же чулковязальную мануфактуру, какія устраивались иноземными предпринимателями подъ названіемъ королевскихъ мануфактуръ.

Характеру промышленнаго предпріятія вполнѣ соотвѣтствовало и то, что мануфактуры съ принудительнымъ трудомъ отдавались на откупъ предпринимателямъ, и что лица, находившіяся тамъ, получали за свой трудъ извѣстную плату. Въ Баденѣ въ XVIII в. всѣ исправительные и работные дома были арендованы предпринимателями. Въ Пфорцгеймѣ предприниматель платилъ сидѣльцамъ

*) Въ области наиболѣе важной—прядильно-ткацкой (особенно шерстяной и льняной) промышленности это были почти единственныя централизованныя мануфактуры; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (гдѣ примѣняется свободный трудъ) мы находимъ въ этихъ производствахъ почти исключительно кустарную форму промышленности (ср. ниже стр. 139 и сл.).

исправительнаго и сиротскаго дома, который онъ взялъ въ аренду, около 10 гульд. ежегодной платы. Устроенное въ 1687 г. въ г. Шпандау исправительное заведеніе было сдано на откупъ двумъ торговцамъ шелковыми издѣліями, Мюллеру и Копишу, но производство шелка оказалось невыгоднымъ, почему въ 1693 г. заведеніе было передано суконщику Крахту; послѣдній не ограничивался пряденьемъ, но устроилъ также и ткацкое отдѣленіе и изготовленныя сидѣльцами шерстяныя издѣлія сбывалъ по выгодной цѣнѣ. Берлинскій домъ призрѣнія для слабыхъ здоровьемъ нищихъ, въ которомъ производилось пряденье, находился въ завѣдываніи нѣсколькихъ купцовъ и доставлялъ имъ хорошій доходъ.

Указывая на то, что въ голландскихъ исправительныхъ домахъ сидѣльцы (преимущественно бродяги) еженедѣльно получали большую часть выработанной ими платы, которая измѣнялась въ зависимости отъ характера труда, меньшая же часть выдавалась при выходѣ, Гиппель находитъ, что мы въ данномъ случаѣ уже въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ весьма ясное пониманіе того значенія, которое имѣетъ плата за трудъ въ качествѣ стимула къ труду и какъ мѣра, дающая людямъ возможность начать честную жизнь по выходѣ изъ тюрьмы. Но, объясняя подобнымъ образомъ причину полученія заработной платы несвободными рабочими этихъ мануфактуръ, Гиппель становится на точку зрѣнія современнаго тюрьмовѣда и совершенно забываетъ о томъ, что люди XVII и XVIII вѣка, устраивавшіе эти заведенія, не имѣли никакого понятія о современныхъ пенитенціарныхъ теоріяхъ (ибо теорія вознагражденія тюремныхъ арестантовъ возникла въ самое послѣднее время) и совершенно не могли преслѣдовать тѣхъ цѣлей, которыя ему самому кажутся столь правильными. Онъ упускаетъ изъ виду, что въ тѣ времена смотрѣли на этихъ лицъ не какъ на преступниковъ, какими они въ большинствѣ случаевъ вовсе и не были, а лишь какъ на бродягъ и нищихъ, которыхъ необходимо заставить работать, что въ этихъ заведеніяхъ устраивались цѣлыя правильно организованныя мануфактуры (въ отличіе отъ тѣхъ работъ, которыя нынѣ исполняются въ тюрьмахъ), для которыхъ, какъ мы видѣли выше, нерѣдко спеціально набиралось бродячее и нищенствующее населеніе и выписывались иностранные мастера-спеціалисты *). Иначе онъ по-

*) При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что—какъ мы увидимъ дальше—и рабочіе на свободныхъ мануфактурахъ вовсе не имѣли полной свободы, а, наоборотъ, находились въ состояніи, весьма близкомъ къ крѣпостному.

нялъ бы, что заработная плата, получаемая этими несвободными рабочими, вызывалась вовсе не пенитенціарными соображеніями, а тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нихъ видѣли рабочихъ мануфактуръ, которые за свой, хотя и подневольный трудъ, получаютъ такое же вознагражденіе, какъ и всѣ прочіе. Правда, эта плата въ большинствѣ случаевъ была крайне мизерна, но это являлось уже результатомъ эксплуатаціонныхъ намѣреній предпринимателей, арендовавшихъ то или другое заведеніе, или лицъ, поставленныхъ во главѣ его, которыя, конечно, старались извлечь возможно большую прибыль изъ рабочихъ, находившихся всецѣло въ ихъ власти, и имѣли полную возможность сокращать при всякомъ удобномъ случаѣ и безъ того незначительную плату *). Такъ, въ исправительномъ, прядильномъ или работномъ домѣ въ Нюрнбергѣ, гдѣ находились бродяги, нищіе, проститутки, дѣти-сироты, всѣ эти лица занимались пряденьемъ, а также шлифованьемъ стеколъ, причемъ всѣхъ, даже беременныхъ женщинъ, стариковъ, больныхъ и умалишенныхъ безпощадно заставляли шлифовать стекла, весь же доходъ поступалъ въ пользу завѣдующаго заведеніемъ, который усматривалъ въ этомъ вознагражденіе за ту жалкую пищу, которую онъ давалъ имъ **). Но и въ этомъ случаѣ свое нежеланіе платить рабочимъ извѣстное вознагражденіе онъ основывалъ не на томъ, что рѣчь идетъ о преступныхъ элементахъ, которымъ не полагается платы за работу, являющуюся для нихъ наказаніемъ, а ссылался на то, что ихъ трудъ недостаточно производителенъ, чтобы рядомъ съ натуральной платой, выдаваемой имъ въ видѣ пропитанія (и одежды), имъ можно было давать еще и денежное вознагражденіе ***).

*) Впрочемъ, мы находимъ иногда и мануфактуры со свободнымъ трудомъ, гдѣ рабочимъ не полагается никакой денежной платы. Плату получаютъ только управляющій и старшіе мастера, выписанные изъ-за границы.

**) Любопытно, что въ данномъ случаѣ цехъ, выдѣлывавшій очки, не только не жаловался на конкуренцію исправительнаго дома, а, наоборотъ, желалъ (въ 1754 г.), чтобы и преступники, находившіеся въ другомъ спеціальномъ заведеніи («Loch»), а также нищіе изъ домовъ призрѣнія были переселены въ «Zucht- und Spinnhaus» и занимались бы также шлифовкой стеколъ, иначе конкуренція Фюрта побьетъ производство очковъ Нюрнберга. Это объясняется, повидимому, тѣмъ, что нюрнбергскій цехъ, производившій очки, занимался изготовленіемъ оправъ для очковъ и составленіемъ послѣднихъ и нуждался въ шлифованныхъ стеклахъ, почему и заботился о распространеніи этой отрасли производства въ работныхъ и исправительныхъ домахъ.

***) Однородные факты находимъ въ Россіи и Польшѣ. Указъ Петра Великаго 1719 г. гласитъ: «Господа Сенатъ! Били челомъ намъ Московскіе полотнянаго дѣла компанейщики Андрей Турка съ товарищи, чтобъ для умноженія полотняной фабрики тонкихъ полотенъ отсылать къ нимъ для пряжи льну бабъ и дѣвокъ такихъ, которыя будутъ въ Москвѣ изъ Приказовъ, также изъ другихъ губерній по дѣламъ за вины свои наказаны, а пропитаніе имъ давать они станутъ отъ себя, но токмо-бъ для той работы отве-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мануфактуры, возникшія изъ болѣе раннихъ формъ производства.

Къ этимъ двумъ категоріямъ мануфактуръ присоединяется еще третья: мануфактуры, возникшія генетически изъ болѣе раннихъ формъ производства. По Марксу мануфактуры возникаютъ двоякимъ путемъ. Въ однихъ случаяхъ рабочіе, принадлежащіе къ различнымъ самостоятельнымъ ремесламъ, соединяются подъ одной кровлей, подъ командой одного и того же капиталиста. Карета ранѣе являлась продуктомъ труда цѣлаго ряда мастеровъ: каретниковъ, сѣдельниковъ, портныхъ, слесарей, портупейщиковъ, токарей, позументщиковъ, стекольщиковъ, маляровъ, лакировщиковъ, позолотчиковъ и т. п.; мануфактура, изготовляющая кареты, соединяетъ всѣхъ этихъ ремесленниковъ въ одномъ зданіи и согласуетъ работу каждаго изъ нихъ съ работой, производимой всѣми другими. Каждый изъ этихъ рабочихъ перестаетъ уже заниматься своимъ ремесломъ во всемъ его цѣломъ, а ограничивается тѣми немногими операціями изъ области своего ремесла, въ которыхъ нуждается мануфактура и которыя уже становятся его исключительною спеціальностью. По мнѣнію Маркса, и цѣлый рядъ другихъ мануфактуръ, суконныхъ, шелко-

---

сти имъ на Москвѣ изъ опальныхъ дворъ съ каменными палаты И по полученіи сего пошлите указы какъ въ Московскую, такъ и въ другія губерніи, дабы виновныхъ бабъ и дѣвокъ отсылали къ нимъ въ работу для пряжи льну, и писали-бъ именно: сколько которой лѣтъ въ той работѣ быть, или по смерть, усматривая по ихъ винамъ И для той работы велите имъ дать на прядильный дворъ на Москвѣ изъ отписныхъ съ каменными палатами, а именно Аврамовъ дворъ Лопухина, и другой изъ загородныхъ опальныхъ же дворовъ, гдѣ они сами прищутъ. И для караула къ тѣмъ бабамъ, чтобы они не бѣгали, дайте имъ въ компанію изъ отставныхъ солдатъ, сколько человѣкъ заблагоразсудите, и чтобъ они пропитаніе давали отъ себя-жъ».

Въ Польшѣ акціонерная компанія шерстяныхъ мануфактуръ, возникшая въ 1766 г., пользовалась трудомъ цѣтей, помѣщенныхъ въ спротскомъ пріютѣ, и сидѣльцевъ исправительнаго дома. Для суконной мануфактуры въ Краковѣ, учрежденной въ 1788 г, рабочіе набирались изъ нищихъ, калѣкъ и бродягъ, ихъ ловили въ городѣ и его предмѣстьяхъ и принудительно доставляли въ госпиталь св. Духа Современникъ, экономистъ Дембовскій, находитъ похвальнымъ, что мануфактура пользовалась трудомъ нищихъ, т.-е. людей, непригодныхъ для сельскаго хозяйства и, такимъ образомъ, не наносила послѣднему ущерба. Такая же мануфактура существовала въ Варшавѣ, туда набирались бродяги въ цѣляхъ очищенія Варшавы отъ нищихъ (См Воблый, «Очерки по исторіи польской фабричной промышленности». Т I, 1909).

выхъ и т. п. возникъ изъ подобной комбинаціи самостоятельныхъ ремесленниковъ.

Рядомъ съ мануфактурами, образующимися путемъ такой комбинаціи различныхъ промысловъ, возникаютъ мануфактуры и инымъ путемъ — посредствомъ комбинаціи мастеровъ, принадлежащихъ къ одной и той же отрасли производства. Ремесленники, изготовляющіе одинъ и тотъ же продуктъ, напр., бумагу, булавки, типографскій шрифтъ, объединяются въ одной и той же мастерской, гдѣ каждый ремесленникъ при содѣйствіи одного—двухъ подмастерьевъ, изготовляетъ весь предметъ отъ начала до конца, производя всѣ необходимыя для этого операціи, одну за другой. Постепенно, однако, и самый характеръ труда измѣняется: устанавливается раздѣленіе труда. Вмѣсто того, чтобы различныя операціи производились однимъ и тѣмъ же ремесленникомъ, одна за другой, онѣ отдѣляются другъ отъ друга и выполняются одновременно, каждая изъ нихъ производится опредѣленнымъ рабочимъ. Такимъ образомъ, индивидуальный продуктъ самостоятельнаго ремесленника превращается въ соціальный продуктъ цѣлаго ряда рабочихъ, изъ коихъ каждый выполняетъ только одну опредѣленную операцію *).

Теорія возникновенія мануфактуръ, установленная Марксомъ, является и до сихъ поръ, при полномъ почти отсутствіи спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ характеристикѣ этой формы производства и ея отличительныхъ особенностей — едва ли не единственной, выясняющей вопросъ о томъ, какъ образовалась форма производства, именуемая централизованной мануфактурой. Однако, Марксъ недостаточно разграничиваетъ ремесло и кустарную промышленность, и во многихъ случаяхъ говоритъ о самостоятельныхъ ремесленникахъ, превращаемыхъ въ мануфактурныхъ рабочихъ, тамъ, гдѣ въ дѣйствительности рѣчь можетъ идти лишь о зависимыхъ кустаряхъ. Цитируя по поводу ліонской шелковой промышленности Бланки, который различалъ лишь ремесло и мануфактуру, но не имѣлъ понятія о существованіи третьей формы производства—кустарной промышленности, Марксъ вѣритъ ему на слово, что мастера, не будучи соединены въ одномъ зданіи и подъ начальствомъ одного фабриканта, были, слѣдовательно, независимыми ремесленниками, тогда какъ мы въ настоящее время прекрасно знаемъ, что въ XVII и XVIII ст. и даже ранѣе, они всѣ уже были кустарями, работающими на скупщика **). Точно также неправильно указаніе Маркса

*) Ср. также выше, стр 116, 119.
**) См. также выше, стр. 52.

на то, что суконная мануфактура и цѣлый рядъ прочихъ мануфактуръ возникли подобнымъ же образомъ, какъ каретная — путемъ комбинаціи различныхъ самостоятельныхъ ремесленниковъ. Какъ мы видѣли выше, въ текстильной промышленности вообще и въ шерстяной въ частности *), далѣе въ производствѣ металлическихъ издѣлій (между прочимъ и булавокъ **), о которыхъ упоминаетъ Марксъ) въ кожевенномъ промыслѣ и др., предметъ, изготовляемый ранѣе цѣликомъ однимъ и тѣмъ же цеховымъ мастеромъ, уже съ конца среднихъ вѣковъ былъ разбитъ на части, изъ коихъ каждая стала спеціальностью опредѣленной группы кустарей, объединяемыхъ однимъ и тѣмъ же скупщикомъ-предпринимателемъ.

Конечно, мануфактуры второй категоріи, основанныя на простой коопераціи и соединяющія мастеровъ того же промысла, могли образоваться непосредственно изъ ремесла. Въ этихъ случаяхъ, какъ указываетъ Марксъ, раздѣленіе (расчлененіе) труда между рабочими вовсе не входитъ первоначально въ планъ предпринимателя, оно создается впослѣдствіи обстоятельствами чисто-внѣшняго характера, напр., необходимостью произвести въ теченіе извѣстнаго времени болѣе значительное количество продуктовъ. Такъ возникли дѣйствительно тѣ мануфактуры, которыя мы отнесли къ первой (нашей) группѣ—мануфактуры въ новыхъ отрасляхъ производства, созданныхъ иностранцами: примѣръ мануфактуры, производящей издѣлія изъ бумажной массы, или типографіи въ данномъ случаѣ правиленъ. Цѣлый рядъ мануфактуръ являлся первоначально, какъ мы видѣли выше, лишь соединеніемъ мастеровъ, изъ коихъ каждый работалъ самостоятельно (съ подмастерьями),—соединеніемъ, вызваннымъ необходимостью жить вмѣстѣ въ особомъ привилегированномъ мѣстѣ и помѣщеніи ***). Въ иныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ набивномъ или типографскомъ производствѣ, къ этому присоединялась и необходимость пользоваться одними и тѣми же инструментами. Но для прочихъ, въ особенности уже ранѣе существовавшихъ отраслей производства, это объясненіе не примѣнимо. Если продуктъ изготовлялся цѣлымъ рядомъ независимыхъ ремесленниковъ, то что могло побудить капиталиста объединить этихъ мастеровъ и образовать мануфактуру. Иное дѣло, если этотъ капиталистъ былъ уже ранѣе скупщикомъ и направлялъ продукты отъ одного мастера къ другому; тогда становится понятнымъ, что желаніе сберечь на расходахъ, связанныхъ съ раздачей матеріала и передачей продукта, въ част-

*) См выше, стр 44, 47 и сл.
**) См. стр 44—46.
***) Ср. выше, стр. 116—121.

ности на платѣ посредникамъ-факторамъ, а также избѣгнуть кражи матеріала кустарями и, наконецъ, усилить надзоръ надъ производствомъ, могло побудить скупщика объединить разрозненныхъ рабочихъ подъ одной крышей и взять все производство въ свое непосредственное управленіе. Такимъ образомъ, предполагая образованіе мануфактуръ изъ самостоятельнаго ремесла, а не изъ кустарной промышленности, мы не въ состояніе объяснить возникновеніе всѣхъ тѣхъ мануфактуръ, которыя не появились вновь въ новыхъ отрасляхъ производства, а образовались генетически изъ болѣе раннихъ формъ производства въ существовавшихъ издавна и наиболѣе важныхъ отрасляхъ промышленности.

Раздѣленіе труда въ этихъ отрасляхъ промышленности было весьма значительно и раньше; при переходѣ къ мануфактурѣ сдѣланы лишь дальнѣйшіе, хотя и весьма значительные, успѣхи въ томъ же направленіи. Между раздѣленіемъ производства, которое существовало уже раньше, и расчлененіемъ труда на мануфактурѣ (терминологія Бюхера, Produktionsteilung u. Arbeitszerlegung) по существу нѣтъ значительной разницы: въ первомъ случаѣ объектомъ раздѣленія труда является цѣлый процессъ производства (напр., изготовленіе сукна, которое раздѣляется между прядильщикомъ, ткачемъ, красильщикомъ и т. д.), во второмъ — лишь часть его (напр., окраска сукна распредѣляется на нѣсколько отдѣловъ), такъ что за раздѣленіемъ извѣстнаго процесса производства на нѣсколько частей слѣдуетъ дальнѣйшее расчлененіе каждой части. Бюхеръ указываетъ на то обстоятельство, что въ первомъ случаѣ мѣняется владѣлецъ продукта, тогда какъ при расчлененіи труда на мануфактурѣ продуктъ, переходя изъ рукъ въ руки, все-таки остается собственностью того же лица, именно того, кому принадлежитъ мануфактура. Однако, онъ признаетъ, что и въ первомъ случаѣ „во главѣ всего процесса стоитъ капиталистъ (скупщикъ), который направляетъ продуктъ отъ одного мастера къ другому для дальнѣйшей обработки“. Этотъ капиталистъ является обыкновенно фактическимъ владѣльцемъ продукта, а нерѣдко и юридическимъ: онъ передаетъ каждый разъ мастеру лишь принадлежащій ему матеріалъ для исполненія того или другого процесса производства. Остается лишь одно различіе: при раздѣленіи производства на самостоятельные процессы образуются новыя хозяйства, новыя предпріятія, новые промыслы, между тѣмъ какъ въ дальнѣйшей стадіи—при появленіи мануфактуры и расчлененіи даннаго процесса на отдѣльныя части внутри мануфактуры появляются лишь рабочіе новыхъ спеціальностей. Но существеннаго значенія это различіе

имѣть не можетъ, по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ о перемѣнахъ, происходящихъ въ соціальномъ положеніи рабочихъ. Фактъ тотъ, что раздѣленіе процесса производства вызываетъ превращеніе самостоятельныхъ ремесленниковъ въ зависимыхъ кустарей, между тѣмъ какъ переходъ послѣднихъ на мануфактуру не влечетъ за собою значительной перемѣны въ отношеніи ихъ зависимости отъ предпринимателя.

Какъ же возникли мануфактуры изъ болѣе раннихъ формъ промышленности?

Нѣкоторое указаніе на то, какъ возникли мануфактуры этой третьей категоріи, даютъ намъ предпріятія со свободнымъ рабочимъ населеніемъ смѣшаннаго типа: одни процессы производства происходятъ въ заведеніи предпринимателя, имѣютъ централизованный характеръ, другіе попрежнему производятся на дому у кустарей. Такъ, напр., австрійскія мануфактуры по изготовленію бумажныхъ и шерстяныхъ тканей въ Швехатѣ и въ Линцѣ производили только окончательную отдѣлку матерій (апретуру) въ собственныхъ помѣщеніяхъ Восточной компаніи, тогда какъ вся остальная работа раздавалась на домъ кустарямъ. На суконной „фабрикѣ“ Іоанна Фриса въ Фридау (Австрія) по отчету 1763 г. имѣлось, кромѣ директора и трехъ служащихъ, 56 „фабрикантовъ“, т.-е. рабочихъ на самой мануфактурѣ, тогда какъ въ Фридау и восьми другихъ мѣстностяхъ на нее работало 2266 человѣкъ. Въ Лиллѣ въ XVIII ст. существовали три ситценабивныя мануфактуры, но въ нихъ происходилъ только набойный процессъ, всѣ же предшествующія операціи, не только изготовленіе пряжи, но и ткачество совершались сельскими кустарями, доставлявшими ткани въ городъ на мануфактуры. Мы видимъ изъ этого, какъ постепенно и лишь отдѣльные процессы производства изъ кустарной формы превращались въ мануфактурную. Любопытно, что такое соединеніе различныхъ формъ производства мы находимъ даже въ производствѣ стекла. Такъ, изготовленіе зеркалъ по самому характеру своему требовало соединенія болѣе или менѣе значительнаго числа рабочихъ въ одномъ и томъ же помѣщеніи для совмѣстной работы. Тѣмъ не менѣе, эта форма производства выдерживалась не вполнѣ. Напримѣръ, въ учрежденномъ въ началѣ XVIII ст. въ Нижней Австріи предпріятіи по изготовленію зеркалъ 15 проц. рабочихъ были заняты на дому. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не требовалось совмѣстной работы нѣсколькихъ, она отдавалась на домъ; поэтому, напр., политура зеркалъ принимала форму кустарнаго производства. Да и самая мануфактура не имѣла въ этомъ случаѣ характера чего-либо цѣльнаго.

Отдѣльныя мастерскія ея были разбросаны на значительномъ пространствѣ, такъ что управляющему приходилось держать лошадь для надзора за работами на мануфактурѣ.

Трельтшъ даетъ ясное представленіе о томъ, какъ возникли мануфактуры въ вюртембергской текстильной промышленности. „Тѣ моменты, въ которыхъ современная экономическая наука усматриваетъ причины возникновенія мануфактуръ *) (т.-е. крупныхъ централизованныхъ предпріятій),—говоритъ онъ:—именно стремленіе къ введенію техническихъ улучшеній, установленіе внимательнаго и постояннаго надзора за производствомъ и борьба съ растратой и утайкой цѣнныхъ матеріаловъ—все это побудило и кальвскую компанію, старавшуюся производить товары лучшаго качества и болѣе цѣнные, переходить, начиная съ половины XVIII вѣка, постепенно къ новому способу производства. Зачатки относятся приблизительно къ 1765 году. Однако, первоначально компанія вовсе не имѣла въ виду концентрацію ткацкаго и прядильнаго производства, а выбирала изъ среды прядильщицъ и ткачей извѣстное количество лицъ, которыя получали на домъ лучшія сорта шерсти и пряжи и обрабатывали ихъ подъ надзоромъ членовъ компаніи и на основаніи извѣстныхъ установленныхъ правилъ. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя, компанія поняла, что этой мѣры (а равно другой принятой въ томъ же направленіи: былъ назначенъ спеціальный техникъ, завѣдывавшій пряденьемъ и не входившій въ составъ компаніи) недостаточно: улучшеніе процесса производства оказывалось выгоднымъ лишь при изготовленіи тканей высшихъ сортовъ въ болѣе значительномъ количествѣ и въ случаѣ концентраціи производства этихъ товаровъ. Былъ нанятъ швейцарецъ по имени Чуди, который устроилъ сушильную мелницу, приводимую въ движеніе лошадиной силой. Далѣе, компанія пріобрѣла въ Страсбургѣ прессовальную машину съ цилиндрическимъ валикомъ за 1210 гульд. Одновременно особое зданіе, гдѣ находилась первоначально сахаро-рафинадная мануфактура (заводъ), было отведено для чистки и чесанія шерсти. Наконецъ, и тканье узорчатыхъ матерій компанія стала производить на станкахъ, установленныхъ въ ея собственныхъ помѣщеніяхъ. Подготовительныя операціи производились на мануфактурѣ: въ 1787 г. компанія имѣла 35 чесальщиковъ и 6 сортировщиковъ; далѣе, шерсть отдавалась попрежнему для выдѣлки пряжи на домъ и затѣмъ, въ видѣ пряжи, вновь возвращалась на мануфактуру для

*) У Трельтша повсюду «фабрика» (какъ въ источникахъ?) вмѣсто «мануфактура».

сортированья, сушенья, бѣленья, валянья, а также крашенья. Основа изготовлялась въ отдѣльной мастерской, такъ что тканье (утка) являлось единственной операціей, производимой ткачемъ, всѣ остальныя работы не касались его. Ткацкихъ станковъ было, впрочемъ, на мануфактурѣ немного: въ 1774 г. 4, въ 1787 г. 9, въ 1790 г. и въ слѣдующіе годы (компанія существовала до 1797 г.) не болѣе 6—8. Однако, на каждомъ изъ этихъ станковъ производилось вдвое большее количество фабриката, чѣмъ при работѣ на дому, такъ какъ на мануфактурѣ ткачъ имѣлъ постоянно работу и не долженъ былъ производить подготовительныхъ операцій съ пряжей, отнимавшихъ у него прежде много времени.

Такъ назыв. ситцевая „фабрика“ въ Зульцѣ на Неккарѣ являлась также первоначально торговымъ предпріятіемъ, сбывавшимъ хлопчатобумажныя матеріи, частью въ сыромъ, частью въ обработанномъ видѣ. Однако, въ виду неудачныхъ конъюнктуръ, компанія стала постепенно сокращать прядильное и ткацкое производства и обращать свое вниманіе на конечныя стадіи производства, на аппретурный и красильный промысла. По мѣрѣ того, какъ совершалась эта перемѣна въ производствѣ, происходила концентрація рабочихъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ компаніи, и устанавливалось раздѣленіе (расчлененіе) труда на мануфактурѣ. Въ 1760 г. на зульцскую компанію работало на дому 112 ткачей и 556 прядильщицъ, но всего 26 рабочихъ на мануфактурѣ, въ 1764 г. первыхъ насчитывалось 225 ткачей и 1292 прядильщицъ, вторыхъ—130; наконецъ, въ 1777 году на мануфактурѣ, принадлежавшей компаніи, насчитывалось 162 человѣка. Среди послѣднихъ было 34 малолѣтнихъ, 32 подростка отъ 13—17 лѣтъ и 96 взрослыхъ рабочихъ, среди рабочихъ преобладали женщины (20 дѣвочекъ, 16 подростковъ, 53 женщины старше 17 лѣтъ, итого 89) *). Раздѣленіе труда на мануфактурѣ было значительно развито: рабочіе раздѣлялись на цѣлый рядъ группъ, изъ коихъ каждая производила лишь немногія опредѣленныя операціи, какъ-то: набивку, накладываніе красокъ на прессъ, окраски тканей, бѣленье, лощенье, отливанье моделей, гравированье и т. п. При этомъ и здѣсь, какъ и у кальвской компаніи, мануфактурные рабочіе были въ матеріальномъ отношеніи поставлены несравненно лучше, чѣмъ кустари, работавшіе для тѣхъ же компаній. „Нѣтъ сомнѣнія,—заключаетъ Трельтшъ,—что въ Зульцѣ мы имѣемъ благотворные результаты концентрированнаго и хорошо управляемаго предпріятія, которое на

*) О трудѣ женщинъ и дѣтей на мануфактурахъ см. ниже, стр. 151—53.

каждое мѣсто ставило наиболѣе подходящія силы, стараясь ихъ вполнѣ использовать и оплачивая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежащимъ образомъ".

Разсмотрѣнныя нами предпріятія являлись едва ли не единственными во всей текстильной промышленности Вюртемберга мануфактурами, возникшими генетически изъ болѣе раннихъ формъ производства. Общераспространенной формой производства въ XVII—XVIII ст. была вообще кустарная промышленность; если же попадались мануфактуры, то онѣ либо были устроены въ исправительныхъ заведеніяхъ и сиротскихъ пріютахъ, либо учреждались иностранцами во вновь вводимыхъ послѣдними отрасляхъ индустріи. Это положеніе вполнѣ подтверждается тѣми данными, которыя приводитъ Готейнъ относительно Бадена. Подробно излагая развитіе различныхъ отраслей промышленности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Шварцвальда и прилежащихъ къ нему областяхъ въ XVII—XVIII ст., онъ повсюду констатируетъ существованіе кустарнаго производства, факторовъ и рабочихъ, производящихъ на дому, несмотря на громкія названія „фабрикъ" и „мануфактуръ". Исключеніями являются лишь два-три предпріятія, какъ, напр., ситценабивныя мануфактуры въ Леррахѣ (Баденъ) и Ландсгутѣ (Баварія), учрежденныя въ обоихъ случаяхъ швейцарцами, и мануфактура (съ 60 рабочими), изготовлявшая желѣзныя издѣлія, инструменты, оружіе, занесенная изъ Англіи и устроенная по образцу англійскихъ. Кромѣ того, мануфактуры возникли въ сиротскихъ пріютахъ и исправительныхъ заведеніяхъ Пфорцгейма, Брейзаха, Гюфингена; какъ мы видѣли выше, всѣ они были сданы на откупъ частнымъ предпринимателямъ, причемъ въ одномъ только Пфорцгеймѣ, да и то лишь въ связи со смирительнымъ и сиротскимъ домомъ, возникла ткацкая мануфактура, гдѣ обрабатывалась произведенная въ исправительномъ заведеніи пряжа.

Подобнымъ же образомъ и въ текстильномъ производствѣ Бретани мы находимъ широко распространенную кустарную промышленность въ селахъ, въ качествѣ важнаго подсобнаго промысла для крестьянскаго населенія, но мануфактуръ почти нѣтъ. Есть одна мануфактура, производящая холстъ при помощи свободнаго труда, и другая, пользующаяся трудомъ каторжниковъ для изготовленія парусовъ, причемъ она скупаетъ всю пряжу, производимую мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Такія смѣшанныя предпріятія мы находимъ и въ другихъ странахъ. Одни процессы производства имѣютъ мѣсто на мануфактурахъ, ибо бродягъ нужно было переловить и запереть въ опредѣленное заведеніе. Напротивъ, дальнѣйшая обработка раздается на домъ мѣстнымъ жителямъ. Такъ, учрежденная

въ 1689 г. въ Баваріи торговая компанія, получившая исключительное право привоза иностраннаго сукна, обязана была, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимать для сбыта произведенный мѣстными суконщиками товаръ и доставлять послѣднимъ необходимую пряжу. Для изготовленія послѣдней она должна была устроить мануфактуру, въ которой пряжа выдѣлывались бы переданными компаніи правительствомъ нищими и бродягами. Подобный же характеръ имѣли и двѣ другія суконныя „фабрики“, устроенныя въ Баваріи около Мюнхена и около Ландсгута для снабженія войска сукномъ. И въ этихъ случаяхъ для бродягъ устроены были прядильныя дома, сукно же изъ этой пряжи изготовлялось кустарнымъ способомъ и доставлялось на „фабрику“.

Свободные рабочіе крайне неохотно шли на мануфактуры: не только въ Пфорцгеймѣ ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей не вступилъ на вновь учрежденную мануфактуру, но и въ другихъ мѣстностяхъ и странахъ—Австріи, Франціи, предпринимателямъ стоило огромнаго труда получить хотя бы небольшое количество рабочихъ для мануфактуръ, даже и тѣхъ, которыя—это были рѣдкіе случаи—были учреждены внѣ всякой связи съ исправительными заведеніями; мануфактурный рабочій стоялъ, по народному воззрѣнію, на низшей ступени соціальной лѣстницы, несравненно ниже не только цехового подмастерья, но и деревенскаго кустаря: „большія фабрики“, т.-е. централизованныя мануфактуры, называли „могилой нравственности, приводящей къ полной гибели послѣдней и ко всѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ этимъ“. Это являлось, несомнѣнно, послѣдствіемъ того, что большая часть мануфактуръ учреждалась въ исправительныхъ домахъ и т. под. заведеніяхъ или, во всякомъ случаѣ, находилась въ тѣсной связи съ ними.

Сколько-нибудь точныхъ данныхъ о количествѣ мануфактуръ, существовавшихъ въ XVIII ст. въ различныхъ странахъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Бельгія, благодаря анкетѣ о состояніи мануфактуръ, произведенной тамъ въ 1764 г. Результаты этой анкеты разработаны Жюленомъ въ мемуарахъ Брюссельской академіи. Жюленъ сообщаетъ подробныя и точныя данныя о каждомъ предпріятіи. Изъ его изслѣдованія видно, что и въ Бельгіи текстильная промышленность въ XVIII ст. имѣла преимущественно кустарную форму производства: пряжа производилась почти исключительно на дому, и точно такъ же огромное большинство ткачей работало на дому по заказу скупщика. Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются въ этой отрасли промышленности централизованныя мануфактуры. Въ половинѣ XVIII вѣка

насчитывалось не болѣе 10—12 мануфактуръ, обрабатывавшихъ волокнистыя вещества, причемъ и эти мануфактуры одновременно съ производствомъ въ мастерскихъ раздавали работу на домъ кустарямъ. Такъ, шерстяная мануфактура въ Мехельнѣ имѣла 175 рабочихъ, но, кромѣ того. 259 работало для нея на дому; на камлотовой мануфактурѣ въ Турне работало 62 человѣка, пряжа же для нея производилась сельскими кустарями-женщинами, въ количествѣ 800. Для ткацкой мануфактуры въ Брюгге съ 80 рабочими и для полотняной мануфактуры въ Турне съ 277 рабочими пряжу изготовляли кустари—въ первомъ случаѣ 66, во второмъ около 535 человѣкъ, а мануфактура одѣялъ въ Мехельнѣ, имѣя 80 рабочихъ, раздавала работу на домъ вдвое большему числу кустарей. Такое соединеніе мануфактуръ съ кустарной промышленностью можно разсматривать какъ переходную форму къ централизаціи производства въ мануфактурахъ. Значительное количество централизованныхъ мануфактуръ мы находимъ лишь въ желѣзодѣлательной и стекольной индустріи, причемъ, однако, эти мануфактуры весьма невелики, по крайней мѣрѣ, если судить по числу рабочихъ: численность рабочихъ обыкновенно не превышаетъ 15—30, лишь въ видѣ исключенія она достигаетъ 40—45. Изъ крупныхъ мануфактуръ встрѣчаются, помимо приведенныхъ ткацкихъ, фарфоровая мануфактура съ 200 рабочихъ, табачная со 151 рабочимъ и лѣсопильня со 102 рабочими.

И въ Англіи, гдѣ, впрочемъ, вообще мануфактуръ было весьма мало, меньше чѣмъ на континентѣ, мы находимъ весьма немного мануфактуръ третьей категоріи. Въ Норвичѣ, Фромѣ, Таунтонѣ, Девайзѣ, Стоутбриджѣ и другихъ центрахъ текстильной индустріи — говоритъ Гобсонъ („Эволюція капитализма“) — Дефоэ нашелъ ткацкую промышленность весьма сконцентрированной и богатыхъ предпринимателей, владѣющихъ значительнымъ числомъ станковъ. Часть этой работы они раздавали ткачамъ, работавшимъ у себя на дому, а другая часть уже исполнялась въ большихъ казармахъ, составлявшихъ собственность предпринимателя. Эти крупныя организованныя предпріятія, полу-фабричныя (мануфактурныя), полу-домашнія, встрѣчались въ центрахъ текстильной индустріи западной Англіи, вплоть до конца XVIII столѣтія. Предприниматель (master clothier) — цитируетъ Гобсонъ—закупаетъ шерсть у импортера, если шерсть заграничная, или прямо въ овчарняхъ, если она домашняя, затѣмъ, при обработкѣ шерсти, онъ обращается къ различнаго рода рабочимъ, такъ какъ каждый процессъ выполняется особымъ классомъ послѣднихъ; одни рабочіе производятъ

у себя на дому, другіе у хозяина, но ни одинъ изъ нихъ не выходитъ изъ предѣловъ своей спеціальности. Каждый классъ рабочихъ пріобрѣтаетъ большую ловкость при постоянномъ исполненіи какой-либо одной операціи, результатомъ которой является, несомнѣнно, общепризнанное совершенство сукна, изготовляемаго въ западной Англіи.

И въ хлопчатобумажной промышленности Ланкашира купецъ (скупщикъ) снабжалъ ткачей пряжей и основой, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ этой формы производства постепенно образовались небольшія мануфактуры, гдѣ наемные рабочіе работали на хозяйскихъ станкахъ, и это совершалось еще въ первой половинѣ XVIII в. Нѣсколько позже, но задолго еще до приложенія пара, Артуръ Юнгъ находилъ мануфактуру въ Дарлингтонѣ, гдѣ работаютъ свыше 50 станковъ, мануфактуру въ Бойтонѣ съ 150 рабочими и шелковую мануфактуру въ Шеффильдѣ со 152 рабочими... Усовершенствованные пути сообщенія—заключаетъ Гобсонъ—начали расширять рынокъ, увеличеніе предпріятій дѣлало выгоднымъ введеніе раздѣленія труда и вызвало потребность въ болѣе строгомъ надзорѣ, чѣмъ это возможно было, когда рабочіе были разсѣяны въ своихъ избахъ по деревнямъ.

Какъ указываетъ Манту, и во второй половинѣ XVIII вѣка въ текстильной промышленности Англіи лишь въ видѣ исключенія возникаютъ централизованныя мануфактуры. Появляются отдѣльные суконщики, которые соединяютъ нѣсколько станковъ въ своихъ домахъ, не три—четыре, какъ это дѣлали мастера-кустари, а десять или двѣнадцать. Но и въ этихъ случаяхъ они продолжаютъ одновременно раздавать работу и внѣ дома: у одного суконщика 11 ткачей работаютъ въ его помѣщеніи, 10 у себя на дому, на другого работаетъ 27 станковъ, изъ коихъ всего 13 въ помѣщеніи суконщика. Въ значительномъ количествѣ централизованныя мастерскія стали возникать лишь тогда, когда начали вводиться машины, но тогда это уже были не мануфактуры, а фабрики.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выгоды централизованныхъ мануфактуръ.—Раздѣленіе труда на мануфактурахъ.

По сравненію съ домашней или кустарной промышленностью, централизованная мануфактура, какъ форма предпріятія, представляла существенныя выгоды для предпринимателя. Устранялись прежде всего двѣ невыгодныя стороны домашней промышленности: необходимость пользоваться услугами факторовъ-посредниковъ при раздачѣ матеріала кустарямъ и при полученіи его обратно въ обработанномъ видѣ и утайка матеріала и другія обманныя операціи, совершаемыя ткачами. Въ 1750 году—разсказываетъ Готейнъ—сборщикъ таможенныхъ пошлинъ въ верхнемъ Брейсгау Киліанъ сталъ скупщикомъ хлопчатобумажной пряжи и тканей въ различныхъ мѣстностяхъ Шварцвальда. Во многихъ мѣстахъ прядильный промыселъ совершенно не прививался, и всѣ усилія его оказывались тщетными, ибо все дѣло портили факторы: они расплачивались съ кустарями не деньгами, полученными у Киліана, а кружевами, лентами и другими товарами, засчитывая ихъ по повышенной цѣнѣ. Вслѣдствіе этого населеніе отказывалось работать. Въ другихъ мѣстахъ прядильщики работали по заказу Киліана, несмотря на то, что его факторы прямо грабили ихъ, но и для Киліана это было убыточно: его конкуренты старались привлечь факторовъ на свою сторону, и послѣдніе во многихъ случаяхъ служили двумъ предпринимателямъ одновременно: полученную шерсть они обмѣнивали на худшую и обманывали ихъ обоихъ. Первоначально 100 гульденовъ въ годъ, получаемыхъ факторомъ, считались вполнѣ достаточной платой, но впослѣдствіи установился обычай уплачивать фактору, кромѣ того, по 3 крейцера за каждый фунтъ хлопка, который они раздавали кустарямъ. Однако, и этимъ они не удовлетворялись: Киліанъ вынужденъ былъ выдавать имъ значительныя безпроцентныя ссуды, чтобы удержать ихъ въ своей власти.

За эксплуатацію населенія предпринимателемъ и посредниками населеніе платило такой же монетой—обманами. Въ кражѣ хлопка и утайкѣ полученнаго матеріала рабочіе вскорѣ могли соперничать съ факторами. Послѣ исповѣди предприниматели нерѣдко получали

тайкомъ значительное количество хлопка, похищеннаго у нихъ. Это являлось хоть нѣкоторымъ противовѣсомъ противъ утайки матеріала. Въ фальсификаціи же пряжи прядильщицы—какъ бы на основаніи молчаливаго соглашенія—не усматривали ничего дурного, и эту фальсификацію онѣ производили съ рѣдкимъ искусствомъ. Онѣ незамѣтно замѣняли двѣ трети тонкой пряжи толстой пряжей, смачивали пряжу надъ кипящей водой и сверху вновь осушали ее. Имъ удавалось вложить около двухъ-трехъ лотовъ песку на каждый фунтъ пряжи, и Киліанъ жаловался на то, что у него на складѣ лежатъ товары, цѣнностью въ 30 тысячъ гульд., такъ какъ онъ не въ состояніи доставлять покупателямъ товаръ надлежащаго качества, безъ поддѣлокъ. И ткачество—говорилъ онъ—неудовлетворительно, несмотря на массу потраченныхъ денегъ, ибо ткачи употребляютъ такіе же пріемы, какъ прядильщицы. Дѣйствительно, еще семь лѣтъ спустя, констанцскіе купцы, въ отвѣтъ на правительственную рекомендацію товаровъ Киліана, указывали на то, что они не находятъ сбыта ни на ярмаркахъ, ни даже въ разносной торговлѣ.

Подобныя же явленія мы можемъ встрѣтить повсемѣстно въ кустарной промышленности. Въ Ахенѣ существовалъ особый сортъ матерій, произведенныхъ изъ краденой шерсти: подъ предлогомъ, что они скупаютъ розданную ими же шерсть, различные скупщики открыто торговали этими товарами, доставляемыми имъ кустарями. Въ Крефельдѣ утайка полученнаго шелка не только не считалась чѣмъ-либо дурнымъ, но, наоборотъ, въ этомъ видѣли особый подвигъ. Хотя въ 1735 году было издано постановленіе, согласно которому рабочіе, признанные виновными въ кражѣ, наказывались заключеніемъ въ крѣпости, причемъ родители отвѣчали за дѣтей, а лица, скупавшія матеріалъ, признавались скупщиками краденаго, тѣмъ не менѣе хищенія и впослѣдствіи принимали обширные размѣры; когда они открывались, то обнаруживались цѣлыя шайки, занимавшіяся этимъ промысломъ.

Въ Англіи — говоритъ Кэннингемъ — постоянныя жалобы скупщиковъ на утайку матеріала рабочими обратили на себя вниманіе общества; это явленіе считалось большимъ бѣдствіемъ, неразрывно связаннымъ съ производствомъ промышленныхъ издѣлій на дому. Такъ какъ предприниматели и факторы совершенно не имѣли возможности наблюдать за кустарями, то въ 1727 году мировымъ судьямъ Уильтшира, Глочестершира и Сомерсетшира было предоставлено право назначать особыхъ инспекторовъ, которые наблюдали бы за производствомъ въ области шерстяной промышленности, гдѣ это зло было особенно распространено; въ 1765 году

эта мѣра была примѣнена и въ Іоркширѣ. Одновременно съ этимъ наказанія за утайку матеріала усиливались: начиная съ 1701 г., за это полагались каторжныя работы (hard labour). Изъ закона 1726 года можно усмотрѣть, что эти хищенія породили особый промыселъ „endgadherer'овъ". Послѣдніе скупали у кустарей обрѣзки пряжи и тканей, пріобрѣтая и незаконно утаенные рабочими „остатки", почему законъ и воспретилъ вовсе этотъ промыселъ. Единственной мѣрой, дѣйствительно достигающей цѣли, являлось установленіе надзора надъ рабочими, и было рѣшено даже пожертвовать господствовавшимъ въ Англіи уже много вѣковъ правомъ всякаго хозяина не допускать постороннихъ лицъ въ свое жилище ради того, чтобы дать предпринимателямъ возможность надзора за производствомъ вообще и за тѣми рабочими въ особенности, которыхъ они подозрѣвали въ утайкѣ матеріала. Съ этой цѣлью скупщикамъ предоставлялось посѣщать жилища рабочихъ, причемъ рабочій, оказывавшій противодѣйствіе, подвергался штрафу въ размѣрѣ 20 ф. стерл.

Изъ этихъ данныхъ видно, что англичане уже тогда понимали, что переходъ отъ раздачи работы на домъ къ производству въ централизованныхъ заведеніяхъ, гдѣ установленъ постоянный надзоръ за рабочими, является единственнымъ способомъ прекращенія злоупотребленій со стороны рабочихъ. Но этимъ достигалась и другая, не менѣе важная цѣль: надзоръ за процессомъ производства даетъ возможность введенія улучшенныхъ пріемовъ обработки матеріала. Конечно, для этого необходимы были надсмотрщики, которые слѣдили бы за работой и стояли бы во главѣ мастерскихъ. Но нѣсколько надсмотрщиковъ замѣняли собою цѣлый штатъ факторовъ-посредниковъ, который упразднялся при переходѣ отъ кустарнаго способа производства къ мануфактурѣ. А на небольшихъ мануфактурахъ, какія по преимуществу только и возникали, даже и этого не требовалось: весь надзоръ и все руководительство сосредоточивались въ рукахъ предпринимателя. Наиболѣе существенная выгода заключалась, однако, въ раздѣленіи (расчлененіи) труда, въ томъ, что предприниматель, покупая рабочую силу и уплачивая за нее попрежнему соотвѣтственно той цѣнности, которую создавалъ каждый рабочій въ отдѣльности, пользовался тѣмъ, что производилъ этотъ рабочій въ качествѣ составной части цѣлаго механизма. Онъ присваивалъ себѣ плоды той ловкости и того умѣнія, которое пріобрѣталъ рабочій при расчлененіи процесса производства на мануфактурѣ, плоды той увеличенной интенсивности труда, которая являлась результатомъ кооперації рабочихъ.

Недаромъ Адамъ Смитъ, отличавшійся столь рѣдкой наблю-

дательностью, поставилъ во главѣ своего сочиненія вопросъ о раздѣленіи труда, усматривая въ послѣднемъ единственный факторъ, увеличивающій производительность труда. Оно имѣло въ XVIII вѣкѣ огромное общественное значеніе. Сочиненіе Адама Смита предшествуетъ эпохѣ великихъ изобрѣтеній, оно появилось до наступленія эры машиннаго производства—этого никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду *). По его словамъ, со времени Эдуарда IV въ текстильной промышленности появились всего три крупныхъ усовершенствованія: замѣна веретена самопрялкой (spinning wheel), примѣненіе аппаратовъ, облегчающихъ надлежащую подготовку основы и утка (winding), и введеніе сукновалокъ (fulling mill) для уплотненія сукна вмѣсто того, чтобы мять сукно въ водѣ. Въ этомъ перечнѣ—прибавляетъ Тойнби—Смитъ забылъ, однако, упомянуть объ автоматически движущемся челнѣ, изобрѣтенномъ въ 1738 году Кэемъ; но на слѣдующей страницѣ онъ же указываетъ, цитируя Бэна, на то, что въ Ланкаширѣ—центрѣ текстильной индустріи — самодѣйствующій челнокъ былъ введенъ въ употребленіе лишь въ 1760 г.; слѣдовательно, въ эпоху Смита это изобрѣтеніе еще никакого значенія имѣть не могло, а Смитъ останавливается лишь на тѣхъ усовершенствованіяхъ, которыя дѣйствительно играли въ его время роль въ производствѣ, увеличивая производительность труда. Онъ упоминаетъ и о томъ мальчикѣ **) (Гемфрей Поттеръ), который въ 1713 г. соединилъ веревками движущіяся части паровой машины, такъ что клапанъ открывался и закрывался автоматически безъ его помощи. Однако, это была еще водоподъемная машина Ньюкомена, которая и въ горномъ дѣлѣ (не говоря уже объ индустріи) никакого переворота не произвела ***) — паровой машины Уатта Смитъ еще не зналъ,—и поэтому онъ не придавалъ этому изобрѣтенію значенія. Имѣя это въ виду, мы поймемъ, почему Смитъ такъ мало обращалъ вниманія на машины, приписывая въ то же время столь важную роль раздѣленію труда, какъ фактору, увеличивающему производительность труда.

Онъ указываетъ на существованіе разнообразныхъ формъ раздѣ-

*) Эйзенгартъ («Geschichte der Nationalockonomik», Іена, 1901, стр. 41—42), Морицъ Мейеръ, («Die neuere Nationalockonomie in ihren Hauptrichtungen». 4-е изд., Минденъ, 1885, стр. 9) и др. ошибочно относятъ Адама Смита къ эпохѣ промышленнаго переворота и введенія машинъ въ Англіи.

**) Манту находитъ этотъ разсказъ легендарнымъ, происходящимъ отъ игры словъ: boy (мальчикъ) и buoy (указатель уровня воды въ паровой машинѣ).

***) См. І М. Кулишеръ, «Эволюція прибыли съ капитала», Т. II, стр. 14 и сл.

ленія труда *), но съ особенной любовью останавливается на одномъ видѣ его—на раздѣленіи (расчлененіи—Arbeitszerlegung, по терминологіи Бюхера) труда на мануфактурѣ. Въ видѣ примѣра онъ беретъ булавочную мануфактуру: все булавочное производство раздѣляется приблизительно на 18 операцій, которыя на нѣкоторыхъ мануфактурахъ исполняются такимъ же числомъ рабочихъ, на другихъ же одинъ и тотъ же рабочій выполняетъ двѣ или три операціи. Смитъ видѣлъ самъ небольшую мануфактуру, гдѣ было всего десять рабочихъ, такъ что раздѣленіе труда не могло быть проведено вполнѣ,—мануфактуру плохо оборудованную,—и, тѣмъ не менѣе, при усердной работѣ изготовлялось болѣе 48 тыс. булавокъ въ день, такъ что на долю каждаго рабочаго приходилось 4.800 штукъ. Между тѣмъ, если бы каждый работалъ отдѣльно отъ прочихъ и производилъ всѣ необходимыя операціи, то ни одинъ изъ нихъ не приготовилъ бы и двадцати, а многіе, быть-можетъ, не сдѣлали бы ни одной булавки въ теченіе цѣлаго дня. Это огромное возрастаніе производительности труда вызывается, по мнѣнію Смита, тремя моментами: увеличеніемъ ловкости рабочаго вслѣдствіе постояннаго упражненія въ одной и той же операціи; далѣе, сбереженіемъ во времени, которое теряется при переходѣ отъ одной работы къ другой—„частая перемѣна занятій дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ и неспособнымъ къ напряженному и серьезному труду даже при производствѣ наиболѣе спѣшныхъ работъ“; наконецъ, возможностью примѣненія болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ спеціальнымъ операціямъ, на которыя расчленяется работа.

Булавочную мануфактуру Ад. Смитъ приводитъ въ видѣ примѣра по той причинѣ, что „едва ли въ какой-либо другой отрасли производства раздѣленіе труда и качество необходимыхъ инструментовъ можетъ быть доведено до той степени совершенства, какъ въ промыслахъ обработки неблагородныхъ металловъ; въ производствѣ же сукна раздѣленіе труда находится въ настоящее время въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было сто лѣтъ тому назадъ, и употребляемые въ этомъ промыслѣ инструменты почти не измѣнились“. „Принципъ раздѣленія труда—говоритъ Эмануель Германъ — сталъ примѣняться (въ XVIII вѣкѣ) въ мастерскихъ по выдѣлкѣ стеклянныхъ и металлическихъ издѣлій **). Адамъ Смитъ,

*) У него мы находимъ, кромѣ Arbeitszerlegung, также Produktionsteilung, Berufsspaltung и Berufsbildung, по терминологіи Бюхера, но Бюхеръ послѣдней не замѣчаетъ Arbeitsverschiebung у него не могло быть за отсутствіемъ развитой индустріи, примѣняющей машины

**) Въ Шеффильдѣ и Бирмингамѣ дѣйствительно насчитывалось въ

такимъ образомъ, не случайно выбралъ булавочную мануфактуру въ качествѣ примѣра расчлененнаго, свойственнаго мануфактурѣ способа производства. Эта мануфактура относится къ области производства издѣлій изъ металла, какъ и иголочныя мануфактуры, мануфактуры, производящія часы (о часовомъ промыслѣ Смитъ также упоминаетъ), оружіе и т. п., гдѣ повсюду было введено подобное же раздѣленіе труда. Принципъ раздѣленія труда,—продолжаетъ Германъ—есть несомнѣнно принципъ экономическій; однако, расчлененный трудъ измѣняетъ свой характеръ. Работа производится при помощи спеціальныхъ инструментовъ, вспомогательныхъ приборовъ, моделей, образцовыхъ мѣръ (въ XVIII вѣкѣ?) и другихъ приспособленій для точнаго воспроизведенія однихъ и тѣхъ же производительныхъ процессовъ; вслѣдствіе этого она составляетъ переходную ступень къ работѣ на машинахъ, которыя появились въ совершенно иныхъ отрасляхъ промышленности: онѣ возникли въ горномъ дѣлѣ, и развитіе ихъ относится къ сферѣ текстильной индустріи".

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Положеніе рабочихъ на централизованныхъ мануфактурахъ.—Прикрѣпленіе рабочихъ къ мануфактурѣ.—Продолжительность рабочаго дня.—Эксплуатація труда женщинъ и малолѣтнихъ.

Каково же было положеніе рабочихъ на мануфактурахъ? Описаній ихъ жизни на мануфактурахъ мы почти совершенно не находимъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ книга Frémy о королев-

половинѣ XVIII вѣка нѣсколько централизованныхъ мануфактуръ, изготовлявшихъ металлическія издѣлія Такъ, Джозефъ Гальтонъ владѣлъ въ 1765 г. шестью мастерскими (въ Шеффильдѣ), гдѣ изготовлялись всевозможные желѣзные и мѣдные товары. Матью Больтонъ—впослѣдствіи компаньонъ Уатта—имѣлъ также въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Бирмингамѣ мануфактуру, производившую самые разнообразные предметы изъ желѣза, мѣди, серебра, черепахи, въ томъ числѣ бронзовые орнаменты, цѣпочки для часовъ и т. п. Въ Бирмингамѣ находилась и мануфактура Джона Тайлора, спеціальностью которой являлось изготовленіе застежекъ для башмаковъ и полированныхъ металлическихъ табакерокъ. Что касается раздѣленія труда въ стекольномъ производствѣ (упоминаемомъ также Германомъ), то въ эту эпоху оно и здѣсь несомнѣнно достигло значительныхъ размѣровъ. По крайней мѣрѣ, въ Бельгіи въ половинѣ XVIII вѣка находимъ среди мануфактуръ по производству бутылокъ и мануфактуръ, выдѣлывающихъ оконныя стекла, рядомъ съ предпріятіями, гдѣ имѣется всего четыре-пять различныхъ категорій рабочихъ, и такія, гдѣ число спеціальностей доходитъ до пятнадцати, какъ, напр., на бутылочной мануфактурѣ въ Брюгге или на хрустальной мануфактурѣ въ Намюрѣ.

ской зеркальной мануфактурѣ во Франціи, гдѣ имѣется много данныхъ о положеніи рабочихъ на этой мануфактурѣ въ XVII и XVIII ст. Изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній мы можемъ усмотрѣть слѣдующее. Рабочіе, нанятые на мануфактуру, обязаны были работать 14 часовъ въ день съ перерывомъ въ два часа; первоначально производство по праздникамъ пріостанавливалось, но впослѣдствіи компанія, которой принадлежала мануфактура, добилась права продолжать его и въ праздничные дни, если производство не было закончено. Рабочіе заключали договоръ найма первоначально на два года, впослѣдствіи же, съ начала XVIII ст., на четыре года. Владѣльцы предпріятія въ правѣ были разсчитать рабочихъ и до этого срока, безъ уплаты какого-либо дополнительнаго вознагражденія; они обязаны были лишь выдать рабочему свидѣтельство, безъ котораго ни одно предпріятіе по производству стекла во Франціи не могло нанять рабочаго, служившаго на королевской зеркальной мануфактурѣ. Рабочіе же до истеченія срока договора не могли уходить съ мануфактуры. Покидая ее, они не только лишались возможности найти себѣ работу въ другомъ мѣстѣ, ибо не имѣли свидѣтельства отъ мануфактуры, но и подвергались преслѣдованію: владѣльцы мануфактуры имѣли право черезъ своихъ агентовъ ловить такихъ рабочихъ и возвращать ихъ обратно. Случаи оставленія мануфактуры происходили неоднократно, ибо другіе предприниматели старались привлечь къ себѣ рабочихъ, научившихся выдѣлывать зеркальныя стекла, что составляло въ то время особенное искусство. Однако, не только такихъ рабочихъ возвращали обратно, но и виновные въ сманиваніи ихъ предприниматели подлежали штрафу въ 3000 фр. и тюремному заключенію.

Будучи, такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ прикрѣплены къ мануфактурѣ, рабочіе обязаны были въ теченіе всего этого времени и проживать на ней, причемъ подвергались и во время работы и внѣ ея чрезвычайно строгой дисциплинѣ. Они не могли держать ни собакъ, ни коровъ, ни домашней птицы, не могли имѣть слугъ или пользоваться услугами постороннихъ мануфактурѣ лицъ. Въ предѣлахъ мануфактуры не могло продаваться ни вино, ни пиво, ни сидръ, и строго запрещалось пьянство. По окончаніи работы они могли выходить за предѣлы мануфактуры, но не далѣе одной мили. Охота была запрещена рабочимъ, исключеніе было установлено для охоты на волковъ, но и для этого требовалось спеціальное письменное разрѣшеніе управляющаго. За всякое нарушеніе этихъ правилъ рабочіе подвергались высокимъ штрафамъ, достигавшимъ мѣсячнаго заработка, или же вовсе увольня-

лись до срока. При этомъ рабочіе отвѣчали не только за собственные проступки, но и за всякое нарушеніе установленныхъ правилъ членами ихъ семействъ. Наконецъ, на ночь ворота мануфактуры запирались зимою въ 8 ч. вечера, лѣтомъ въ 10 часовъ; рабочіе, возвращавшіеся домой позже этого часа, вынуждены были ночевать въ другомъ мѣстѣ, за что полагался штрафъ; еще большій штрафъ былъ установленъ, однако, за перелѣзаніе черезъ заборъ.

„Свободные“ рабочіе здѣсь находились, слѣдовательно, въ состояніи, близкомъ къ крѣпостному. И зеркальная мануфактура не составляла исключительнаго явленія въ этомъ отношеніи. На извѣстной французской мануфактурѣ Van Robais, которая изготовляла шерстяныя ткани и представляла собою весьма крупное предпріятіе, также всѣ рабочіе, даже тѣ, которые въ данное время не имѣли работы, были прикрѣплены къ мануфактурѣ. Широкой властью надъ рабочими пользовались, какъ мы видѣли выше, и прусскіе промышленники *). У насъ Петръ Великій сотнями и тысячами приписывалъ рабочихъ къ мануфактурамъ, создавая такъ назыв. поссессіонныя фабрики: рабочіе были прикрѣплены къ мануфактурѣ, составляли нераздѣльное цѣлое съ ней. Въ такомъ же положеніи находились рабочіе на шотландскихъ рудникахъ и соляныхъ копяхъ: до 1775 года они были прикрѣплены къ предпріятію и продавались вмѣстѣ съ нимъ. Они носили даже внѣшній признакъ—цѣпь съ именемъ хозяина.

Въ Россіи въ XVIII вѣкѣ мы можемъ найти и еще большую степень зависимости—вотчинныя мануфактуры, на которыхъ работа производилась при помощи крѣпостныхъ. И въ Царствѣ Польскомъ въ эту эпоху мы имѣемъ такія крѣпостныя предпріятія, причемъ крѣпостные частью были обязаны доставлять въ качествѣ барщины изготовленную для мануфактуры пряжу, частью же обрабатывали матеріалъ и производили суконныя, шелковыя, кружевныя издѣлія въ принадлежащихъ помѣщику зданіяхъ, какъ это происходило, напр., во владѣніяхъ литовскаго подскарбяго Тизенгауза **). Этотъ видъ мануфактуры можно было бы выдѣлить въ особую категорію, ибо на вотчинной мануфактурѣ трудъ не только принудительный, какъ въ мануфактурахъ, устроенныхъ въ тюрьмахъ, работныхъ домахъ и т. д.—къ нимъ они стоятъ наиболѣе близко,—но и даровой. Однако, мы все же не рѣшаемся это сдѣлать и касаемся лишь вкратцѣ вотчинныхъ мануфактуръ по той причинѣ, что онѣ не составляютъ общераспространеннаго явленія. Въ то время, какъ раз-

*) См. выше, стр 123.
**) См. Воблый, «Исторія польской фабричной промышленности», 1909.

смотрѣнныя три группы мануфактуръ существовали рѣшительно вездѣ, мануфактуры съ крѣпостнымъ трудомъ характерны лишь для восточной части Европы—Россіи, Польши, а также Австріи. Въ послѣдней помѣщики устраивали мануфактуры на своихъ земляхъ и заставляли работать на нихъ своихъ крѣпостныхъ, или же раздавали часть работы крѣпостнымъ на домъ. Но трудно сказать, имѣлось ли даже тамъ много такихъ мануфактуръ; относительно существованія вотчинныхъ мануфактуръ въ Пруссіи совсѣмъ не встрѣчается свѣдѣній. Между тѣмъ, только въ этихъ обоихъ государствахъ аграрный строй допускалъ такого рода мануфактуры. Ибо, какъ мы подробно выяснили въ другомъ мѣстѣ *), въ періодъ XVI—XVIII ст. не только въ Англіи, но и во Франціи и въ западной и южной части Германіи не существовало ни личной зависимости крестьянъ, ни барщиннаго труда; личная несвобода и барщина сохранились только въ восточной Германіи, т.-е. въ Пруссіи, Австріи, Мекленбургѣ, Шлезвигъ-Голштиніи.

Какъ мы видѣли выше, кустарная промышленность въ широкихъ размѣрахъ пользовалась трудомъ женщинъ и дѣтей съ самаго ранняго возраста. Мы упоминали выше и о примѣненіи повсюду дѣтскаго труда въ сиротскихъ пріютахъ, гдѣ учреждались мануфактуры. Извѣстный камералистъ Зонненфельсъ находитъ, что „сироты съ ранняго дѣтства должны научиться всячески избѣгать бездѣлія“, почему сиротскіе пріюты слѣдуетъ соединять съ мануфактурами. Тогда сироты не только пріучатся къ труду, но и съ раннихъ лѣтъ будутъ покрывать своимъ трудомъ часть расходовъ на ихъ воспитаніе. Но не менѣе обычнымъ трудъ и женщинъ и дѣтей являлся на мануфактурахъ со свободнымъ трудомъ.

Такъ, въ 1686 г. нѣкій Абрамъ Валери учредилъ суконную мануфактуру въ Галле, на которой уже въ слѣдующемъ году работало 300 женщинъ и 50 мужчинъ. На шелковой мануфактурѣ въ Шеффильдѣ, о которой упоминаетъ Артуръ Юнгъ, находилось 152 рабочихъ, въ томъ числѣ и женщины и дѣти. Въ производствѣ венеціанскихъ кружевъ, введенномъ во Франціи Кольберомъ, работало много женщинъ на мануфактурахъ, хотя часть ихъ впослѣдствіи покинула мастерскія и возвратилась обратно въ деревню, перейдя снова къ кустарному способу производства. Въ чулочномъ

*) См. І. М. Кулишеръ, «Лекціи по исторіи экономическаго быта». Изд. 2-е, стр. 268—326 («Сельское хозяйство и аграрный строй въ XVI—XVIII ст.»).

промыслѣ, въ производствѣ саржи работали десятилѣтнія дѣти. На извѣстной мануфактурѣ Ванъ-Робе изъ 1500 рабочихъ насчитывалось всего 317 отцовъ семействъ, все остальное рабочее населеніе состояло изъ женъ ихъ и дѣтей, которыя занимались преимущественно чесаньемъ и пряденьемъ шерсти. Въ частности женщинъ насчитывалось 900—1000, а именно: 700—800 прядильщицъ, 90 чистильщицъ, 40 гладильщицъ, 50 мотальщицъ и т. д. При этомъ характерно, что, напр., въ Нидерландахъ женщины работали въ XVIII вѣкѣ даже въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ трудъ былъ тяжелъ и вреденъ для зоровья, какъ, напр., въ солеварномъ промыслѣ, гдѣ нанимались почти исключительно женщины, въ производствѣ изъ бумажной массы, при обжиганіи кирпичей. Все это было еще задолго до появленія фабрикъ и машинъ, при существованіи одного лишь ручного способа производства.

Много данныхъ имѣется объ условіяхъ труда дѣтей на австрійскихъ мануфактурахъ. Иголочная и проволочная мануфактура, устроенная Христіаномъ Цугомъ въ 1750 г. около Вѣны, получила пособіе отъ казны „за то, что она доставляетъ пропитаніе бѣднымъ дѣтямъ“. Іоганнъ-Баптистъ Фальцоргеръ, основавшій приблизительно въ то же время мануфактуру для выдѣлки крепа, также обращался къ австрійскому правительству съ просьбой о выдачѣ ему преміи въ размѣрѣ 25 гульденовъ за каждаго мальчика и каждую дѣвочку, работающую на его мануфактурѣ. Просьба была удовлетворена, но прибавленъ слѣдующій характерный приказъ: „провѣрять отъ времени до времени, нанимаетъ ли онъ дѣйствительно лицъ мужскаго и женскаго пола, въ особенности женщинъ, и обучаетъ ли ихъ промыслу надлежащимъ образомъ“. Такимъ образомъ, обученіе промыслу соединялось съ работой на предпринимателя; учебныя мастерскія были въ то же время и мануфактурами. При каждой почти мануфактурѣ, кромѣ помѣщеній для взрослыхъ рабочихъ, имѣлись и особыя помѣщенія для дѣтей, работавшихъ на мануфактурѣ, подъ названіемъ „Kinderhaus“. Дѣти, такимъ образомъ, были оторваны отъ родителей и находились въ полной власти предпринимателя, который могъ эксплуатировать ихъ по своему усмотрѣнію.

Такъ какъ родители во многихъ случаяхъ не желали отпускать своихъ дѣтей на мануфактуры, то правительство велѣло мѣстнымъ властямъ брать дѣтей и доставлять ихъ владѣльцамъ мануфактуръ. Но „любящія свободу дѣти“ всячески старались уйти съ мануфактуры; поэтому велѣно магистратамъ оказывать владѣльцамъ мануфактуръ содѣйствіе въ задержаніи такихъ дѣтей и отправленіи

обратно на мануфактуру. Стремленіе дѣтей уйти съ мануфактуры мы вполнѣ поймемъ, если примемъ во вниманіе ихъ положеніе. Изъ правительственнаго распоряженія 1786 года, когда въ Австріи о машинахъ еще и помину не было, мы можемъ усмотрѣть, что дѣти работали на мануфактурахъ отъ 5—6 часовъ утра до 7 часовъ вечера, т.-е. 13—14 часовъ въ день, иногда даже 16 часовъ. Принимались дѣти даже моложе 9 лѣтъ. Спали мальчики и дѣвочки въ однихъ и тѣхъ же помѣщеніяхъ, что вызывало половую распущенность. Въ одной кровати спало 4—5 дѣтей вмѣстѣ. За проступки они подвергались тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Правда, уже тогда указывалось на необходимость измѣненія этихъ условій, на то, что безъ особой необходимости не слѣдуетъ допускать къ работѣ на мануфактурахъ дѣтей моложе 9 лѣтъ; но вѣдь предприниматели могли всегда сослаться на существованіе такой необходимости.

Далѣе Іосифъ II требовалъ, чтобы для каждаго ребенка имѣлась особая кровать, мальчики и дѣвочки были бы отдѣлены, чтобы разъ въ недѣлю дѣтей мыли и чесали и разъ въ мѣсяцъ мѣняли имъ постельное бѣлье. Но этотъ приказъ его не былъ выполненъ. Большее практическое значеніе имѣло постановленіе, чтобы дѣтямъ дана была возможность посѣщать школу, почему работа должна прекращаться раньше. Послѣ пяти часовъ вечера они должны заниматься въ школѣ. Однако и это требованіе принесло мало пользы, ибо послѣ 13-часоваго рабочаго дня дѣти засыпали во время урока. Многимъ же предпринимателямъ удалось сохранить и еще болѣе продолжительный рабочій день, взамѣнъ чего они обязались нанять учителя для обученія дѣтей по воскресеньямъ. Дальше этихъ мѣръ эпоха мануфактуръ не пошла: она не считала возможнымъ лишать родителей доставляемаго дѣтьми заработка, дѣтей—пріобрѣтаемаго такимъ путемъ съ малолѣтства навыка къ труду, а предпринимателей— дешеваго дѣтскаго труда.

Заключеніе.

Въ Англіи уже съ конца XVII и начала XVIII вѣка исчезаетъ монополизація отдѣльныхъ отраслей промышленности. Въ теченіе XVI и большей части XVII вѣка отдѣльнымъ лицамъ или ассоціаціямъ удавалось добыть у правительства за уплату извѣстной суммы исключительную привилегію на производство того или иного промысла, какъ, напр., добычи олова, соли, каменнаго угля въ опредѣленной мѣстности, производства и сбыта въ Англіи стекла, мыла, крашенаго сукна, булавокъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воспрещался привозъ соотвѣтствующихъ издѣлій и продуктовъ изъ-за границы. По существу своему эти монополіи нисколько не отличались отъ тѣхъ, которыя мы находимъ на континентѣ въ ту же эпоху; монополизація скупщиками производства сукна, металлическихъ издѣлій и т. д. въ той или другой мѣстности основана вѣдь на томъ же принципѣ. Различіе между Англіей и континентомъ состоитъ лишь въ томъ, что въ Англіи эти монополіи исчезаютъ уже съ конца XVII ст., тогда какъ во Франціи, Германіи, Австріи они существовали до конца XVIII и начала XIX ст., въ горномъ дѣлѣ даже до половины минувшаго вѣка.

Борьба противъ монополій начинается въ Англіи уже съ начала XVII вѣка: монополиста приравнивали къ библейскому мытарю, называли его кровопійцей; парламентъ въ 1641 году исключилъ изъ своей среды четырехъ „монополистовъ“. Литература XVII вѣка наполнена указаніями на то, что монополизація различныхъ отраслей промышленности ведетъ къ тому, что владѣлецъ привилегіи устанавливаетъ цѣну по своему усмотрѣнію, что цѣна, слѣдовательно, повышается; но и по качеству товаръ хуже, чѣмъ при иныхъ условіяхъ, ибо ему вѣдь нѣтъ надобности считаться съ другими производителями.

Дѣйствительно, предоставленіе исключительныхъ привилегій на производство отдѣльныхъ видовъ промышленныхъ издѣлій не привело къ тѣмъ результатамъ, которыхъ правительство, по его словамъ, ожидало: обогатилось лишь правительство и любимцы короля, которые получали привилегіи. Система привилегій не вызвала развитія соотвѣтствующихъ отраслей промышленности, не поощряла притока

къ нимъ новыхъ капиталовъ; владѣльцы же привилегій не въ состояніи были выполнять принятыхъ на себя обязанностей, доставлять опредѣленное количество продукта и т. д.

Но съ начала XVIII вѣка этой „воспитательной“ системы уже болѣе не существовало: производителямъ была предоставлена возможность изготовлять всевозможные товары и „сбывать ихъ въ любое время и по любымъ цѣнамъ“. Поэтому Адамъ Смитъ уже ничего не упоминаетъ объ этого рода стѣсненіяхъ промышленнаго развитія; онъ возстаетъ противъ другихъ видовъ ограниченій, настаивая на полной свободѣ конкуренціи, но исключительныхъ привилегій отдѣльныхъ лицъ или ассоціацій промышленниковъ въ его время уже не было, о нихъ англичане уже успѣли забыть. Напротивъ, въ Германіи Юсти еще въ 1760 г. писалъ: „Когда имѣется только одинъ предприниматель въ данной отрасли мануфактуръ и фабрикъ (это означаетъ: въ данной отрасли промышленности), то нѣтъ той конкуренціи, того соревнованія въ томъ же дѣлѣ, которое вызываетъ производство товаровъ хорошаго качества и низкія цѣны. Вслѣдствіе отсутствія этого не только страдаетъ страна, но и не возможенъ вывозъ за границу“.

Въ Германіи въ это время лишь мечтали объ организаціи крупной промышленности на началахъ свободной конкуренціи; случилось это лишь полъ-вѣка спустя — въ XIX вѣкѣ.

Въ другой сферѣ, въ области цеховыхъ привилегій, и въ Англіи перемѣна совершалась гораздо медленнѣе. Во время пребыванія Адама Смита въ Глэзго произошелъ слѣдующій случай. Уаттъ работалъ тамъ надъ своей моделью паровой машины. Узнавши объ его дѣятельности, корпорація механиковъ, къ составу которой онъ не принадлежалъ, запретила ему продолжать работу и только въ качествѣ университетскаго механика, въ предѣлахъ университета, на который надзоръ корпораціи не распространялся, онъ могъ продолжать работу и дать міру свое великое изобрѣтеніе.

Однако, это событіе все же не даетъ представленія о дѣйствительномъ положеніи дѣла; во второй половинѣ XVIII вѣка такой образъ дѣйствій городскихъ корпорацій составлялъ уже явленіе довольно рѣдкое. Въ то время, какъ въ началѣ XVIII вѣка лордъ Мольсвортъ еще сильно жаловался на вредъ, приносимый ими, Тукеръ въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка указываетъ на то, что „привилегіи цеховъ и торговыхъ корпорацій въ городахъ въ настоящее время уже обладаютъ лишь незначительной силой, не дающей имъ возможности приносить много вреда, какъ это было раньше“.

Къ концу XVIII вѣка въ Англіи привилегіи корпорацій,

право на полученіе вступительнаго взноса, на осмотръ произведеній данной отрасли промышленности даже въ городахъ осуществлялись весьма мало. Но и ограниченіе числа подмастерьевъ, обязательность семилѣтняго срока ученичества, какъ и установленіе размѣра заработной платы, постепенно выходили изъ употребленія и къ этому времени уже почти не имѣли реальнаго значенія. Въ новыхъ же отрасляхъ промышленности, гдѣ не существовало старинныхъ, сохранившихъ еще силу съ прежнихъ временъ, регламентовъ, мы не находимъ вовсе стѣсненій этого рода. Здѣсь совершенно отсутствовала какая бы то ни было регламентація производства; господствовала уже въ половинѣ XVIII ст. полная свобода конкуренціи. Въ такомъ положеніи находилась вновь возникшая отрасль производства—хлопчатобумажная промышленность, которая впослѣдствіи стала важнѣйшей отраслью англійской индустріи, но въ половинѣ ~~XIX~~ вѣка еще имѣла весьма мало значенія. Въ этой отрасли промышленности не было никакой регламентаціи производства или сбыта, каждый предприниматель могъ по своему усмотрѣнію производить издѣлія тѣмъ или инымъ способомъ, при помощи тѣхъ или другихъ инструментовъ, сбывать ихъ въ любой мѣстности по цѣнѣ, назначенной по собственному усмотрѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не существовало ни таможенныхъ пошлинъ на хлопчатобумажныя ткани, ни установленнаго максимума заработной платы *).

Въ хлопчатобумажной индустріи, такимъ образомъ, рѣзче, чѣмъ гдѣ-либо, обнаруживались признаки новой эры, наступленіе періода свободной конкуренціи. Здѣсь предприниматель былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ; онъ не могъ опираться ни на исключительныя привилегіи производства въ борьбѣ съ другими производителями, ни на установленную максимальную плату въ борьбѣ съ рабочими. Онъ вынужденъ былъ уже самъ заботиться о расширеніи сбыта своихъ издѣлій и о сокращеніи издержекъ производства путемъ усовершенствованія техники. Въ этой отрасли промышленности впервые и появились машины, здѣсь возникла фабрика; уже въ послѣднія два десятилѣтія въ Англіи насчитывалось свыше 150 хлопчатобумажныхъ фабрикъ, тогда какъ ни на континентѣ Европы, ни въ другихъ отрасляхъ англійской индустріи ихъ еще почти не было.

Впрочемъ, и на континентѣ Европы регламентація производства, цеховыя привилегіи и т. д. постепенно теряютъ свое значеніе. Если привилегированныя ассоціаціи скупщиковъ еще продолжаютъ суще-

*) См. Шульце-Геверницъ, «Крупное производство».

ствовать, если владѣльцы мануфактуръ еще сохраняютъ за собою исключительныя права производства, то техническіе регламенты, ограниченія въ области количества и качества производства и здѣсь постепенно, на практикѣ, по крайней мѣрѣ, уходятъ въ вѣчность. Во Франціи,напр., эти регламенты уже съ начала XVIII ст. выполнялись весьма плохо, во многихъ случаяхъ оставались на бумагѣ.

А новыя отрасли производства находятся и здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ такомъ же положеніи, какъ и англійская хлопчатобумажная промышленность. Примѣромъ этого можетъ служить швейцарская хлопчатобумажная индустрія. Въ Швейцаріи вообще и въ кантонѣ Санктъ-Галленѣ въ особенности наиболѣе развитой отраслью текстильной промышленности являлось производство льняныхъ издѣлій. Это производство подвергалось строгой регламентаціи: пряжа, производимая жителями окрестныхъ селъ, сбывалась исключительно въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ Санктъ-Галленѣ — на рынкѣ около церкви св. Лаврентія; покупать и обрабатывать ее могли только члены ткацкаго цеха, далѣе готовый продуктъ поступалъ въ продажу лишь послѣ осмотра его властями, и, наконецъ, ткачъ обязанъ былъ продать полотно купцу и также на спеціально устроенномъ для этого рынкѣ. Между тѣмъ, уже около 1720 г. въ Санктъ-Галленѣ появился нѣкій Петръ Біонъ, который занимался торговлей хлопчатобумажными издѣліями, причемъ онъ по своему усмотрѣнію раздавалъ хлопокъ для выдѣлки пряжи, закупалъ готовую пряжу въ другихъ мѣстахъ, нанималъ мастеровъ для обработки послѣдней и, наконецъ, сбывалъ произведенныя, такимъ образомъ, издѣлія въ разныя страны, въ Австрію, Италію, Францію.

Такимъ образомъ, хлопчатобумажное производство и въ Швейцаріи съ самаго начала освободилось отъ всякихъ цеховыхъ преградъ и отъ правительственнаго контроля. Какъ выдѣлка хлопчатобумажныхъ издѣлій, такъ и сбытъ пряжи и тканей былъ совершенно свободенъ; производились бумажныя издѣлія нецеховыми мастерами, пряжа и фабрикатъ сбывались внѣ установленныхъ рынковъ и не подвергались осмотру. Конечно, все это произошло не сразу, не безъ борьбы съ цехами, отстаивавшими свои привилегіи, и съ городскимъ совѣтомъ, который первоначально совершенно не въ состояніи былъ уяснить себѣ происходившую на его глазахъ перемѣну. Но фактъ тотъ, что въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка новая отрасль промышленности торжествовала уже побѣду. Предприниматели этой отрасли промышленности придерживались совершенно новаго для того времени принципа, высказаннаго впервые представителями санктъ-галленскаго купечества въ заявленіи, поданномъ ими городскому совѣту въ 1785 году.

„Всеобщій и безспорный принципъ торговли—читаемъ въ этой бумагѣ—слѣдующій: чѣмъ менѣе торговля въ данной мѣстности стѣснена различными законами и ограниченіями, чѣмъ больше туда стекается товаровъ, чѣмъ сильнѣе наплывъ покупателей и продавцовъ, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ и самая торговля“ (Wartmann, „Industrie und Handel des Kantons St.-Gallen“. 1875).

Такимъ образомъ, во вновь возникшей хлопчатобумажной промышленности Швейцаріи столь же рѣзко проведенъ принципъ свободной конкуренціи, какъ и въ англійской хлопчатобумажной индустріи—духъ свободной конкуренціи успѣлъ проникнуть и на континентъ Европы. Въ 1800 году и въ Швейцаріи появилась первая прядильная машина. И здѣсь за свободной конкуренціей слѣдовала новая техника производства съ той только разницей, что машины были изобрѣтены въ Англіи; Швейцарія же прибѣгла къ помощи англичанъ, стала примѣнять на своихъ фабрикахъ англійскія изобрѣтенія.

Каково же было вліяніе свободной конкуренціи и фабричной промышленности, т.-е. переворота въ хозяйственной жизни, происшедшаго въ концѣ XVIII ст. въ Англіи и въ началѣ XIX вѣка на континентѣ Европы, на положеніе рабочаго населенія?

Эксплуатація женскаго труда и труда малолѣтнихъ, чрезвычайно продолжительный рабочій день, антисанитарныя условія труда,—все это изъ кустарной мастерской и мануфактуры перешло и на фабрику. То, что происходило раньше, продолжалось и въ новой фабричной промышленности, причемъ здѣсь присоединились еще многочисленные несчастные случаи какъ съ взрослыми рабочими, такъ и съ переутомленными дѣтьми, отъ тѣсно разставленныхъ машинъ въ плохо освѣщенномъ зданіи.

Заработная плата сильно понизилась. Въ концѣ XVIII ст. произошло рѣзкое возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ; денежная же плата хотя и повышалась, но не столь быстро, какъ хлѣбныя цѣны, слѣдуя за послѣдними лишь медленно. Это являлось послѣдствіемъ того, что населеніе въ эту эпоху сильно увеличивалось, несравненно быстрѣе, чѣмъ въ прежнія десятилѣтія; напротивъ, спросъ на рабочія руки не возрасталъ, а даже уменьшался. Машины вытѣсняли рабочаго, производство же расширялось весьма медленно, ибо фабриканты старались удержать цѣны товаровъ на прежнемъ уровнѣ, слѣдовательно, препятствовали расширенію потребленія. Такимъ образомъ, недостаточное пониженіе цѣнъ, мѣшая росту потребленія, тѣмъ самымъ сохраняло спросъ на рабочія руки на прежнемъ уровнѣ и не могло служить противовѣсомъ уменьшенію спроса на рабочихъ, происходившаго

подъ вліяніемъ замѣны ручного труда машиннымъ. Отсюда недостаточное повышеніе денежной платы или, иначе — при сильномъ ростѣ цѣнъ на хлѣбъ — паденіе реальной заработной платы.

Правда, другой моментъ—установленіе личной свободы и свободной конкуренціи—долженъ былъ дѣйствовать на заработную плату въ противоположномъ направленіи. Съ отмѣной крѣпостной зависимости должны были исчезнуть не только вотчинныя фабрики, но и всякое прикрѣпленіе рабочихъ къ опредѣленному предпріятію. Съ уничтоженіемъ монополій привилегированныхъ компаній должна была прекратиться зависимость рабочихъ отъ опредѣленныхъ предпринимателей. Установившаяся въ Англіи съ конца XVIII вѣка, во Франціи со времени революціи свобода рабочаго договора, свобода передвиженія и избранія занятій давала рабочему возможность наниматься къ любому предпринимателю, въ любой мѣстности, на любыхъ условіяхъ. Но первоначально результаты этой перемѣны были весьма незначительны. Отмѣна максимальной заработной платы имѣла бы значеніе въ эпоху возрастанія платы — тогда устраненіе этого препятствія было бы весьма существенно. Въ началѣ XIX вѣка, когда плата стояла на низшемъ уровнѣ, даже временно понизилась ниже того, что рабочему необходимо было для поддержанія жизни, такъ что государство вынуждено было выдавать рабочимъ пособія,— при этихъ условіяхъ отмѣна дозволеннаго максимума была безразлична.

Немного дала рабочимъ первоначально и свобода передвиженія и избранія занятій; значеніе ея могло возрасти лишь со времени появленія и развитія желѣзнодорожнаго движенія, но и тогда для осуществленія этой свободы нужны были средства; иначе рабочій поневолѣ вынужденъ былъ наниматься въ опредѣленной мѣстности, уѣзжать изъ нея не могъ, да и не зналъ, гдѣ имѣется спросъ. По сравненію съ предпринимателемъ положеніе его при заключеніи договора было неблагопріятное, хотя юридически оба находились теперь въ равныхъ условіяхъ. При формально свободномъ рабочемъ договорѣ предприниматель не могъ заставить рабочаго согласиться на предлагаемыя ему невыгодныя условія; но голодъ вынуждалъ его къ этому. Объединеніе рабочихъ въ союзы, устройство забастовокъ еще долго запрещалось, разсматривалось какъ бунтъ, какъ неповиновеніе властямъ; еще долго сохранялся прежній взглядъ на предпринимателя какъ на начальство, приказанія котораго рабочій обязанъ исполнять, какъ въ былыя времена.

Лишь съ половины XIX ст., съ дальнѣйшимъ ростомъ фабричной промышленности, условія эти измѣнились. Заработная плата стала возрастать. Съ одной стороны, это вызывалось увеличеніемъ

спроса на промышленныя издѣлія, подъ вліяніемъ сильнаго паденія цѣнъ на нихъ; увеличеніе спроса на товары обозначало расширеніе промышленности, усиленіе спроса на рабочія руки. А съ другой стороны, появились коалиціи рабочихъ — временныя, устраивавшія забастовки, и постоянныя въ формѣ рабочихъ союзовъ. Рабочіе прибѣгли къ самопомощи. И то и другое заставило предпринимателя повысить заработную плату.

Одновременно съ этимъ измѣнились и условія труда. Съ начала XIX ст., а еще болѣе съ 30-хъ годовъ появляется фабричное законодательство, запрещающее трудъ малолѣтнихъ, ограничивающее продолжительность труда подростковъ и женщинъ. „Kinderhäuser“ въ Австріи были уничтожены, пользованіе трудомъ сиротъ въ Англіи не допускалось болѣе, — все это совершилось не безъ борьбы какъ съ предпринимателями, такъ и съ родителями, терявшими заработокъ дѣтей. Эти мѣры осуществились не сразу, но, во всякомъ случаѣ, уже въ первой половинѣ XIX ст. точка зрѣнія, подъ вліяніемъ новыхъ идей, была совершенно иная, чѣмъ прежде. Недостаточно было, очевидно, одного устраненія прежнихъ ограниченій и препятствій; нужно было на расчищенномъ мѣстѣ построить новое зданіе, создать новую организацію хозяйственной жизни.

Адама Смита и его послѣдователей упрекали въ непониманіи этого, въ отстаиваніи условій производства, выгодныхъ для однихъ лишь предпринимателей. Дѣйствительно, Адамъ Смитъ высказывался противъ всякаго вмѣшательства въ экономическую жизнь, онъ не упоминалъ о необходимости фабричнаго законодательства и иныхъ мѣръ въ защиту труда. Онъ ихъ не зналъ. Всѣ тѣ мѣропріятія, которыя ему были извѣстны, клонились всегда — онъ самъ указываетъ на это — ко вреду рабочаго населенія, къ выгодѣ однихъ лишь хозяевъ-капиталистовъ. И поэтому онъ боялся всякаго вмѣшательства. Что послѣднее можетъ имѣть и иной характеръ, едва ли могло придти ему въ голову, — ему, вынужденному — какъ мы видѣли выше — доказывать современникамъ, что въ повышеніи заработной платы нѣтъ ничего дурного, что и рабочій имѣетъ право на существованіе. Великая заслуга Адама Смита и его послѣдователей состоитъ въ томъ, что они добились устраненія всего законодательства „стараго режима“, отмѣны кустарныхъ регламентовъ, и тѣмъ самымъ расчистили почву для созданія новыхъ институтовъ, для регламентаціи рабочаго договора въ совершенно новомъ направленіи.

ЛИТЕРАТУРА.

Общихъ сочиненій, дающихъ характеристику всей хозяйственной жизни или хотя бы промышленности и рабочаго класса въ XVI—XVIII ст., нѣтъ ни на русскомъ, ни на иностранныхъ языкахъ Обзоръ имѣется въ моемъ курсѣ исторіи экономическаго быта (І М. Кулишеръ, «Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы». Изд. 2-ое СПБ., 1910). Тамъ же указана библіографія по каждому отдѣлу. По отдѣльнымъ странамъ существуютъ слѣдующія сочиненія: для Франціи — Levasseur, «Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France depuis la conquête de Jules César jusqu'à la Révolution», 2-e éd., 190?—1901, второй томъ содержитъ эпоху XVI—XVIII ст. D'Avenel, «Histoire economique de la propriété, des denrées, des salaires et de tous les prix en général de 1200 jusqu'à 1800». T. III—IV. Для Англіи—Cunningham, «Growth of English Industry and Commerce in Moderne Times», а также Эшли, «Экономическая исторія Англіи съ XI до XVI ст.». Перев. съ англ., 1897; доходитъ до начала XVII ст. Для Германіи общій обзоръ въ исторіи Lamprecht'a, «Deutsche Geschichte», отдѣльныя главы въ VI—IX томахъ

Изъ спеціальныхъ монографій, которыми мы пользовались, назовемъ важнѣйшія Германія. Баденъ—Gothein, «Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes», 1891 Вюртембергъ — Troeltsch, «Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter», 1897. Прирейнскія области (промышленность Золингена, Ахена и т. д.)—Thun, «Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter», 1880 Herkner, «Die oberelsassische Baumwollindustrie und ihre Arbeiter», 1887. Бавaрія—Schanz, «Kolonisation und Industrie in Franken», 1880. Schmelzle, «Der Staatshaushalt Bayerns im XVIII Jahrhundert», 1900. Пруссія—Schmoller, «Wirtschaftspolitik Friedrichs des Grossen» («Jahrbuch fur Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft» т. XI и сл.). Саксонія—Bein, «Die Industrie des sachsischen Voigtlandes», 1886 Кустарная промышленность Германіи вообще—Stieda, «Litteratur, heutige Zustände und Entstehung der Hausindustrie», 1889. Schmoller, «Die Hausindustrie und ihre älteren Ordnungen und Reglements» («Jahrbuch fur Gesetzgebung etc.», 1887), «Das Recht und die Verbande der Hausindustrie» (тамъ же, 1891). Молчановскій, «Цеховая система въ Пруссіи въ XVIII ст.», 1887

Австрія Pribram, «Geschichte der oesterreichischen Gewerbepolitik», 1908 Max Adler, «Die Anfange der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich», 1903. Ber, «Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria-Theresia», I, 1897. Hatschek, «Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien», 1887. Mises, «Zur Geschichte der oesterreichischen Fabrikgesetzgebung» («Zeitschrift fur Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung», 1905). Rizzi, «Das oesterreichische Gewerbe im Zeitalter des Merkantilismus» (тамъ же, 1903). Franz Mayer, «Die Anfange des Handels und der Industrie in Oesterreich», 1882.

Франція. Martin, «La grande industrie sous Louis XIV», 1898. Martin, «La grande industrie en France sous le règne de Louis XV», 1900. Des Cilleuls, «Histoire et régime de la grande industrie en France au XVII et XVIII siècles», 1898. Clément, «Histoire de la vie et de l'administration de Colbert», 1846. Godart, «L'ouvrier en soie. Histoire du tisseur lyonnais», 1899. Hauser, «Les ouvriers du temps passé», 1899. Е. В. Тарле, «Рабочіе національныхъ мануфактуръ въ эпоху Революціи», 1908.

Нидерланды. Julin, «Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII siècle», «Mémoires couronnés de l'academie royale de Belgique. T. LXIII». Pringsheim, «Die wirtschaftliche Entwickelung der Vereinigten Niederlande im XVII und XVIII Jahrh.». Pirenne, «Geschichte Belgiens», B II, III.

Швейцарія. Geering, «Basels Handel und Industrie bis zum Ende des XVII. Jahrh.», 1886. Wartmann, «Industrie und Handel im Kanton St-Gallen», 1867.

Англія. Rogers, «Six Centuries of Work and Wages», 1884 (есть русск. пер.: «Исторія труда и заработной платы въ Англіи»). Held, «Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands», 1881 (есть русск. пер.: «Развитіе крупной промышленности въ Англіи»). Mantoux, «La révolution industrielle au XVIII siècle», 1906. Lohmann, «Die staatliche Regelung der englischen Wollindustrie vom XV bis zum XVIII Jahrhundert», 1900. Dechesne, «L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre», 1900. Schulze-Gävernitz, «Der Grossbetrieb» (есть русск. пер.: «Крупное производство»). Steffen, «Geschichte der englischen Lohnarbeiter», B. II Гобсонъ, «Эволюція капитализма».

Кромѣ того: Адамъ Смитъ, «Богатство народовъ». Рус. пер. Бибикова, 1866 Марксъ, «Капиталъ», т. I. Бюхеръ, «Возникновеніе народнаго хозяйства», СПБ., 1907. Wiebe, «Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII. Jahrh.», 1896. Н. И. Карѣевъ, «Исторія Западной Европы въ новое время»; его же, «Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII, XVIII вѣковъ», 1908.

Переходъ къ машинному производству и фабрикамъ, дальнѣйшее развитіе фабричной промышленности и вліяніе его на положеніе рабочаго класса имѣется въ указ соч Маркса, Гельда, Манту, Шульце-Геверница, Стеффена, Тойнби, «Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст», 1897, и въ моемъ изслѣдованіи: І. М. Кулишеръ, «Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли», т. II—«Девятнадцатый вѣкъ», СПБ, 1908 г

Оглавленіе.

Стр

Предисловіе 1

Введеніе. Характеръ промышленности въ средніе вѣка.

Глава I. Ремесло и цеховой строй въ средніе вѣка. 3—9

Ремесло какъ характерная форма производства въ средніе вѣка. Монополія ремесла на городскомъ рынкѣ. Стѣсненія привоза произведенныхъ внѣ города товаровъ Цеховая организація въ средніе вѣка. Характеръ цеховой исключительности. Стѣсненіе доступа въ цехъ постороннихъ лицъ. Позорящія занятія. Требованіе законнаго и свободнаго происхожденія. Высокіе вступные взносы. Пробная работа. Угощеніе членовъ цеха. Обязательность владѣнія имуществомъ. Ограниченіе числа членовъ

Глава II. Образованіе въ средніе вѣка постояннаго рабочаго класса подмастерьевъ. — Заработная плата. — Продолжительность рабочаго дня . . 9—16

Возникновеніе рабочаго класса одновременно съ образованіемъ цеховъ. Столкновенія между мастерами и подмастерьями въ нѣмецкихъ городахъ въ XIV ст. Соціальная рознь между мастерами и подмастерьями во Франціи. Борьба съ союзами подмастерьевъ и стачками въ Англіи. Эшли и М. М. Ковалевскій о существованіи рабочаго класса въ средніе вѣка. Заработная плата. Установленіе максимальной платы для подмастерьевъ цеховыми мастерами. Запрещеніе платить болѣе высокое вознагражденіе Чрезвычайная продолжительность рабочаго дня въ средніе вѣка. Работа продолжается съ восхода до заката солнца, 14—16 часовъ, ночная работа. Заключеніе.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧІЙ КЛАССЪ въ XVI—XVIII ст.

А. Домашняя или кустарная промышленность

Глава I. Переходъ отъ замкнутаго городского хозяйства къ территоріальному хозяйству . . . . 19—28

Средневѣковой городъ какъ самодовлѣющее цѣлое; ввозъ промышленныхъ издѣлій во второй половинѣ XV и въ XVI ст. Франція, Парижъ, Туръ. Сосредоточеніе шерстяной промышленности въ немногихъ мѣстностяхъ въ XVII ст Страсбургъ, Любекъ. Безуспѣшная борьба цеховъ съ привозомъ въ городъ фабрикатовъ. Экспортъ нюрнбергскихъ издѣлій. Свобода обмѣна внутри Англіи. Итальянскіе города. Раздѣленіе труда между различными мѣст-

стр

постями Самодовлѣющій городъ замѣняется самодовлѣющимъ государствомъ Таможенная политика послѣдняго Усиленіе конкуренціи внутри государства въ XVII—XVIII ст Отмѣна внутреннихъ таможенъ Меркантилизмъ. Измѣненія въ характерѣ и размѣрахъ обмѣна и появленіе вексельнаго и фондоваго рынка. Почта Мѣры къ облегченію транспорта товаровъ. Водные пути. Искусственныя водныя сооруженія во Франціи, Пруссіи и Англіи. Сухопутные пути сообщенія. Скорость перевозки.

Глава II. Появленіе конкуренціи въ торговлѣ и вліяніе ея на цѣны . . . . . 28—34

Возникновеніе международной торговли промышленными издѣліями Контрабандный характеръ ея. Усиленіе контрабанды въ XVII—XVIII ст.; контрабандный ввозъ промышленныхъ издѣлій въ Англію, Францію, Пруссію, Австрію Саксонская промышленность. Общее повышеніе уровня цѣнъ въ XVI—XVII ст. Цѣны промышленныхъ издѣлій понизились по сравненію съ цѣнами другихъ товаровъ Цѣны на сырье значительно возросли по сравненію съ цѣнами фабрикатовъ. Сокращеніе части цѣны, представляющей собою прибыль и заработную плату. Пониженіе прибыли на единицу товара компенсируется возрастаніемъ въ суммѣ, расширеніе производства.

Глава III. Возникновеніе кустарной или домашней промышленности . . . . . 34—41

Превращеніе самостоятельнаго ремесленника въ кустаря, сбывающаго свои произведенія скупщику. Зачатки переворота относятся къ средневѣковому періоду. Ограниченность городского рынка Сбытъ продуктовъ на ярмаркахъ Борьба городовъ съ работой цеховыхъ мастеровъ по заказу другихъ мастеровъ. Возникновеніе кустарной промышленности внѣ городовъ. Стѣсненіе ввоза промышленныхъ издѣлій средневѣковыми городами. Кустарная промышленность возникаетъ лишь въ мѣстностяхъ, обладающихъ фактической монополіей въ данной области Размѣры распространенія кустарной формы производства въ средніе вѣка Сѣверная Германія Южно-германскіе и сѣверо-французскіе города. Нидерланды. Италія. Англія. Вліяніе условій рынка. Необходимость иной организаціи сбыта. Появленіе класса купцовъ Отдѣленіе прибыли отъ заработной платы

Глава IV. Образованіе класса скупщиковъ-капиталистовъ въ XVI—XVIII ст. . . . 41—55

Только членъ цеха можетъ сбывать произведенные цеховыми мастерами товары Недопущеніе купцовъ. Борьба оканчивается побѣдой послѣднихъ. Первые скупщики. Ганзейскіе города Нюрнбергъ. Парижъ Вюртембергъ Торно Галле. Магдебургъ. Бавaрія. Лионъ Появленіе новаго вида раздѣленія труда въ концѣ средневѣковаго періода (Produktionsteilung) Цехъ, производящій конечныя операціи, захватываетъ въ свои руки сбытъ издѣлій Превращеніе ремесла въ кустарную промышленность и образованіе класса скупщиковъ-капиталистовъ въ производствѣ металлическихъ издѣлій Производство холоднаго оружія въ Золингенѣ. Ножевый промыселъ въ Золингенѣ. Ножевое производство въ Тюрингіи Иголочный промыселъ въ Швабахѣ Слесарно-замочный промыселъ въ Бирмин-

стр.

гамѣ и Шеффильдѣ. Развитіе кустарной промышленности изъ ремесла въ текстильномъ производствѣ. Превращеніе сукноваловъ въ суконщиковъ во Франціи и Англіи. Обязательность семилѣтняго ученичества для скупщиковъ въ Англіи Образованіе класса скупщиковъ-предпринимателей въ баденской и вюртембергской текстильной промышленности. Констанцъ, Пфорцгеймъ, Кальвъ. Отрасли промышленности, гдѣ сбытъ всегда находился въ рукахъ купцовъ Шелковая промышленность и соединенныя съ нею производства. Константинополь. Итальянскіе города. Базель. Цюрихъ. Ліонъ. Нидерланды. Крефельдъ. Берлинъ. Кустарная промышленность—господствующая форма производства въ XVII—XVIII ст. Цехи сохраняются, но теряютъ свое значеніе. Франція. Германія. Нидерланды. Англія. Швейцарія.

Глава V. Составъ рабочихъ въ области домашней промышленности . . . . . 55—68

Расширеніе класса несамостоятельныхъ рабочихъ въ XVI—XVIII ст. Увеличеніе числа цеховыхъ учениковъ и подмастерьевъ. Нарушеніе цеховыхъ привилегій. Появленіе новыхъ элементовъ. Городскіе привилегированные мастера, придворные мастера; другія категоріи городскихъ цеховыхъ мастеровъ. Иностранцы, переселяющіеся изъ различныхъ странъ. Лица, самовольно принявшіяся за производство промысла. Участіе женщинъ и дѣтей въ кустарной промышленности. Значеніе сельскихъ жителей для развитія новой промышленности. Сельская промышленность въ Англіи. Борьба между городскими цехами и сельскимъ населеніемъ. Распространеніе суконной промышленности въ селахъ. Другія отрасли производства. Сельскіе промыслы во Франціи; фактическое распространеніе ихъ и до половины XVIII вѣка. Соединеніе промысловъ съ земледѣліемъ. Сельскіе промыслы въ Пруссіи. Распространеніе ихъ, связь съ земледѣліемъ. Силезія. Текстильная промышленность Пфорцгейма, Кальва, Фогтланда Сельскій характеръ швейцарской промышленности. Сходство между нашей кустарной промышленностью и западно-европейской.

Глава VI. Кризисы и безработица . . . . . 68—75

Колебанія въ производствѣ и превышеніе предложенія рабочихъ рукъ надъ спросомъ. Въ періоды застоя скупщики прекращаютъ пріобрѣтеніе товара у кустарей. Безработица въ Саксенъ-Мейнингенѣ. Политика кальвской компаніи; недостатокъ заработка. Базель. Промышленные кризисы въ Англіи въ XVI и XVII ст. Волненія среди рабочихъ. Кризисы въ лонской шелковой промышленности и безработица. Недостатокъ работы въ другихъ французскихъ городахъ.

Глава VII. Взаимныя отношенія между предпринимателями и рабочими . . . . . 75—85

Стремленіе скупщиковъ подчинить кустарей своей власти. Ограниченія, установленныя для мастеровъ въ нѣмецкихъ и итальянскихъ городахъ. Венеція, Генуя, Пиза. Зависимость кустарей отъ скупщиковъ въ флорентинской шерстяной промышленности. Власть скупщиковъ въ лонской шелковой промышленности. Запрещеніе кустарямъ самостоятельно сбывать свои издѣлія. Двѣ корпораціи (скупщиковъ

стр.

и кустарей) въ Германіи Прикрѣпленіе кустарей къ опредѣленной корпораціи скупщиковъ Тюрингія, Баварія, Моравія, Эльзасъ, Саксонія, Вюртембергъ Мѣры, принятыя кальвской компаніей, обширная власть послѣдней надъ рабочими Зависимость рабочихъ въ Золингенѣ и Зигенѣ Значеніе конкуренціи между скупщиками при сбытѣ товаровъ

Глава VIII. Мѣропріятія государства съ цѣлью пониженія заработной платы . . . . . 85—95

Какъ устанавливается заработная плата въ XVI—XVIII ст. Англійскіе писатели XVII—XVIII ст. настаиваютъ на высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и низкой заработной платѣ Возраженія Адама Смита. Соотвѣтствіе между теоріей и практикой. Установленіе максимума заработной платы мировыми судьями Дѣйствительная плата нѣсколько выше установленной. Регулированіе заработной платы въ суконной промышленности. Суконщики-предприниматели въ качествѣ мировыхъ судей, опредѣляющихъ плату рабочихъ Установленіе максимальной платы во Франціи Въ чемъ заключается сила лионской промышленности? Стремленіе къ сокращенію заработной платы въ Австріи и Пруссіи. Порядокъ установленія заработной платы въ Вюртембергѣ. Зависимость правительства отъ скупщиковъ. Вліяніе установленнаго максимума на высоту заработной платы.

Глава IX. Уменьшеніе заработной платы въ XVI—XVIII ст.—Расплата товарами. — Продолжительность рабочаго дня.—Стремленіе къ распространенію труда женщинъ и дѣтей . . . . . 95—105

Сокращеніе реальной заработной платы въ XVI—XVII ст. по вычисленіямъ Вибе. Уменьшеніе реальной платы въ Англіи. Пониженіе заработной платы въ Вюртембергѣ. Вычисленія д'Авенеля относительно номинальной и реальной платы во Франціи въ XVI—XVIII ст. Размѣры задѣльной платы промышленныхъ рабочихъ во Франціи. Вычеты изъ платы, производимые факторами-посредниками. Truck-system. Отсутствіе запрещеній расплаты товарами въ Англіи въ XVI и XVII ст. Расплата товарами въ Германіи. Стремленіе къ удлиненію рабочаго дня. Англійскіе законы о минимальномъ рабочемъ днѣ. Продолжительность работы въ нѣмецкихъ городахъ, въ Австріи, Франціи (14—16 часовой рабочій день). Стремленіе лучшихъ людей къ примѣненію женскаго и дѣтскаго труда въ промышленности. Роланъ де-ла-Платьеръ. Герниггъ Юсти Мѣры Фридриха Великаго и Маріи-Терезіи. Широкое пользованіе трудомъ малолѣтнихъ на континентѣ и въ Англіи. Уаррантонъ. Дефоэ. Причины такого отношенія къ труду малолѣтнихъ

Глава X. Общее положеніе рабочихъ въ кустарной промышленности . . . . . 105—112

Тяжелое положеніе рабочихъ въ англійской шерстяной промышленности. Печальныя условія во Флоренціи и Генуѣ Матеріальное положеніе предпринимателей и рабочихъ въ Германіи Ульмъ. Силезія. Вюртембергъ. Благосостояніе предпринимателей. Нищенскія условія жизни рабочихъ-кустарей. Состоятельность скупщиковъ въ Лионѣ;

СТР

безвыходная нужда ліонскихъ рабочихъ. Противоположность регламентовъ кустарной промышленности XVI—XVIII ст. фабричному законодательству XIX вѣка. Неправильный взглядъ Шмоллера. Періодъ такъ назыв. первоначальнаго накопленія у Маркса.

Б. Централизованныя мануфактуры въ XVII—XVIII ст.

Глава I. Понятіе мануфактуры прежде и теперь.— Централизованныя мануфактуры, устроенныя иностранцами . . . . . 113—123

Понятіе мануфактуры въ XVII—XVIII ст. Мануфактура и фабрика—синонимы. Понятіе централизованной мануфактуры въ современной наукѣ. Возникновеніе первыхъ мануфактуръ Конкуренція съ цехами. Королевскія и герцогскія мануфактуры. Превращеніе первоначальныхъ промышленныхъ заведеній въ дѣйствительныя централизованныя мануфактуры Значеніе переселеній промышленныхъ элементовъ XVII—XVIII ст. и покровительство правительствъ новымъ переселенцамъ. Столкновенія иностранцевъ съ цехами и защита первыхъ государствомъ.— Первыя мануфактуры во Франціи. Луврская галлерея. Причины ея возникновенія. Характеръ производства вначалѣ и впослѣдствіи Мануфактура гобеленовъ. Другія привилегированныя мануфактуры. Первая австрійская мануфактура. Цѣль учрежденія ея. Возникновеніе мануфактуръ въ Нидерландахъ и въ Пруссіи.

Глава II. Мануфактуры съ несвободнымъ трудомъ . 123—131

Возникновеніе централизованныхъ мануфактуръ въ домахъ призрѣнія, тюрьмахъ, работныхъ домахъ. Соединеніе сиротскихъ пріютовъ съ исправительными заведеніями и домами умалишенныхъ. Устройство мастерскихъ въ этихъ учрежденіяхъ. Германія. Нидерланды. Австрія. Франція. Англія. Цѣль устройства работныхъ домовъ и тюремъ. Бродячее населеніе Амстердамъ. Исправительные и работные дома — тѣ же мануфактуры. Базель. Бременъ. Голландскія мануфактуры въ исправительныхъ домахъ Отдача мануфактуръ съ принудительнымъ трудомъ на откупъ предпринимателямъ. Необходимость отрѣшиться отъ современной точки зрѣнія на принудительный трудъ въ тюрьмахъ Заработная плата несвободныхъ рабочихъ, неправильный взглядъ Гиппеля.

Глава III. Мануфактуры, возникшія изъ болѣе раннихъ формъ производства . . . . . 132—142

Двоякій способъ образованія централизованныхъ мануфактуръ по Марксу. Значеніе теоріи Маркса и пробѣлы въ ней. Невозможность объясненія образованія мануфактуръ изъ другихъ формъ производства въ случаѣ принятія теоріи Маркса Раздѣленіе производства въ кустарномъ промыслѣ и расчлененіе труда на мануфактурѣ. Смѣшанныя предпріятія—переходъ нѣкоторыхъ операцій на мануфактуру Постепенное возникновеніе централизованныхъ мануфактуръ изъ кустарнаго производства въ Вюртембергѣ.

стр.

Кальвская компанія. Медленность перехода. Ситцевая «фабрика» въ Зульцѣ. Ея организація. Рѣдкость централизованныхъ мануфактуръ, возникающихъ генетически въ старыхъ отрасляхъ производства. Вюртембергъ. Баденъ Франція. Баварія. Кустарная промышленность и мануфактуры съ несвободнымъ трудомъ. Отказъ свободныхъ рабочихъ идти на мануфактуры. Бельгійскія мануфактуры (анкета 1764 г.) Рѣдкость мануфактуръ въ Англіи.

Глава IV. Выгоды централизованныхъ мануфактуръ.—Раздѣленіе труда на мануфактурахъ . . . . . 143—148

Факторы-посредники и утайка матеріала кустарями. Злоупотребленія факторовъ и обманы кустарей въ Шварцвальдѣ. Ахенъ Крефельдъ. Борьба съ утайкой матеріала въ Англіи Сокращеніе этихъ злоупотребленій при переходѣ къ мануфактурѣ. Расчлененіе труда на мануфактурѣ Сочиненіе Адама Смита предшествуетъ появленію машинъ. Огромное значеніе, придаваемое имъ раздѣленію труда. Выгоды раздѣленія труда по Смиту. Булавочная мануфактура. Почему онъ выбралъ именно эту отрасль производства? Вліяніе раздѣленія труда на благосостояніе народа.

Глава V. Положеніе рабочихъ на централизованныхъ мануфактурахъ.—Прикрѣпленіе рабочихъ къ мануфактурѣ.—Продолжительность рабочаго дня.—Эксплуатація труда женщинъ и малолѣтнихъ 148—153

Положеніе рабочихъ на королевской зеркальной мануфактурѣ во Франціи. Полное прикрѣпленіе ихъ къ мануфактурѣ. Преслѣдованіе бѣглыхъ. Тяжелая дисциплина. Прикрѣпленіе рабочихъ къ мануфактурамъ въ другихъ случаяхъ. Примѣры. Вотчинныя мануфактуры. Женскій и дѣтскій трудъ на свободныхъ мануфактурахъ. Kinderhauser на австрійскихъ мануфактурахъ. Бѣдственное положеніе дѣтей; 13—14-часовой рабочій день малолѣтнихъ, условія жизни малолѣтнихъ. Отношеніе правительства

Заключеніе . . . . . 154—160

Переходъ къ новой техникѣ и организаціи хозяйства. Промышленныя монополіи въ Англіи въ XVI—XVII ст. и уничтоженіе ихъ съ конца XVII вѣка. Сохраненіе ихъ на континентѣ Европы до конца XVIII и начала XIX вв. Остатки цеховыхъ привилегій въ Англіи въ XVIII ст., ихъ постепенное исчезновеніе Свободная конкуренція въ сферѣ англійской хлопчато-бумажной промышленности Духъ свободной конкуренціи на континентѣ Европы Швейцарская хлопчатобумажная промышленность въ концѣ XVIII ст.; требованія свободной торговли. Положеніе рабочихъ въ первый періодъ фабричной промышленности. Перемѣны въ этомъ отношеніи съ половины XIX вѣка.

Литература . . . . . 161—162